

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 (73)
2007

ISSN 1991-9751

СЕРИЯ

«ЛИНГВИСТИКА»

Выпуск 4

Редакционная коллегия:

д.филол.н., профессор **О.А. Турбина** (*отв. редактор*)
д.филол.н., проф. **Л.Г. Бабенко**, д.филол.н., д.филол.н., проф. **А.П. Чудинов**,
к.филол.н., проф. **Т.Н. Хомутова**, проф. **Е.В. Харченко**,
к.филол.н., доц. **С.С. Голубева**, к.филол.н., доц. **Е.А. Филиппенко**,
Е.С. Жеребятьева (*отв. секретарь*)

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАММАТИКА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВА А.П., СУЯЗОВА Е.А. Предельные синтагматические последовательности в научных и исторических текстах (на материале работ, посвященных кризису коалиционного правительства в Англии 1922 г.) 3

НЕСТЕРОВА Н.М., КОРЮКИНА Н.В. О проблеме межкультурной транслируемости комического (на примере повести Сергея Довлатова «Компромисс») 9

ПОПОВА В.Б. Обстоятельственные наречия времени как компоненты функционально-семантического поля темпоральности 13

ПСИХОЛИНГВИСТИКА И ВОПРОСЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

ЛАРИОНОВА А.Ю. О ключевой лексике неформального студенческого дискурса: модель анализа 16

ПЛЕУХОВА Е.А., СУЛЕЙМАНОВА Д.Д. Психолингвистический анализ концепта «смерть», вербализованного в произведениях Ф.Г. Лорки и Д.М. Синжа 23

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВА А.П., ПОКРОВСКАЯ М.Е. Политическая корректность и языковая норма 26

Содержание

ЧУДИНОВ А.П., БУДАЕВ Э.В. Этапы развития зарубежной политической лингвистики	30
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ВУЗЕ	
КУДРЯШОВА О.В. Компетентностный подход к обучению письменной речи как проблема теории и практики обучения иностранным языкам	36
ХОМУТОВА Т.Н. Теоретическая грамматика английского языка: структура и содержание учебника	42
ФРАЗЕОЛОГИЯ	
ЗАЛЯЛЕЕВА А.Р. Сопоставительный анализ функционирования фразеологических единиц в заголовках креолизованных текстов современной англоязычной и русскоязычной прессы	47
КАЦЮБА Л.Б. Особенность структуры обобщенного значения личных форм глагола в паремиях (опыт семантико-грамматического исследования языкового сознания русского народа)	52
РАДЧЕНКО Е.В. Процесс образования многозначных фразеологических единиц	58
САФИНА Р.А. К вопросу о мотивационном компоненте фразеологического значения (на материале немецкого и русского языков)	62
ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ	
БАЛАКИНА Э.Ф. Исследование регулирующего воздействия формы криволинейных объектов в графическом оформлении	66
ВОРОБЬЕВА К.А. Лингво-культурологические источники иронии	72
ЕВСЕЕВА О.В. Модели организации ментального лексикона на материале образования формы прошедшего времени неправильных глаголов в английском языке	75
КУДРУК Г.Н. Собирательный образ профессионала в представлении русского человека	77
ОВЕШКОВА А.Н. Особенности структуры именной группы в афро-американском английском	80
СОКОЛОВА Ю.Г. Сравнительный анализ понятий «речевая деятельность» и «речевое поведение»	85
ТОЛСТЫХ О.А. Функции эпиграфа в романе Д. Лоджа «Хорошая работа»	87
ХАЦКОВА А.А. Именное предложное сочетание как средство связи в тексте	91
ХОМУТОВА А.А. Теория фонемы в прикладном аспекте	94
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	99

ГРАММАТИКА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

УДК 81'36

ПРЕДЕЛЬНЫЕ СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ В НАУЧНЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТ, ПОСВЯЩЕННЫХ КРИЗИСУ КОАЛИЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В АНГЛИИ 1922 г.)

А.П. Миньяр-Белоручева, Е.А. Суязова

Устойчивые полилексемные образования общенаучной тематики междисциплинарны по своему характеру и могут быть использованы при создании научного произведения в любой области знания, поскольку они отражают основные понятия научной категоризации.

Лексика научных текстов, неоднородная по своему составу, подразделяется на три основных слоя: общеупотребительный, терминологический и общенаучный¹.

Общенаучная лексика, составляющая в научных исторических текстах примерно 24 %, выражает специальные понятия, которые описывают объекты, явления и процессы в различных областях знания². Составляя основу научного стиля изложения, общенаучная лексика выражает наиболее общие понятия научной категоризации, способствует логическому и последовательному изложению материала.

В состав общенаучной лексики входят: слова, словосочетания и предельные синтагматические последовательности, выраженные различными типами предикативных единиц, которые вносятся в текст в готовом виде. Особенностью общенаучного слоя лексики является растворение слова как единицы языка в словосочетаниях и предельных синтагматических последовательностях – полилексемных, семантически глобальных, раздельно оформленных лексических единицах. Являясь сложными функциональными эквивалентами слова, эти устойчивые полилексемные образования научной речи не создаются каждый раз заново в процессе построения текста, а вносятся в него целиком в готовом виде. Эти вносимые в речь «блоки», в которых слово дано в типичном для него окружении в составе полилексемных единиц, воспринимаются как единое целое³.

Предельные синтагматические последовательности характеризуются линейной последовательностью составляющих их единиц и относятся к автоматизированным средствам языкового выражения научной мысли⁴.

Общенаучные предельные синтагматические последовательности междисциплинарны, поскольку создаются соположением научных слов и

классифицируются с опорой на ключевое общенаучное слово. Составляя основу научных текстов, общенаучные предельные синтагматические последовательности являются средствами и выражения общего процесса научного познания. В основе тематической классификации ПСП, функционирующих в научных исторических текстах была система, отражающая ступени научного познания, которая была предложена при анализе монолексемных единиц общенаучного характера. Эта классификация основывается на таких стадиях научного познания как: 1) предвидение и перспективы; 2) приобретение знаний; 3) организация и систематизация материала; 4) верификация, проверка; 5) выводы, заключение; 6) передача знаний, показ⁵.

Помимо общенаучных предельных синтагматических последовательностей в научном тексте функционируют специально-научные предельные синтагматические последовательности. Отражающие специфику конкретной области знания и образующиеся в результате взаимодействия общенаучной деятельности с терминами.

Специально-научные синтагматические последовательности исторической науки создаются соположением общенаучных лексических единиц и исторических терминов⁶.

Систематизация специально-исторических предельных синтагматических последовательностей базируется на двух основополагающих категориях исторической науки: исторического факта с исторического источника⁷.

Сосредоточенные вокруг этой диады предельные синтагматические последовательности отражают основные параметры указанных категорий: 1) изложение фактов; 2) сравнение одного факта с другим; 3) установление причинно-следственной связи; 4) воссоздание исторического прошлого; 5) выделение характерных черт; факторов, явлений;

Грамматика и лингвистика текста

6) цитирование источников; 7) их оценка; 8) способы обозначения исторического времени.

Исходя из достижений лингвистов, изучавших предельные синтагматические последовательности, представляется интересным детально проанализировать и классифицировать предельные синтагматические последовательности, функционирующие в текстах, посвященных одной тематике. В качестве исследуемого материала были взяты работы четырех английских историков: К.О. Моргана⁸, И. Булмер-Томаса⁹, Р.Л. Мовата¹⁰, Р.Р. Джеймса¹¹, в которых рассматривалась политическая история Великобритании, в частности главы, повествующие о кризисе Коалиционного правительства в 1922 году, узлом, переломном моменте в истории Великобритании после I Мировой войны. С точки зрения развития политических процессов в Англии, переход от Коалиционного типа политического управления страной к однопартийному правительству мирного времени в 1922 г. – это важнейший рубеж на пути перехода от бедствий и тягот I Мировой войны к устройству мирной жизни в 1920-е годы. Политический кризис 1922 г. привел не только к важным изменениям в системе организации консервативной партии – созданию в палате общин «комитета 1922» с помощью которого лидеры консервативной партии до сих пор получают информацию о взглядах заднескамеечников, но и к трансформации общего партийно-политического механизма – замены либералов на позиции второй ведущей партии в стране лейбористами.

Несмотря на интерес авторов исследуемых работ к вопросам падения коалиции в 1922 г., их широкое освещение и анализ данной проблемы, в своих работах они не ограничиваются данным вопросом, посвящая только несколько глав причинам падения коалиции и самим политическим событиям 1922 г. Этим отчасти можно объяснить отсутствие общенаучных предельных синтагматических последовательностей, составляющих первую стадию научного познания – «предвидение и перспектива». Согласно традиции предельные синтагматические последовательности данной тематической группы функционируют во введении, начале главы или параграфа, где определяются цели и задачи.

Процесс «приобретения знаний», включающий в себя такие операции как наблюдение, прогнозирование, открытие, носит в истории несколько специфический характер из-за отсутствия возможности ученым познавать исторические события: историк использует логические средства (анализ, синтез, умозаключение)¹².

В рамках данной тематической группы в исследуемых произведениях функционируют предельные синтагматические последовательности раскрывающие состояние вопроса исследования, в частности, излагают общепринятые положения:

The Cabinet as traditionally known was a thing of the past¹³.

Of the Conservatives in the Cabinet, it was known that Chamberlain, Balfour, Birkenhead ... where in favour of the continuance¹⁴...

Тематическая группа «передача знаний» представлена в исследуемых произведениях предельными синтагматическими последовательностями связанными объяснением:

... it is to be explained by antipathy of Lloyd George rather than by affection for the Tories¹⁵;

... but it is a sufficient explanation that the party balance would have been upset by Charechill's appointment.

Верификацией – проверкой истинности выдвинутых положений, которой очень часто отводится особая роль в научных текстах Историк не может опытным путем установить достоверность выдвинутых положений. Ему необходимо убедить читателя в том, что именно его подход к интерпретации исторических событий наиболее правильный. Историков исследуемых произведений отделяет от описываемых ими событий несколько десятилетий. Лишь на основе логических доказательств они могут подтвердить истинность своих целей:

There was much truth in subsequent comment of Philip Cuedalla¹⁶.

Just to ram the point home, the meeting was timed to take place just after the result of a by-election at Newport was due to be announced¹⁷.

This and other evidence makes clear that it was Chamberlain and not the malcontents who wanted...

The contemptuous way in which he brushed aside..., was proof enough of that¹⁸. ...this claim, selective though it was, was not without justice¹⁹.

Как любой ученый, историк в процессе «передачи знаний» дает оценку исследуемому материалу. Рассматриваемые авторы, в этом смысле, не являются исключением! Порой их оценка весьма нейтральна:

...and it was difficult to judge the Russian intervention or the handling of the situation in Irland as outstanding triumphs²⁰.

Бывает и резко отрицательной:

The ugliest aspect of this deplorable incident was the support that Dyer received in Britain²¹.

Even so, until the late summer of 1922, it would be wrong to overemphasize Lloyd George's political weakness²².

Для подтверждения своих доводов и придания им большей значимости историки пользуются «ссылками на авторитеты», предельными синтагматическими последовательностями отсылающими к их коллегам:

But the real sensation was Baldwin's contribution, which revealed, as his biographer has written, «a new eloquence...»²³.

Austen Chamberlain's biographer notes that «the debate»²⁴. The King's initiative, as Mr. Taylor had said, was ...²⁵

Несмотря на отсутствие возможности экспериментально повторить прошлое, авторы исследуемых произведений не отказываются от идеи наглядности при передаче научного сообщения. Они используют устойчивые полилексемные образования для иллюстрации теоретических положений:

Once more it had been demonstrated that England does not love coalitions²⁶.

Для введения цифровых данных:

the figures showed what the Conservatives owed to the disunity of the other parties²⁷.

Широко представлены в исследуемых произведениях общенаучные предельные синтагматические последовательности, составляющие структурно-композиционную основу научного текста. Они выделяются в рамках тематической группы «передача знаний» и способствуют логическому и последовательному изложению научного материала²⁸.

В процессе научного высказывания эти образования указывают на определенные этапы в развитии авторской мысли. Такие синтагматические образования, обладая нулевой информацией, являются средством способствующим ее надежной передаче.

В исследуемых работах функционируют предельные синтагматические последовательности, которые используются для выражение связи с предшествующим высказыванием:

In fact, as we have seen, it was Chamberlain who asked for the Carlton Club meeting²⁹.

Для уточнения и разъяснения высказанной мысли:

...it was clear that the annual Conservative reference in November was going to be a difficult occasion³⁰.

As men studied the lines of the opposed forces, it was learnt that Bonar Low's attitude would be decisive³¹.

Nowhere were these new tendencies more apparent than the realm of labour policy³².

Для активизации внимания читателя:

...it was not surprising that Low's Cabinet had a hat makeshift appearance³³.

But the real sensation was Baldwin's contribution, which revealed³⁴.

It must be emphasised that the decision was made by Conservative leaders.³⁵

This was the essential problem, and one which the Coalition's critics... found insoluble until September³⁶.

The depression of 1921 may have afflicted the people grievously, but the effects were infinitely less cruel than they would have been without...³⁷

Помимо предельных синтагматических последовательностей общенаучного характера в исследуемых произведениях функционируют синтагматические последовательности, отражающие специфику исторической науки. Часть их связана с категорией исторического факта. В частности, с изложением самих фактов:

Everything depended on Bonar Low³⁸.

...the decision was made to hold the election before then³⁹.

...it was decided to call a party meeting⁴⁰.

There were several factors involved in the sudden volte - face of the British.

Government, but the dominant one was the increasing revulsion in Britain at the war and the manner in which it was being conducted⁴¹.

This in itself demonstrated the new nervousness with which the British regarded the situation in India⁴².

Для установления причин и следствий:

...and if he still found fault with the Conservatives, it was partly because their subservience to Lloyd George made them blind to the danger that he perceived so vividly...⁴³

Установлением связей и различий между имеющимися фактами:

...his government's record compared favourably with its pre-war predecessors⁴⁴.

В исследуемых произведениях наблюдается функционирование специально – исторических предельных синтагматических последовательностей, которые образуются путем взаимодействия научных слов с терминами конкретной области знания. Некоторые из них дублируют основные стадии научного познания, т.е. способствуют передаче научного знания, иллюстрации своих и чужих идеи. Однако следует иметь в виду, что в отличие от общенаучных предельных синтагматических последовательностей, данные глобально оформленные лексические единицы отражают специфику конкретной науки или области знания:

The following general election showed grammatically how fragile his position had really become⁴⁵.

But his downfall showed how insubstantial his position had really been...⁴⁶

The repeat of the Conservative party managers showed that, if the Coalition broke up, the Labour party might win 300 seats...⁴⁷

Их используют для выражения подтверждения:

His downfall confirmed that in the final analysis's Lloyd George must revive his Liberal loyalties and create a new Liberal party to play any part in determining the political future⁴⁸.

Such politics as the retaliation in Ireland, the Jeddah «axe» at home and the jingo policies in Asia Minor merely confirmed this process⁴⁹.

The result however, confirmed the decision made at the Carlton Club⁵⁰.

Во всех перечисленных предельных синтагматических последовательностях термины имеют узкотематическую направленность, связанную с проблематикой исследования данных исторических текстов.

Другие специально – исторические предельные синтагматические последовательности также как и общенаучные связаны со структурно – композиционным оформлением работы. Они активизируют внимание читателя:

Грамматика и лингвистика текста

Nevertheless, there was no desire on the part of any of the party chiefs to end the Coalition.

Среди специально – исторических предельных синтагматических последовательностей в исследуемых работах можно выделить узкотематические, связанные с проблематикой исследования данных исторических текстов. Своеобразие этой проблематики, касающейся внутри и межпартийной борьбы, вокруг разрыва консервативно – либеральной коалиции, определило частое использование авторами этих работ предельных синтагматических последовательностей, в которых сами участники правительственного кризиса 1922 г., ведущие политики того времени высказывают, утверждают, подчеркивают свои взгляды и мнения, проясняют свою позицию, выдвигают предложения. Эти синтагматические последовательности построены вокруг опорных слов: *say, speak, speech, clear, emphasize, motion, claim*.

Balfour spoke in favour of continuing the coalition⁵¹.

Chamberlain made a somewhat condescending speech in support of the Coalition, supported by Balfour⁵².

He (Bonar Low) rose hesitantly, and spoke as if Soliloquising, but made it clear that he thought the party should leave the Coalition and go to the country on its own⁵³.

The Liberal party, he (Baldwin) claimed, lay in ruins...⁵⁴

... in his election program Bonar low emphasized the differences...⁵⁵

Они также отстаивают свои интересы, убеждают в правоте своих принципов, пытаются склонить друг друга к выполнению тех или иных действий.

Семантическим ядром таких предельных синтагматических последовательностей являются опорные слова: *argue, argument, urge*.

Bonar Low had argued at the outset of the new parliament that all the Coalitionist members...⁵⁶.

This close friend, Lord Beaverbrook, had abandoned his support at the Coalition and was now urging him to return, as a duty, to public life⁵⁷.

But he argued that the party must be kept together⁵⁸.

...but when he saw that Bonar Low wanted to hear him he plied all the arguments for breaking the coalition⁵⁹.

...the Prime Minister expounded the arguments for consolidating the government's position by an immediate election⁶⁰.

Широко используют авторы исследуемых произведений предельные синтагматические последовательности, отсылающие к мнению непосредственных участников исторических событий 1922 г. Опорными словами в них являются: *write, note, remark, contend, convinced, record, reckon, describe, view*.

Edward Grey subsequently wrote that the Coalition moved him to «indignation» and despair such as I have never felt about any other British Government.

Arnold Bennett noted after weekend at Cherkley with Chamberlain, Lloyd George, and Birkenhead...⁶¹

As Beaverbrook has recorded: «Between Sunday the 15th...»⁶².

Beaverbrook has described a sharp discussion on October 4th: «The debate became litter in tone»⁶³.

Chamberlain reckoned that he was more likely to carry a meeting of Conservative MPs...⁶⁴.

Despite all the warning Chamberlain was still convinced that he could carry the Unionist party with him in abiding in the Coalition.

As C.F.F. Masterman and others contended, the demise of the old land duties of 1909 symbolized the passing away, indeed the assassination, of pre – war Liberalism⁶⁵.

Встречаются ссылки на людей, которых от событий 1922 отделяет чуть более 10 лет.

«We have no one of that caliber now», sadly remarked a high official in 1938⁶⁶.

Осуществлению столь ответственного и судьбоносного политического шага, каким был переход от коалиционного типа политического управления страной к однопартийному правительству мирного времени в 1922 г., предшествовало рассмотрение и обсуждение сторонниками и противниками большого количества важных политических вопросов. Среди них: внешняя и внутренняя политика правительства Ллойд Джорджа, идея новой центральной партии, сформированной из юнионистов и коалиционных либералов, проведение досрочных всеобщих выборов и др. Их обсуждение проходило, как на уровне правительства и парламента, так и на внутрипартийном уровне. Это нашло отражение в использовании авторами предельных синтагматических последовательностей с опорными словами: *consider, canvass, discuss*.

In 1920, when the government came to consider how the home rule act could be given effect, a new measure provided for separate Parliaments in Ulster and southern Ireland⁶⁷.

Early in 1922 the idea of a General Election was seriously canvassed, and the thwarted by the adamant opposition of Sir George Younger, the head of the Conservative organization⁶⁸.

In February 1920 the prospects of a formal new party had been seriously discussed, but opposed by respective rank and files, and the notion of «fusion» had been allowed to fade away⁶⁹.

Разрыв консервативно-нейтральной коалиции, разрешение политического кризиса, трансформация общего партийно-политического механизма – замена либералов на позициях второй ведущей партии в стране лейбористами, стали результатом принятия политиками ряда конкретных решений. Этим объясняется наличие значительного количества предельных синтагматических последовательностей,

образованных на основе опорных слов: resolve, decide, decision, determine, agree.

Following his advance, the party resolved to fight the ext election as an independent party by 185 votes to eighty-eight⁷⁰.

At this, the leaders decided to summon a meeting of Conservative MP's at the Carlton Club on October 19, and to demand there a vote of confidence⁷¹.

That same week-end the Cabinet, assured that the Conservative conference in November would vote for withdrawal from the coalition, determined to strike first by an immediate dissolution, but owing to the Turkish crisis the decision was postponed⁷².

...a dinner party given by Churchill on the 15th, at which it was decided to call a party meeting at the Coalition Club on the following Thurs day, October 15th.⁷³

While on his holiday at Aix-Les-Bains he (Baldwin) had decided to resign from the Coalition and come out against Lloyd George⁷⁴.

Lloyd George refused to accept this, and it was agreed to seek a dissolution of parliament, and face the country as a Coalition⁷⁵.

Таким образом, проведенный анализ предельных синтагматических последовательностей, функционирующих в исследуемых произведениях, позволяет сделать следующие выводы.

В исследуемых произведениях используется значительное количество общенаучных стереотипных синтагматических последовательностей, относящихся к таким стадиям научного познания как: приобретение знаний (изложение общепринятых положений), передача знаний (объяснение, верификация, выражение оценки, ссылка на авторитеты, иллюстрация теоретических положений, структурно – композиционное оформление работы).

Специально-исторические предельные синтагматические последовательности, функционирующие в данных произведениях, связаны с категорией исторического факта (изложение фактов причинно-следственной связи) и процессом передачи знаний (иллюстрация, подтверждение, уточнение, активизация внимания).

В рамках социально-исторических предельных синтагматических последовательностей удалось выделить узкотематические, отражающие своеобразие проблематики данных научных текстов.

Наличие в исследуемых произведениях предельных синтагматических последовательностей с устойчивым лексическим наполнением, которые употребляются для выражения наиболее общих понятий категоризации: установки проблемы исследования и формулирования достигнутых результатов, традиционно функционирующие в вводной и заключительной частях текста, отчасти объясняется композиционным фактором. Но в этом можно усмотреть и проявление автором индивидуальности. Так, Морган и Джеймс для подтверждения своей правоты завершают главу предельными синтагматическими последовательностями, относящиеся к верификации:

This downfall confirmed that in the analysis Lloyd George must revive his Liberal loyalties and create a new Liberal party to play any part in determining the political future⁷⁶.

The result, however, confirmed the decision made at the Carlton Club⁷⁷.

Булмер-Томас использует предельные синтагматические последовательности для иллюстрации высказывания:

Once more it had been demonstrated that «England does not love coalitions»⁷⁸.

В заключение следует отметить, что в настоящее время наблюдается тенденция к снижению использования историками стереотипных синтагматических последовательностей для подведения итогов и выводов.

¹ Глушко М.М. Лингвистические особенности современного общенаучного языка: дис...канд. филол. наук. М., 1970.

² Миньяр-Белоручева А.П. Язык историка. М., 2001. С. 17.

³ Тер-Минасова С.Г. Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков. М., 1986. С. 5.

⁴ Тер-Минасова С.Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. М., 1981.

⁵ Ахманова О.С. Общелингвистические аспекты оптимизации речевого сообщения. М., 1969. С. 160.

⁶ Миньяр-Белоручева А.П. Предельные синтагматические последовательности в научных исторических текстах: дис. ...канд. филол. наук. М., 1987.

⁷ Там же.

⁸ Morgan K.O. The age of Lloyd George. L., 1971.

⁹ Bulmer-Thomas I. The Growth of the British Party System. L., 1965.

¹⁰ Mowat C.L. Britain between the wars 1918–1940. L., 1955.

¹¹ James R.R. The British revolution. British politics 1880 – 1939. L., 1976.

¹² Миньяр-Белоручева А.П. Цит. соч. С. 21.

¹³ Morgan K.O. Цит. соч. С. 90.

¹⁴ Там же. С. 258.

¹⁵ Bulmer-Thomas I. Цит. соч. С. 252.

¹⁶ James R.R. Цит. соч. С. 164.

¹⁷ Morgan K.O. Цит. соч. С. 162.

¹⁸ Там же. С. 78.

¹⁹ Там же. С. 94.

²⁰ James R.R. Цит. соч. С. 155.

²¹ Там же.

²² Morgan K.O. Цит. соч. С. 91.

²³ James R.R. Цит. соч. С. 163.

²⁴ Bulmer-Thomas I. Цит. соч. С. 252.

²⁵ James R.R. Цит. соч. С. 156.

²⁶ Bulmer-Thomas I. Цит. соч. С. 261

²⁷ James R.R. Цит. соч. С. 166

²⁸ Миньяр-Белоручева А.П. Цит. соч. С. 22.

²⁹ Bulmer-Thomas I. Цит. соч. С. 260.

³⁰ James R.R. Цит. соч. С. 156.

³¹ Bulmer-Thomas I. Цит. соч. С. 259.

³² Morgan K.O. Цит. соч. С. 82.

³³ James R.R. Цит. соч. С. 164.

³⁴ Там же. С. 163.

³⁵ Там же. С. 162.

³⁶ Там же. С. 159.

- ³⁷ Там же. С. 157.
³⁸ Там же. С. 162.
³⁹ Там же. С. 161.
⁴⁰ Там же. С. 162.
⁴¹ Там же. С. 156.
⁴² Там же. С. 155.
⁴³ Vulmer-Thomas I. Цит. соч. С. 251.
⁴⁴ Morgan K.O. Цит. соч. С. 94.
⁴⁵ Там же. С. 93.
⁴⁶ Там же. С. 94.
⁴⁷ Mowat C.L. Цит. соч. С. 138.
⁴⁸ Morgan K.O. Цит. соч. С. 95.
⁴⁹ Там же. С.93-94.
⁵⁰ James R.R. Цит. соч. С. 166.
⁵¹ Vulmer-Thomas I. Цит. соч. С. 260.
⁵² James R.R. Цит. соч. С. 163.
⁵³ Mowat C.L. Цит. соч. С. 142.
⁵⁴ Morgan K.O. Цит. соч. С. 93.
⁵⁵ James R.R. Цит. соч. С. 165.
⁵⁶ Morgan K.O. Цит. соч. С. 77.
⁵⁷ Mowat C.L. Цит. соч. С. 140.
- ⁵⁸ Там же. С. 141.
⁵⁹ Vulmer-Thomas I. Цит. соч. С. 259.
⁶⁰ Там же. С. 255.
⁶¹ James R.R. Цит. соч. С. 154.
⁶² Там же. С. 162.
⁶³ Там же. С. 160.
⁶⁴ Vulmer-Thomas I. Цит. соч. С. 258.
⁶⁵ Morgan K.O. Цит. соч. С. 293.
⁶⁶ Mowat C.L. Цит. соч. С. 142.
⁶⁷ Vulmer-Thomas I. Цит. соч. С. 253.
⁶⁸ James R.R. Цит. соч. С. 159.
⁶⁹ Там же. С. 159.
⁷⁰ Там же. С. 163.
⁷¹ Mowat C.L. Цит. соч. С. 139.
⁷² Vulmer-Thomas I. Цит. соч. С. 257.
⁷³ James R.R. Цит. соч. С. 162.
⁷⁴ Mowat C.L. Цит. соч. С. 140.
⁷⁵ Там же. С. 138.
⁷⁶ Morgan K.O. Цит. соч. С. 95.
⁷⁷ James R.R. Цит. соч. С. 166.
⁷⁸ Vulmer-Thomas I. Цит. соч. С. 261.

О ПРОБЛЕМЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСЛИРУЕМОСТИ КОМИЧЕСКОГО (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА «КОМПРОМИСС»)

Н.М. Нестерова, Н.В. Корюкина

В статье описана проблема транслируемости комического. Представлены результаты психолингвистического эксперимента, проводимого как с русскоязычными, так и с англоязычными читателями. Анализ реакций читателей показал, что межкультурная транслируемость комического возможна при условии наличия у реципиента общих фоновых знаний с автором оригинала и его причастности к описываемым событиям.

В теории и практике перевода передача комического была и остается сложной задачей. Связано это с тем, что для понимания юмора и ощущения комического требуется причастность к описываемой ситуации. Юмор, согласно определению, которое дает энциклопедический словарь, представляет собой «особый вид комического, сочетающий насмешку и сочувствие, внешне комическую трактовку и внутреннюю причастность к тому, что представляется смешным»¹. Таким образом, очевидно, что решающим условием понимания юмора является «причастность» к описываемым событиям или ситуациям, другими словами, не просто наличие знаний и представлений о том, о чем идет речь, но и некоторое личное переживание, вызываемое этим.

Особой жанровой разновидностью комического является анекдот. В нем, как в форме существования культуры, заключена значимая культурная информация; это продукт конкретной исторической эпохи, поскольку в нем содержится отклик на события, происшедшие в том или ином обществе, он очень современен; кроме того, как любой текст, анекдот отражает психическую деятельность человека, определенную систему ценностей, особенности национального мировосприятия. Как текст анекдот обладает рядом отличительных черт, а именно: устойчивостью, легкой узнаваемостью членами той или иной культурной группы, совокупностью языковых штампов и ценностной значимостью. Более того, прецедентность анекдота усиливается использованием прецедентных имен, высказываний и описываемых в тексте ситуаций.

Для многих писателей юмор и комическое стали одним из компонентов авторского стиля. К таким писателям, безусловно, можно отнести Сергея Довлатова. Существует мнение, что Довлатов начинается с анекдота. Анекдот в жизни он перенес в анекдот в литературе и положил начало новому жанру, жанру возвышающего, романтического анекдота. Довлатовский рассказ практически всегда есть развернутый анекдот, который всегда находится внутри самой жизни, внутри некоторой реальной ситуации. Юмористический текст, основанный на

анекдоте, неизбежно связан с реально-бытовым контекстом и вне этого контекста существовать не может. Анекдот в творчестве Довлатова вырастает из быта и является неотъемлемой частью советской действительности, которая сама отражается в нем, поэтому для понимания анекдота необходимо знать эту действительность. Ярким примером может послужить повесть С. Довлатова «Компромисс», которая композиционно выстроена как сборник различных историй-анекдотов, основанных на советских реалиях, культурологических аллюзиях, стереотипных ситуациях и т.п.

Очевидно, что при переводе «Компромисса» перед переводчиком прежде всего встает проблема адекватной передачи того самого довлатовского юмора, который во многом определяет идиостиль писателя, ставя его в один ряд с такими классиками данного жанра, как А.П. Чехов и М. Зощенко.

Говоря о переводимости юмора в литературе, нельзя не сказать о переводимости художественной литературы в целом. Э. Селлер, видя противоречие между утверждением, что художественные произведения непереводимы, и существованием множества адекватных переводов, делает предположение, что художественная литература включает два различных вида или уровня искусства: «обобщающее внеязыковое искусство, которое можно без ущерба перевести средствами чужого языка, и специфически языковое искусство, по существу непереводимое»². Однако в случае Довлатова мы имеем дело с иной ситуацией. Существуют многочисленные доводы в пользу его переводимости. Иосиф Бродский пишет: «Его (Довлатова) оказалось сравнительно легко перевести, ибо синтаксис его не ставит палки в колеса»³. Более того, многие отмечают минимализм и простоту стиля писателя, равно как и его «американскую технику письма», что во многом облегчает перевод на английский язык. Сам Довлатов в одном из своих произведений, «Иностранке», ссылается на своего коллегу, который повторял: «Довлатов явно проигрывает в оригинале»⁴. Другими словами, язык Довлатова легко вписывается в матрицу английского языка, делая его произведения

вполне переводимыми. Тем не менее, можно ли здесь говорить об эквивалентном переводе? Среди множества существующих концепций или моделей эквивалентности, пожалуй, наиболее распространенной является концепция динамической эквивалентности Ю. Найды. Согласно данной модели, эквивалентность должна устанавливаться не на уровне текстов, а на уровне реакций получателей оригинала текста (R_1) и реакции получателей перевода (R_2)⁵. Все мы хорошо знаем, что самая распространенная реакция на произведение Довлатова у русскоязычных читателей – это смех, в котором из двух неразрывно связанных компонентов восприятия, рационального и эмоционального, доминирует последний. В связи с этим возникает вопрос, насколько смешными кажутся довлатовские тексты читателям перевода.

Целью нашей работы и стал сопоставительный анализ реакций при чтении оригинала и перевода повести Сергея Довлатова «Компромисс» и, соответственно, изучение соотношения эмоционального и рационального компонентов в реакциях англоязычных читателей. Для этого было проведено анкетирование русскоязычных и англоязычных читателей, которым было предложено дать оценку степени комического в отрывках из этого произведения, действие в котором разворачивается в Эстонии в 70-ые годы XX века. Ответы на вопросы должны были показать, достигает ли автор (во втором случае – переводчик) цели – вызвать смех у своих читателей. В эксперименте участвовало 15 русскоязычных и 15 англоязычных читателей с высшим образованием в возрасте от 22 до 63 лет. Из повести были выбраны 20 отрывков (от небольших реплик в диалогах до целых глав), для полного понимания которых читателю было необходимо обладать определенными фоновыми знаниями о той эпохе и ее культуре. Культура в данном случае понимается нами как «локальная» (термин Е.С. Маркаряна), т.е. «культурно-историческая система, сложившаяся в результате территориальной, экономической, духовной и пр. общности и обладающей традиционными устойчивыми стилевыми особенностями»⁶.

Ниже приводятся четыре отрывка из текста повести и их английский перевод (текст перевода дается по американскому изданию, переводчик Anne Frydman), а также анализ полученных в ответов.

Пример № 1

Текст оригинала:

...Как благородно эволюционировало вранье за последние двести лет!.. Хлестаков был с Пушкиным на дружеской ноге, а мой знакомый Генч вернулся из Москвы подавленный и тихий – Олжаса Сулейменова увидел в ЦУМе.

Текст перевода:

How nobly lying has evolved over the last twenty years!.. Gogol's Khlietakov boasted that he was on friendly terms with Pushkin, while my friend Genich came home from Moscow depressed and quiet: he had

seen the Kazakh poet Olzhas Suleimenov in the Central Department Store.

Общее восприятие отрывка у русскоязычных и иностранных читателей сходно, очевидно потому, что описываемая в нем склонность человека приукрашать свою значимость и свои достижения знакомы всем без исключения вне зависимости от национальности. Однако от англоязычных участников эксперимента ускользнула очевидная русскому читателю литературная аллюзия, встречающаяся в тексте. Использование прецедентного имени – «Хлестаков был с Пушкиным на дружеской ноге» – неизбежно отсылает русского человека к пьесе Н.В. Гоголя «Ревизор», рождая дополнительные ассоциации, и наталкивает на мысль об одновременном сходстве и различии современников с литературным персонажем классического произведения. Что касается самой «изюминки» отрывка – поэта Сулейменова, здесь переводчица постаралась компенсировать очевидную для западного читателя лауну, пояснив, что это казахский поэт, расшифровав заодно и нашу аббревиатуру ЦУМ.

Пример № 2

Текст оригинала:

...Потом сказал Хумберту:

– Давай вытъем.

– Я же за рулем.

– Оставь машину и пошли.

– Мне еще редактора вести домой.

– Сам доберется, жирный боров...

– Понимаешь, они мне квартиру обещали.

Если бы не квартира...

Текст перевода:

...Then I said to Hubert, «Let's go have a drink».

«I'm driving».

«Leave the car and we'll all go».

«I have to take the boss home».

«He can get home himself, the fat slob».

«Look, they promised me an apartment. If it weren't for that»

Читая этот отрывок, русскоязычные читатели вспоминали систему получения жилья, существовавшую в советские времена, когда квартиры не покупались, а распределялись государством. Опрошенные нами англоязычные читатели увидели в этой ситуации лишь желание одного из героев «подлизаться» к боссу с целью дальнейшего получения определенных привилегий. Поступок Хумберта кажется вполне естественным российскому читателю, а всей этой ситуации придается дополнительное значение, понятное лишь человеку, знакомому с советской системой распределения жилья. С другой стороны, мотивация отказа Хумберта, предложенная англоязычными читателями, невольное подразумевает восприятие этого героя не как обычного человека, поставленного системой в сложные обстоятельства, но как человека, способного на многое, возможно даже на подлость, ради своей выгоды.

Пример № 3**Текст оригинала:**

– Вы перечисляете страны...
– Разве нельзя?
– Можно и нужно. Дело в том, как вы их перечисляете. В какой очередности. Там идут Венгрия, ГДР, Дания, затем – Польша, СССР, ФРГ...

Естественно, по алфавиту.

– Это же внеклассовый подход, – застонал Туронка, – существует железная очередность. Демократические страны – вперед! Затем – нейтральные государства. И, наконец, участники блока...

Текст перевода:

«You listed the countries ...»

«That's not permitted?»

«It's permitted and necessary. The problem is the way you listed them – the order you put them in. You have here Hungary, East Germany, Denmark, then Poland, the USSR, West Germany ...»

«Naturally, in alphabetical order».

«But that's a non-class approach», Turonok groaned. «An ironclad order must be followed. The People's Democracies – first! Then the neutral states. And at the rear the members of the capitalist bloc».

Реакция русскоязычных читателей отличалась эмоциональностью, англоязычным читателям эпизод показался типичным для идеологии любого рода, однако смеха, как они подчеркнули, этот отрывок не вызывает, он вызывает скорее недоумение по поводу замечания редактора об алфавитном перечислении стран, поскольку в переводе страны перечисляются в соответствии с русским, а не с английским алфавитом. Это затрудняет понимание текста англоязычными читателями, так как требуется определенное время, чтобы понять основания для претензии, предъявляемой главным редактором герою. Отсутствие соответствующей пресуппозиции у читателей перевода делает невозможным для англоязычных читателей отреагировать на данный отрывок так, как это сделали русскоязычные читатели.

Пример № 4**Текст оригинала:**

– Вы забыли, что продолжается конкурс. Авторы хороших материалов будут премированы. Лучший из лучших удостоится поездкой на Запад, в ГДР.

– Логично. А худший из худших – на Восток?

– Что вы этим хотите сказать?

– Ничего. Я пошутил. Разве ГДР – это Запад?

– А что же это, по-вашему?

– Вот Япония – это Запад!

Текст перевода:

«You forget. The journalists' competition is still going on. Those who write good material will receive prizes. The best of the best will be awarded a trip to the West».

«That's logical. And the worst of the worst—do they get sent to the East?»

«What do you mean by that?»

«Nothing. I was only joking. Is East Germany supposed to be the West?»

«And what is it in your opinion?»

«Well, I would say Japan, that's the West!»

Иронию русскоязычные читатели увидели в том, что герой Довлатова приводит заявление Туронка к его логическому заключению, в результате чего географические Восток и Запад являются противоположностью идеологически. Ирония автора также понятна англоязычным читателям, а восприятие сходно с восприятием русскоязычных читателей. Это можно объяснить тем, что понятие Востока и Запада, которое основано на идеологическом разделении стран, является общим для представителей обеих культур.

Результаты, полученные в ходе проведенного нами эксперимента, и сопоставительный анализ реакций получателей позволяют нам сделать следующий вывод: Довлатов переводим и непереволим одновременно. Его знают и читают на Западе, каким-то образом воспринимают его юмор, называя повесть «a dirty funny novel». Но, как показал наш опрос, англоязычные читатели далеко не всегда смеются там, где смеемся мы, поскольку у них нет и не может быть той самой внутренней причастности, которая необходима для непосредственного эмоционального восприятия комического.

Очевидно, что в данном случае мы сталкиваемся с проблемой понимания между культурами, на причину появления которой указывает В.П. Филатов: «Вопрос о понимании возникает там и тогда, где и когда возникают нарушения, разрывы в опыте людей. Эти нарушения являются причиной возникновения и существования ситуаций понимания, т.е. таких культурных, познавательных, и т.п. ситуаций, в которых человек уже не может исходить из неявно принимаемого постулата о тождественности (непрерывности и интересубъективности) собственного опыта и опыта других людей – постулата, вполне приемлемого в нашей повседневной жизни в привычном и в целом понятном окружающем нас мире»⁷. Англоязычные читатели не воспринимают многие ситуации или предметы, о которых идет речь, как смешные, поскольку последние не вызывают у них никаких ассоциаций. Им приходится бороться с непониманием. Происходит это как путем внедрения в новую культуру и личного освоения инокультурного социального опыта, так и путем анализа, т.е. сознательного разъяснения значимости ситуаций в системе иной культуры. Хотя англоязычным читателям легко можно объяснить логику описываемых событий, эмоционального переживания с их стороны это не вызывает из-за отсутствия у них собственного опыта, связанного с данными ситуациями. К тому же, на наш взгляд, низкую степень эмоциональности можно частично объяснить тем, что сама процедура анализа несколько снижает эмоциональность восприятия. В то же время, русскоязычным читателям, соотечественни-

Грамматика и лингвистика текста

кам писателя, все ситуации уже знакомы, так как они зарегистрированы в их опыте, и они немедленно на них реагируют. Таким образом, можно говорить о различии соотношения эмоционального и рационального в восприятии русскими и англо-американскими читателями: у наших соотечественников доминирует эмоциональный компонент, у западных – рациональный. Другими словами, они понимают, что тут есть «что-то смешное», но непосредственного эмоционального отклика не возникает.

Итак, проблема транслируемости юмора при переводе в определенных случаях становится проблемой транслируемости культур, поскольку передача комического и его адекватное восприятие возможно лишь при условии наличия у реципиента общих фоновых знаний с автором оригинала и его причастности к описываемым событиям. С одной стороны, англоязычный перевод «Компромисса» очень легко читается, можно даже утверждать, что, благодаря переводам, Довлатов занял свою нишу в современной западной культуре. С другой стороны, во многих случаях при переводе не удается достичь комического эффекта. Как уже отмечалось, это происходит из-за отсутствия у англоязычных читателей причастности к описываемым событиям и

знаний о них. Традиционно сложился ряд способов решения данной проблемы. К примеру, прецедентные имена одной культуры заменяются на аналогичные им имена культуры-реципиента, однако при этом теряется целостная картина оригинального произведения, в нашем случае может разрушиться картина «советской действительности», с другой стороны, текст дополняется комментариями, которые, в свою очередь, мешают мгновенному непосредственному эмоциональному восприятию, в частности, восприятию комического.

¹ Советский энциклопедический словарь/ А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1985.

² Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культуре. М.: Прогресс, 1993.

³ Бродский И. О Сергее Довлатове. Мир уродлив и люди грустны // Довлатов С. Собрание сочинений в 3-х томах. СПб.: Лимбус Пресс, 1995. Т.3.

⁴ Довлатов С.Д. Собрание сочинений в 3-х томах. СПб.: Изд. «Лимбус Пресс», 1995.

⁵ Nida, Eugene. Contexts in Translating. Amsterdam: John Benjamin's Publishing Company, 2001.

⁶ Маркарян Э.С. О концепции локальных культур. Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1962.

⁷ Филатов В.П. К типологии ситуации понимания // ВФ. 1994. №10. С. 71–78.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ НАРЕЧИЯ ВРЕМЕНИ КАК КОМПОНЕНТЫ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ

В.Б. Попова

В статье рассматривается проблема, кажущаяся хорошо изученной и основательно описанной. Функционально-семантический подход к проблеме исследования доказывает, что невозможно описывать семантику наречий времени без обращения к широкому контексту их употребления. Для этого необходимы сведения о ситуации, в которой обстоятельственные наречия времени стандартно употребляются, т.е. характер и типы условий употребления языковых единиц.

Проблематика языкового выражения времени достаточно обширна, но мы рассмотрим лишь те вопросы, которые связаны непосредственно с функционально-семантическим полем темпоральности, а точнее, его периферией, то есть обстоятельственными наречиями времени.

На наш взгляд, полевой метод позволяет получить оптимальные результаты при анализе функционирования наречий времени в тексте, а также при классификации наречий времени. В.М. Павлов отмечает, что полевой подход к структуре языковой системы оптимальным образом соответствует на современном этапе развития лингвистической теории и методологии задачам освещения объекта изучения в его универсальных и в его идиотнических, конкретно-языковых характеристиках с равноправным, взаимоуравновешенным учетом дискретности составляющих его «единиц» и концептуальности языковой системы одного из важнейших устоев ее целостности¹.

Теоретическое обоснование исследования различных полей разработано в трудах А.В. Бондарко и его школы, где акцент делался на описание и анализ – от семантических категорий к разнообразию языковых средств и способов их воплощения. Принцип поля, по мнению А.В. Бондарко, требует обращать особое внимание на распределение языковых средств при выражении плана содержания данного поля, на роль каждого из них в общем комплексе взаимодействующих элементов, на вопросы «чем выражено», «как выражено»².

А.В. Бондарко при разработке функционально-семантической полевой концепции опирался на идеи полевой организации связей между языковыми явлениями, разработанной применительно к лексическому материалу немецкими учеными (Г. Ипсен, Й. Трир, В. Порциг), а далее переосмысленной в общий принцип строения языковой системы применительно к изучению грамматических явлений в исследованиях В.Г. Адмони, который придерживался принципа «от формы к значению». Обобщение и анализ истории развития концепций

по теории поля в лингвистике произведено в монографии «Теория поля в лингвистике»³.

А.И. Кузнецов отмечает, что теория поля охватывает по сути дела множество точек зрения, представляющих собой весьма значительные варианты общей идеи – идеи смысловой связи слов друг с другом в языке⁴.

И.А. Стернин обобщил многочисленные исследования по теории поля в монографии «Лексическое значение слова в речи», выделив главные положения полевой концепции⁵. Ученые, занимающиеся исследованиями, основанными на принципе поля, неоднократно отмечали, что для центра полевой структуры характерна максимальная концентрация признаков, определяющих качественную специфику данного единства.

Исходя из всего вышеизложенного, мы придерживаемся точки зрения, высказанной В.М. Павловым, что полевой подход органически впитывает в себя принцип содержательных («естественных») классификаций и вместе с этим принципом устраняет препятствия на пути к логически непротиворечивой интерпретации промежуточных узлов в структуре языковой системы, осложненных объективной двойственностью, присущими им внутренними противоречиями⁶.

Отличие функционально-семантического поля от других полей в том, что оно обладает общностью семантических функций и позволяет сосредоточить внимание на взаимных связях между языковыми явлениями, которые, как правило, анализируются в разных разделах грамматик без описания их соотношений, взаимодействий, а также позволяет исследовать взаимоотношение систем грамматических форм с окружающей их лексико-грамматической и лексической средой.

По определению А.В. Бондарко, функционально-семантическое поле определяется как языковое единство, формируемое грамматическими (морфологическим и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ним лексическими, лексико-грамматическими и слово-

образовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне⁷. Функционально-семантическое поле темпоральности достаточно подробно разработано и представлено в труде «Теория функциональной грамматики». Этот труд подвел итог многочисленным исследованиям ученых и безусловно углубляет наше представление о таком понятии, как темпоральность. Под темпоральностью понимается семантическая категория, отражающая восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчета⁸.

Поле темпоральности концентрирует базисные семантические функции, каковыми являются обобщенные дейктические функции грамматических форм времени. Они образуют ту содержательную основу, на которую накладываются семантические элементы, выражаемые различными конкретизаторами темпоральных отношений⁹. Центром, или ядром, названного поля является система временных форм изъявительного наклонения действительного залога, поскольку именно эти формы являются основными выразителями грамматической категории времени¹⁰.

В заключение своего исследования по функционально-семантическому полю темпоральности А.В. Бондарко предлагает следующие типовые признаки системно-структурной организации элементов данного поля и при этом подчеркивает, что эти признаки отражают общие тенденции, проявляющиеся в различных языках. В центре поля темпоральности в разных языках находится грамматическая категория времени, опирающаяся на системы грамматических форм, выражающих базисные обобщенные временные значения, которые конкретизируются и модифицируются другими языковыми средствами. На периферии рассматриваемого поля в разных языках существенную роль играют лексические обстоятельственные конкретизаторы темпоральных отношений.

По определению А.В. Бондарко, лексические средства выражения семантики времени или лексические показатели темпоральности типа *вчера, на прошлой неделе, месяц тому назад, давно, когда-то – теперь, в этот момент – завтра, скоро, будущей зимой* и т.п. представляют собой особую обстоятельственную подсистему темпоральных спецификаторов, в которой, как и в подсистеме глагольных форм времени, выявляется ориентация на дейктический центр, связанный с отнесенностью к «теперь». Временной дейктический центр – это системно-языковая точка отсчета, представляет собой сложившееся в данной языковой системе и ее подсистемах отражение внеязыкового момента речи как того центра временной ориентации, который выступает в процессе речи и в речевых произведениях. Временной дейктический центр выражен прежде всего в системе глагольных форм времени. Одним из средств актуализации временного дейксиса явля-

ется речевое соотнесение разных временных планов (с возможным участием обстоятельственных средств типа *теперь – тогда*)¹¹.

А.В. Бондарко вводит термин лексические обстоятельственные конкретизаторы темпоральных отношений (ЛТК), которые относятся, по его мнению, их к дальней периферии функционально-семантического поля темпоральности.

Далее выделяется два основных типа функций ЛТК:

1) функция дополнительной конкретизации тех обобщенных дейктических темпоральных отношений, которые выражаются грамматическими формами времен (*завтра приеду...*); здесь временная форма представляет собой тот фон, на который накладывается семантика ЛТК;

2) функция основного обозначения темпоральной отнесенности ситуации в тех случаях, когда предикат не имеет собственной устойчивой темпоральной характеристики (При благоприятных условиях мы закончили бы эту работу *завтра*; ср.: *...еще вчера*; скажи он мне об этом *завтра*, было бы уже поздно; ср.: скажи он мне об этом *вчера*, было бы еще не поздно)¹².

Итак, как следует из рассмотренного выше материала, ЛТК – это наречия времени, синонимичные им устойчивые словосочетания и перифрастические (описательные) наречия, которые, сохраняя специфику своего уровня, могут выражать значения, соотносительные с грамматическими значениями глагольных видовременных форм, на основе чего наблюдается определенное взаимодействие их семантических компонентов (сем).

При функционировании наречий времени проявляется их грамматическая значимость. Наречия времени в предложении могут требовать определенную временную форму. Так, если говорящий начал высказывание с обстоятельства *вчера* (допустим, следует пауза, когда предложение еще «не готово»), то далее он может употребить формы прошедшего времени или формы настоящего времени в функции настоящего исторического.

Так, периферийное положение ЛТК в поле темпоральности не означает, что эти языковые представления не существенны для выражения темпоральных отношений. Без лексических средств полная реализация функций выражения времени, адекватная потребностям речевой коммуникации, была бы невозможна.

Если продолжить мысль о наречии *вчера*, то его конкретное лексическое значение «в день, предшествовавший текущему». В лексическом значении этого наречия можно выделить сему «предшествование». Семантический компонент «предшествование» вступает во взаимодействие с семантическим элементом глагольной формы прошедшего времени – «предшествование» (по отношению к моменту речи), например: *вчера читал, вчера приходил* и т.п. Таким образом, происходит согласование семантических компонентов. Его называют

«семантическим согласованием». Если брать наречие *вчера* в сочетании с глагольной формой настоящего времени (*вчера прихожу к нему и вижу...*), то результат взаимодействия будет иным. Форма настоящего времени в сочетании с этим наречием употребляется в переносном значении «настоящее историческое единичного действия», а с глагольной формой будущего времени это наречие вообще не сочетается, поскольку происходит несовместимость их семантических компонентов.

¹ Павлов В.М. Полевой подход и континуальность языковой системы. Общее языкознание и теория грамматики. М., 1998. С. 32.

² Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983. С. 20.

³ Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. М., 1974.

⁴ Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. М., 1986. С. 11.

⁵ Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1979. С. 38–39.

⁶ Павлов В.М. Цит. соч. С. 33.

⁷ Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983. С. 34–35.

⁸ Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1987. С. 5.

⁹ Там же. С. 39.

¹⁰ Там же. С. 42.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 53.

ПСИХОЛИНГВИСТИКА И ВОПРОСЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

УДК 81'42

О КЛЮЧЕВОЙ ЛЕКСИКЕ НЕФОРМАЛЬНОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ДИСКУРСА: МОДЕЛЬ АНАЛИЗА

А.Ю. Ларионова

Статья посвящена актуальной проблеме выявления и анализа набора ключевых слов. Предлагаемая методика осуществляется на материале текстовых граффити неформального студенческого дискурса.

Некоторые понятия, аспекты действительности, по мысли В.Г. Гака, являются первоочередными, ближайшими для членов определенного социума, а слова, обозначающие эти аспекты и понятия, наиболее употребительны¹. Такие слова, как правило, находятся в семантическом (степень реализации языкового значения слова), прагматическом (перлокутивная и эстетическая сила) и психологическом (типичность и значимость для внутрисоциумного речетворчества) фокусе текста и, по существу, являются ключевыми, составляющими ментальный лексикон социума.

Объектом наблюдений в данной статье является студенческий социум, под которым мы понимаем группу людей, объединенных такими общими чертами, как возраст, профессиональные (учебные) интересы, карьерные устремления, уровень образования и культуры, психологические особенности возраста и пр. Предмет анализа составляют ключевые слова (КС) текстовых граффити неформального студенческого дискурса. Задача заключается в описании исследовательской модели выявления набора ключевой лексики в данном дискурсе. Разработка подобной модели анализа имеет ценность для концептуально-идеографического описания социумного речетворчества и исследования особенностей конкретной дискурсивной практики. Под социумным речетворчеством мы понимаем продуцирование текстов в условиях отдельного социума и в соответствии с его установками и предпочтениями. Дискурсивную специфику социума мы определяем как систему речемыслительной деятельности и речепроизводства, имеющую значение основной, первой для определенной социальной группы.

При описании природы КС ученые выделяют различные их признаки: частотность, специфичную семантику, значимость в построении сюжета (Ю.Н. Караулов); значимость для текущего момента (Т.В. Шмелева); обозначение явлений и понятий, находящихся в фокусе социального внимания²;

культуроспецифичность для отдельно взятой культуры, или субкультуры³; концептуальность заключенной информации⁴. Столь разнообразная атрибутивность КС обусловлена разной средой их функционирования, послужившей объектом научных наблюдений: КС в художественном тексте, в разговорной речи, в политическом дискурсе и пр. Разнородность существенных признаков, положенных в основу характеристики ключевой лексики, дополняется неразработанностью процедуры ее формирования и отсутствием однозначного толкования отдельных понятий и критериев. Так, например, показатель частотности активно используется при статистическом анализе, однако не признается учеными в полной мере достоверным диагностическим критерием⁵. В результате возникает необходимость введения дополнительных оснований объективизации выявления набора КС. Одним из таких оснований с точки зрения психолингвистики следует признать критерий психологической реальности (термин Д.О. Добровольского, Ю.Н. Караулова), который учитывается в современных экспериментальных методиках. Основанием объективности такого критерия является тезис о существовании доминирующих и редуцированных синтагматических ассоциаций в тексте, к которому пришли Ю.Н. Караулов и Д. О. Добровольский в процессе работы над ассоциативным словарем идиом. Так, например, по экспериментальным наблюдениям ученых, в идиоматичных текстах синтагматические ассоциации, связанные с тем или иным словом, имеют разную яркость (силу). В конкретных идиомах *Бабушка надвое сказала* и *Дать по носу* они убывают «слева направо»: БАБУШКА *надвое сказала*, НОСУ *дать по*⁶. Градуальный характер яркости синтагматических ассоциаций ученые связывают, помимо традиционных способов репрезентации языка (в текстах и как системы), с еще одним способом репрезентации, обозначенным как ассоциативно-вербальная сеть. Данный способ репрезентации языка является

онтологичным по своей сути и фиксирует психологически релевантные связи и отношения [Там же]. На необходимость учета данного способа репрезентации языка и связанного с ним критерия характеристики языковых явлений указывали в своих работах А.Н. Соколов, Л.В. Сахарный⁷. Ван Дейк и Кинч также отмечали, что реципиенты могут выделять неодинаковые значения в качестве представляющих интерес и могут наделять дискурс различными темами и основным содержанием⁸. Идея критерия психологической реальности имеет подтверждение в понятиях престижного и периферийного статуса априорно равноценных элементов смысла⁹; тематических выражений и тематических ключевых слов¹⁰; социально неравных актантов (требующих анализа пресуппозиций значения слова)¹¹; силы ключевых слов¹²; слов с интенциональным и неинтенциональным значением, последнее из которых не участвует в реализации намерений говорящего и не является актуальным элементом¹³.

Все вышеизложенное позволяет говорить о наборе КС и механизме его выявления как научной проблеме, сложность решения которой обусловлена спецификой сферы функционирования КС, отсутствием исследований конечного множества КС¹⁴ в том или ином социолекте (что свидетельствует о неопределенности данной парадигмы, обусловленной различными аспектами ее рассмотрения), а также отсутствием последовательной методики их обнаружения и анализа¹⁵. Как считает А. Вежбицка, в качестве составляющих процедуры формирования ключевой лексики можно признать, например, установление общеупотребительности слова, частотности в определенной семантической сфере, демонстрацию «членства» и частотности во фразеологическом семействе (в пословицах, в изречениях, в популярных песнях, в названиях книг) и под. Однако сама А. Вежбицка указывает на вспомогательную функцию подобной методики и считает, что, если выбор слов не «внушен» самим материалом, мы будем не в состоянии продемонстрировать что-то интересное. Это значит, что обосновать ключевой характер лексики в некоторой субкультуре возможно с определенной долей условности, ставя конкретную задачу исследования и используя для ее решения определенную модель описания. При этом важно учитывать общее впечатление от интенциональности всей совокупности социумно ориентированных текстов дискурса и характера ее презентации. Под социумно ориентированными текстами мы понимаем такие тексты, которые созданы в соответствии с социальными установками и предпочтениями в сфере речетворчества: *Водку мы пьем для запаха, дури и своей хватает // Вот блондиночка прошла: потка – просто чудо! Посмотрел я ей вслед: ну и амплитуда!* К речетворчеству в неформальном студенческом дискурсе мы относим продуцирование оригинальных текстов (собственно текстовые граффити) и трансформативное воспроизводство прецедентных текстов (трансформиро-

ванные текстовые граффити), «пропущенное через идеологию» студенческого социума: *Кнопка удаления лектора: в случае загрузки преподами ударить лбом со всей дури // Длинные ноги – не роскошь, а средство передвижения.* «Идеология» включает общность представлений о внешнем мире, «типов фантазий», оценочной маркированности слов, вкуса в отношении языка и речи, устойчивых ассоциативных связей между ментальными и языковыми единицами и т. д. К общему впечатлению мы относим креативность и асоциальность данного дискурса, объединенные понятием оппозитивности, проявляющейся 1) в детабуировании тем и языковых средств их репрезентации, как правило отягощенных оценочными, эмоциональными, экспрессивными коннотациями: *Пока я тут сидел и ср*л, мой х* свернулся в интеграл // Кто не был студентом, тому не понять, как хочется жрать, е*ться и спать;* 2) в противоречии содержания трансформированных прецедентных текстов по отношению к содержанию первичных: *И все-таки место красит человека // Не дай себе просохнуть* и др.

Предлагаемая исследовательская модель выявления набора КС на основе текстов неформального студенческого дискурса включает следующие этапы: 1) выборка частотных слов с учетом и без учета психологической реальности; 2) составление словника на основе лексических совпадений результатов всех видов выборки; 3) сопоставительно-семантический анализ словарных дефиниций полученного словника, предполагающий выявление наиболее частотной идентификационной и дифференцирующей семантики и минимизацию на их основе «ключевого» списка (через сравнительную процедуру или процедуру ступенчатой идентификации); 4) установление общеупотребительности (непериферийности) выделенных слов с помощью частотного словаря; 5) проверка «членства» слов в традиционных устойчивых конструкциях, прецедентных текстах, а также в «антипословицах»; 6) формирование парадигмы имен концептов, совокупность которых представляет концептосферу (концептуальную систему) социума.

В рамках данной статьи мы ограничиваем описание формирования набора ключевой лексики объемом анализируемого текстового материала (одна тематическая сфера) и первыми тремя этапами исследовательской модели: выборка частотных слов, составление «частотного» словника, редактирование словника через сопоставительно-семантический анализ. Под тематической сферой мы понимаем денотативно-референциальное пространство, объединяющее референциальную отнесенность текстов и их интерпретативный потенциал. Референциальная отнесенность текста отражает денотативные сферы, каждая из которых есть совокупность денотатов, т. е. текстов или текстовых фрагментов, соотносимых с ситуацией. Принадлежность текстов к одной референциальной сфере обусловлена общностью фактора (предмета), без которого ни одна из

Психолингвистика и вопросы речевого поведения

ситуаций, служащих основой денотата, состояться не может. Под интерпретативным потенциалом текста мы понимаем предлагаемое в тексте истолкование референтной ситуации, смысл, коннотации, возможное различие которых обусловлено комбинаторным и иерархизированным характером содержания текста.

Описание денотативного пространства есть составляющая концептуально-идеографического исследования социумно специфичных текстов. В качестве начального этапа подобного описания мы предлагаем выявление «ключевой» лексической парадигмы. Экспериментальным материалом послужили 47 текстов тематической сферы «Интересы в студенческом социуме». Данные тексты соотносятся с денотативными сферами «употребление алкоголя», «курение», «употребление наркотиков», «нетрадиционная сексуальная ориентация». В состав анализируемых текстов вошли одиночные (1) и «серийные» тексты, продуцированные по одной синтаксической модели (2): (1) *Непьющий студент рискует забыть правило // Праздник без водки как паспорт без фотки;* (2) *Если ты не пид*ас, дай соседу в левый глаз / Если ты не пид*ас, растишишь тут пару раз / Если ты не голубой – нарисуй вагон другой / Если ты не гомик – нарисуй тут домик.*

Первый этап предлагаемой модели анализа включает выборку частотных слов с учетом и без учета психологической реальности, в связи с чем делится на два подэтапа. Один подэтап включает компьютерную обработку материала, второй – экспериментальный опрос информантов – членов социума.

К результатам компьютерной обработки мы относим словесную парадигму, выделяемую как частотную (табл. 1).

Таблица 1

Денотативные сферы	Количество фиксаций
Денотативная сфера «Употребление алкоголя»	27
Частотные слова названия спиртных напитков: Водка – 8, Пиво – 5, глагольные лексемы с корнем Пить – 14 (Пить – 6, Пьем – 1, Пью – 1, Выпил – 3, Напьется – 1, Выпьешь – 1, Непьющий – 1)	
Денотативная сфера «Курение»	6
Частотные слова глагольные лексемы с корнем Курить – 6 (Курить – 3, Курите – 1, Курит – 1, Курю – 1)	
Денотативная сфера «Употребление наркотиков»	–
Частотные слова Нет	
Денотативная сфера «Нетрадиционная сексуальная ориентация»	7
Частотные слова названия лица или признака по принадлежности к сексуальным меньшинствам: Голубой – 4 (Голубой – 3, Голубая – 1), Пид*ас – 3 (Пид*ас – 2, Пид*ы – 1), Гомики – 2	

Полученный машинным способом словарь позволяет, абстрагируясь от содержания конкретных текстов, увидеть в них частотные слова и лексику эквивалентной с ними семантики. Последняя, несмотря на разовые словоупотребления, дополняет частотные словники в рамках денотативных сфер, поддерживая их ключевой характер. Для первой группы текстов это Спирт – 1, Вино – 1; Нажираться – 1, Врежем – 1, Опрокинем – 1. Для второй группы текстов нет. Для третьей группы текстов это номинации наркотических средств, идентификационные, собственные, коннотативные, – 13: Конопля – 2, Веселящий газ – 1, N2O – 1, Наркотик – 1, Мак – 1, Порошок – 1, Дурь – 1, Атвин – 1, Медол – 1, Торен – 1, Lsd – 1, Амфик – 1. Для четвертой группы текстов это Лесбиянки – 1. Кроме того, к лексике, поддерживающей «ключевую» парадигму, относятся:

1) для первой группы текстов названия процесса и признака, связанных с употреблением спиртных напитков: Пьянка – 1, Пьяный – 1, Пьянее – 1; названия емкостей, тары для спиртного напитка, а также слова с семантикой количества: Рюмка – 1, Рюмашка – 1, Стаканчик – 1, Стопаря – 1, Ведро – 1, Бутылка – 1, Литр – 1, Разливное – 1;

2) для второй группы текстов название процесса: Курение – 1, название обязательной составляющей процесса: Никотин – 1;

3) для третьей группы текстов название лица: Наркоман – 1; название состояния: Эйфория – 1, Безудержное веселье – 1, Протащиться – 1, Сорвала в моей башке последние гайки – 1, На игле – 1; название количества (тары) предмета: Мешок – 1;

4) для четвертой группы текстов название признака по принадлежности к сексуальным меньшинствам: Негеспособен – 1.

Отметим, что «частотный» словарь включает также однозначное представление субъекта денотативного пространства (студент, студенты, молодежь) и отражает личностный характер отношения к ситуациям, поддерживаемый частотными я-, ты-, он-предложениями, а также императивами (см. таблицу, текстовые формы сохранены). Итак, к результатам машинной обработки текстов мы относим следующие данные (табл. 2).

Второй подэтап выборки КС нацелен на получение данных на основе экспериментального опроса. Более чем 100 информантам (членам социума) в режиме электронной презентации были предложены те же тексты с заданием отметить в них наиболее синтагматически яркие слова, содержательно и эмоционально значимые для информанта (цепочку предложено было ограничить 3-5 словами), и расположить их в порядке убывания яркости (т. е. первое место в цепочке занимает наиболее синтагматически яркое слово). Несмотря на некоторое разнообразие полученных словесных цепочек, в них наблюдаются довольно четкие синтагматические доминанты.

Таблица 2

Субъекты тематической сферы и денотативные сферы	Кол-во фиксаций
Субъекты тематической сферы, вербализованные в текстах	4
Студент – 2, Студенты – 1, Молодежь – 1	4
Денотативная сфера «Употребление алкоголя»	43
Частотные слова <ul style="list-style-type: none"> • названия спиртных напитков: водка – 8, пиво – 5, спирт – 1, вино – 1 • название действия, процесса и признака, связанных с употреблением спиртных напитков: пить – 6, пьем – 1, пью – 1, выпил – 3, напьемся – 1, выпьешь – 1, нажираться – 1, врежем – 1, опрокинем – 1, непьющий – 1; пьянка – 1; пьяный – 1, пьянее – 1 • название количества, тары для спиртного напитка: рюмка – 1, рюмашка – 1, стаканчик – 1, стопаря – 1, ведрами – 1, бутылка – 1, литр – 1, разливное – 1 	
Денотативная сфера «Курение»	8
Частотные слова <ul style="list-style-type: none"> • названия действия, процесса; обязательного компонента процесса: курить – 3, курите – 1, курит – 1, курю – 1, курение – 1, никотин – 1. 	
Денотативная сфера «Употребление наркотиков»	20
Частотные слова <ul style="list-style-type: none"> • названия наркотических средств: конопля – 2, веселящий газ – 1, N2O – 1, наркотик – 1, мак – 1, белый порошок – 1, дурь – 1, атвин – 1, медел – 1, торен – 1, Lsd – 1, амфик – 1 • название лица: наркоман – 1 • название состояния: эйфория – 1, безудержное веселье – 1, протачиться – 1, сорвала в моей башке последние гайки – 1, на игле – 1 • название количества (тары) предмета: мешок – 1 	
Денотативная сфера «Нетрадиционная сексуальная ориентация»	11
Частотные слова <ul style="list-style-type: none"> • названия лица или признака: голубой – 3, голубая – 1, гомики – 2, лесбиянки – 1, пидорас – 2, пидоры – 1, негееспособен – 1 	

Тексты денотативной сферы «Употребление алкоголя».

1. Тексты, включающие слово-название спиртного напитка. Доминирующими в них являются слова *водка, пиво, спирт, вино, Буратино* и *Жириновский* как названия водки (1 место – 65 раз, 2 место – 46 раз); один раз на 1-е место поставлено не существующее в языке слово *верд*, травестийное продуцирование которого осуществляется с опорой на внешние признаки употребленного в этом же контексте слова *спирт*: однословность, частичная фонетическая общность, нулевое окончание.

2. Тексты, включающие глагольные лексемы со значением *пить* и не включающие названия спиртных напитков. Доминирующими в них являются *пить, выпить, напиться, нажраться, врезать, опрокинуть, непьющий* (1 место – 62 раза, 2 место – 2 раза).

3. Тексты, включающие слова-названия процесса принятия спиртных напитков или признака по

результату процесса. Доминирующими в них являются *пьянка, пьяный, пьянее, дровами* в значении «быть без чувств, не способным двигаться под воздействием спиртного напитка», *срывать крышу* в значении «лишаться способности разумно мыслить под воздействием спиртного напитка» (1 место – 15 раз, 2 место – 11 раз).

4. Тексты, включающие слова с актуализованным количественным значением (названия емкостей, мер жидкости в этих емкостях). Доминирующими в них являются *рюмашка, стаканчик, стопарь* от *стопка, ведрами* от *ведро, литр, глоток* (1 место – 37 раз).

Тексты денотативной сферы «Курение». Доминирующими в них являются формы глагола *курить, курение, никотин* (1 место – 39 раз, 2 место – 12 раз).

Тексты денотативной сферы «Употребление наркотиков». Доминирующими в них являются названия наркотических средств (1 место – 27 раз).

Тексты денотативной сферы «Нетрадиционная сексуальная ориентация». Доминирующими в них являются названия лица и признака лица по принадлежности к сексуальным меньшинствам: *голубой, гомики, лесбиянки, пидорас, пидоры, Сережа* (*ситуация «целуются два Сережи»*), *негееспособен* (*гее-не-способен*) (1 место – 29 раз).

Сопоставление результатов двух видов выборки КС на втором этапе позволило получить набор КС, включающий названия спиртных напитков; названия действия, связанного с процессом питья; названия действия, связанного с процессом курения; названия наркотических средств; названия лиц нетрадиционной сексуальной ориентации. Помимо «ключевого» списка, по результатам эксперимента, в качестве наиболее синтагматически яркой информантами выделяется также:

1) стилистически маркированная лексика:

а) просторечная: *дурь* в значении «глупость», *кретин, клеветы*,

б) вульгарная: *п*здец* в значении «конец чему-л., жизни»;

2) лексика, номинирующая прецедентные феномены: *Буратино, Жириновский, Ирак, Новый год*;

3) лексика ментального интереса –

а) к интимным отношениям: *любовь, жена, резиновая женщина, иметь в значении «находиться в интимных отношениях», целоваться*,

б) к деньгам: *деньги*,

в) к желаемому: *я, хочу, жить офигенно, офигенно*,

г) к смерти: *яд, моток веревки, реквием по мечте, п*здец* в значении «конец чему-л., жизни»,

д) к осуждаемому в народном сознании: *кинопособие* (в контексте – для желающих стать наркоманом);

4) лексика ментальной атрибутивности: *безалкогольное (пиво), халвяное (пиво), холодное (пиво); хорошие (люди), клеветы (адвокат)*;

Психолингвистика и вопросы речевого поведения

5) лексика, представляющая конкретную семантическую парадигму «вуз»: *вуз, сопроват, ректор*.

Приведенные лексические группы не демонстрируют высокой частотности и не могут быть отнесены к ключевой лексике по статистическому показателю, однако их коммуникативная значимость для информантов подтверждается фактом выделяемости в процессе эксперимента, что безусловно значимо для описания денотативно-референциального пространства социума.

Третий этап анализа включает сопоставительно-семантическое обследование словарных дефиниций полученного словника, предполагающее выявление наиболее частотной идентификационной, дифференцирующей и периферийной семантики и минимизацию на его основе «ключевого» списка (через сравнительную процедуру и/или процедуру ступенчатой идентификации). Так, например, полученный на втором этапе набор КС может быть сведен к следующему лексическому списку: алкоголь, пить, курить, наркотик, представитель сексуального меньшинства.

В качестве иллюстрации «технологии» обработки полученных экспериментально материалов приведем два текста, относящихся к разным денотативным сферам. В тексте *Сколько водки ни бери, все равно два раза бегать!* (денотативная сфера «Употребление алкоголя») в приведенных информантами словесных цепочках на первом месте предсказуемо оказалось слово *водка* – 62 раза, а также *бегать* – 8 раз, *два раза* – 6 раз. В остальных случаях информанты либо не ответили, либо дали общую формулировку смысла, частично отойдя от задания. Смысл текста был сведен к следующим номинациям: отдых студентов, жизненная философия, алкоголизм, пьянство, культура употребления алкоголя. Подобный ряд по сути отражает концептосферу с «плавающим» концептом «алкоголь», который в зависимости от реализации той или иной слотовой информации перемещается то в область «отдых студента», то в область «культура», то в область «проблемы общества» и т. д., которые могут быть прослежены и в других текстовых граффити, включающих слово *водка*. Например, *Деньги – мусор, мода – тоже, любовь и водка всех дорожке // Праздник без водки как паспорт без фотки // Водка «Буратино»: почувствуйте себя дровами // Водка «Жириновский» срывает крышу с первой рюмки, после второй рвешься в Ирак, а после третьей идешь в юридическую фирму искать своего папу // Водка – враг студента, студент врагов не боится // Водку мы пьем для запаха, дури и своей хватает*. В попытках проинтерпретировать тексты информанты привели замечания типа «водки много не бывает», «народное слово», «логика», «верно подмечено», «закон подлости», «водка заканчивается в самом разгаре» и под., имеющие свойство дополнительного комментирования к уже приведенным выше, которые мы могли бы отнести к концепту-

альным. Частотность выделяемости информантами какой-л. лексемы в одном социально ориентированном тексте в соответствии со стратегической гипотезой (термин Ван Дейка, Кинча) позволяет и в других текстах дискурса, включенных в данную денотативную сферу, прогнозировать встречаемость, во-первых, данной лексемы, во-вторых, слов данной ЛСГ и, в-третьих, слов, имеющих частичную семантическую общность с лексемой, выделяемой в качестве частотной. Так, например, наряду со словом *водка* в текстах неформального студенческого дискурса данной денотативной сферы регулярно фиксируются слова *пиво, вино, спирт*, имеющие в языковом значении общую сему «алкоголь». Приведем семантизацию этих слов в словаре русского языка в 4-х томах (МАС). *Водка* – алкогольный напиток, представляющий собой смесь воды и винного спирта. *Пиво* – напиток из ячменного солода с небольшим содержанием алкоголя. *Вино* – 1) алкогольный напиток, получаемый обычно в результате брожения винограда; 2) водка. *Спирт* – горючая, богатая алкоголем, жидкость. Само слово *алкоголь* определяется как винный спирт. В приведенных толкованиях эксплицированная языковая семантика акцентирована на «содержании алкоголя / «технологии» состава продукта». В то же время, по данным опроса информантов, анализируемые слова, реализуясь в текстах, воспринимаются как слова с актуализованной семантикой отдыха, свободного времяпрепровождения, противопоставленного основному занятию студента (учеба) и ментальному отношению к явлению, связанному с понятием *алкоголь*. Очевидно, что языковая семантика «содержание алкоголя» в текстах неформального студенческого дискурса имеет периферийные, не основные для дискурса, реализации. Актуальной является семантика воздействия алкоголя, однако и она выступает как родовая по отношению к социально специфичной семантике, ради которой продуцируется текст, – семантике воздействующей силы алкоголя, доставляющей человеку удовольствие, нивелирующей личностные проявления физического и эмоционального состояния человека и оцениваемой отрицательно с традиционных ментальных позиций и преимущественно положительно с позиции социума. Помимо слов ЛСГ «спиртные напитки» в текстах неформального студенческого дискурса в качестве частотных фиксируются также глагольные лексемы в значении «пить» (см. табл.), лексемы, имеющие в значении семантику «потребление спиртных напитков»: *Непьющий студент рискует забыть правило // Едва лишь выпьешь 2 глотка, и жизнь мила, и жизнь легка // Ну выпил литр, ну два, ну три, но нажираться-то зачем? // Если утром жена с вами не разговаривает – значит, пьянка удалась! // Стаканчик бы*. Член социума априори знает: пьянство – характерная черта русских, приоритетный способ времяпрепровождения (не всегда свободного); в русском ментальном представлении отдых немислим без употребления

спиртных напитков: отдохнуть – значит выпить / выпить – значит отдохнуть. С другой стороны, член социума знает: пьянство традиционно воспринимается как сугубо отрицательное явление, бич общества. Бравадное отношение к данному знанию в текстах студенческого дискурса есть проявление его оппозитивной специфики.

В тексте *Я узнал, что у меня есть огромная семья: мак и белый порошок, конопля большой мешок; водка, пиво разливное – это всё моё родное. Всё на свете для меня. Наркоман, наверно, я?! (группа «Употребление наркотиков»)* 70 % выполнивших задание информантов (в 35 случаях) поставили на первое-второе-третье место, т. е. отнесли к синтагматически ярким, названия наркотических средств и названия спиртных напитков. В 30 % ответов (в 15 случаях) на первое и второе место было поставлено «Наркоман-я / Я-наркоман / Я», что свидетельствует о важности для субъекта личностного отношения к предложенному тексту и отраженному в нем явлению, а также проецирования явления на себя. В целом по результатам опроса в рамках данной денотативной сферы продемонстрирована синтагматическая яркость следующих словесных цепочек: Конопля-водка / Конопля-пиво – 18 раз, Семья-мак-порошок-конопля-водка-пиво – 9, Наркоман-конопля-мак-пиво – 8, Наркоман-я / Я-наркоман / Я / Родное-наркоман-я – 15. Половина информантов не дала словесных цепочек по яркости, но продемонстрировала полярно противоположные оценки отраженного в текстах содержания: Деградация молодежи и Друзья студентов. Обращает внимание однозначное домысливание субъекта сферы (молодежь, студенты).

Номинации наркотических средств имеют преимущественно разовые словоупотребления (см. табл.) и представляют парадигму, включающую, помимо собственных имен синтетических наркотических средств, лексику, в словарных толкованиях которой нет семантики «наркотик» (*конопля, мак, порошок, дурь, веселящий газ*), однако функционирование которой в текстах неформального студенческого дискурса предполагает реализацию именно этого значения как идентифицирующего. Само слово *наркотик* также разово фиксируется в тексте. Семантизация его в МАС представлена следующим образом: *наркотики* – сильнодействующие вещества, вызывающие состояние одурманивания, опьянения (используются в медицине как болеутоляющие и снотворные средства). Словарная репрезентация значения подчеркивает специальный, медицинский, аспект использования данных веществ и их свойств. Сопоставительный анализ языкового значения слова *наркотик* и его реализации в текстах неформального студенческого дискурса демонстрирует несущественность эксплицированных в дефиниции компонентов значения и актуализацию семантики «состояние одурманивания, опьянения», которая в импликация дополняется различными смысловыми компонентами, такими, как:

1) компонент рекламы, пропаганды, информирования на основе перечисления «без объяснений»: *Атвин, Медол, Торен, LSD \$, АМФИК*;

2) компонент удовольствия, расслабленности, легкой и приятной жизни: *Купим домик у реки, там посадим конопля, будем мы курить и пить, офигенно будем жить*;

3) компонент отрицательного воздействия: *О, Дурь, повсюду, от Чукотки до Ямайки, сорвала в моей башке последние гайки!*;

4) компонент смерти, беды: *Кинопособие для студентов и молодежи: «THE KIDS», «На игле», «В отрыв», «Пуля», «Реквием по мечте» // Сорвал, сложил, залил, сварил, отжал, принял, подождал и п*дец.*

Таким образом, вместо диктуемой дефиницией семантики «экстренная медицинская помощь», «снятие боли», «предсмертное состояние» в текстах неформального студенческого дискурса преимущественно актуализируется семантика удовольствия, приятной жизни, пагубного влияния на человека стремления к удовольствию, «смертельной» расплаты за удовольствия, т. е. семантика, практически не эксплицированная в дефинициях слов данной парадигмы.

Итак, предложенная модель анализа КС (в частичной ее презентации в рамках статьи) представляет собой исследовательскую процедуру, позволяющую выявить «ключевую» лексическую парадигму, актуальную для текстовых граффити неформального студенческого дискурса. «Ключевая» парадигма включает слова, находящиеся в эквивалентных отношениях и реализующие в текстах дискурса семантику, как правило, отличную от словарной репрезентации языкового значения. Реализация «ключевого» словника в социумно ориентированных текстах обнаруживает приоритеты в отображении окружающего мира и демонстрирует отношение притяжения в студенческом социуме явлений, имеющих ментально негативные коннотации. «Ключевой» словник есть подтверждение факта оппозитивности дискурса и проявление интенциональности социумно ориентированного речетворчества. Выявление «ключевого» словника имеет перспективу в концептуально-идеографическом описании дискурса, что, в свою очередь, значимо для исследования дискурсивной специфики социума.

¹Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М.: Международные отношения, 1977. С. 20.

²Земская Е.А. Ключевые слова как базовые основы словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 92.

³Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 36.

⁴Какорина Е.В. Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 420;

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. С. 206.

⁵ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. С. 45; Кнорина Л.В. Словоупотребление компонента индивидуального стиля (на материале разговорной речи) // Язык и личность. М.: Наука, 1989; Вежбицкая А. С. 30.

⁶ Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Идиоматика в тезаурусе языковой личности // ВЯ. 1993. № 2.

⁷ Об этом Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. («Gaudeamus»). С. 18.

⁸ Ван Дейк Т., Кинч В. Макростратегии // Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В.В. Петрова; Под ред. В.И. Герасимова; Вступ. ст.

Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. С. 45.

⁹ Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е. Прагматический «принцип приоритета» и его отражение в грамматике языка // Известия АН. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40. № 4. С. 344.

¹⁰ Ван Дейк Т., Кинч В. С. 59–60.

¹¹ Карасик В.И. Признак этикета в значении слова // Филологические науки. 1991, № 1. С. 54–64.

¹² Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. М.: Лабиринт, 1998. С. 332.

¹³ Бондарко А.В. О формальности языковых значений // Язык: теория, история, типология / Под ред. Н.С. Бабенко. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 19.

¹⁴ А. Вежбицкая С. 37.

¹⁵ Новиков 1983. Об этом Бабенко Л.Г. С. 109; Вежбицкая А. С. 37.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «СМЕРТЬ», ВЕРБАЛИЗИРОВАННОГО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.Г. ЛОРКИ И Д.М. СИНЖА

Е.А. Плеухова, Д.Д. Сулейманова

В настоящее время в лингвистике происходят изменения, связанные с осмыслением процессов познания языка в широком, общенаучном контексте, наблюдается переориентация исследователей с системы и структуры на человеческий фактор в языке. Предлагаемая статья содержит сопоставительный анализ художественного концепта «смерть» в испанском и английском языках, что, по нашему мнению, является попыткой комплексного исследования, сочетающего в себе теоретические принципы изучения концептов, и их практическое применение.

В лингвистике конца XX – начала XXI столетий, знаменующей смену научных парадигм, на первый план выходит мнение о том, что языковая картина мира антропоцентрична, так как человек характеризует атрибуты мироздания через призму своей ценностной ориентированности.

Языковая картина мира является одним из способов структурирования знаний об объективной действительности, поскольку все представления человека о мире, полученные им в течение жизни, существуют в его сознании в виде наивной картины мира, которая определяет его отношение к реальности, оказывает влияние на нормы поведения, на становление системы ценностей, на стратегию жизнедеятельности.

Описание структуры языковой картины мира предполагает два уровня.

1. Выявление общечеловеческого, универсального содержания языковых знаков или же концептов как компонентов языковой картины мира.

2. Характеристика специфики национального языка как способа закрепления опыта познания мира определенной этнокультурной общностью¹.

Национальная картина мира, формирующаяся на основе культурных констант и ценностных доминант, – это система мировоззрения, в значительной степени неосознаваемая ее носителями. Она состоит из совокупности индивидуальных картин мира, складывающихся под влиянием самых разных факторов, среди которых важное место занимают возрастные особенности, профессиональная подготовка, личный эмоциональный опыт человека.

Потенции, открываемые в словарном запасе как отдельного человека, так и всего языка в целом, в их совокупности мы можем назвать концептосферами.

В данном контексте особенно важно ввести понятие национальной концептосферы, потому что оно помогает понять, почему язык является не просто способом общения, но неким концентратом культуры – культуры нации и ее воплощения в разных слоях населения вплоть до отдельной личности.

Менталитет и ментальность носителя того или иного языка отражаются в концепте, являющемся

базовой категорией когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Концепты представляют собой своего рода семантические матрицы, которые включают в себя значительную часть словарного состава языка.

Д.С. Лихачев утверждает, что концепт тем богаче, чем богаче национальный, сословный, классовый, профессиональный, семейный и личный опыт человека, пользующегося концептом.

Рассматривая концепт как особый лингвокультурологический феномен, можно дать ему следующее определение: концепт – комплексное, не жестко структурированное, мыслительное, смысловое образование, являющееся продуктом отражения действительности, познания внешнего мира, характеризующееся многослойной организацией и включающее в себя понятийную, образную и ценностную составляющие, опредмеченное в той или иной языковой форме.

Концепт – одновременно и индивидуальное представление, и общность. Такое понимание концепта сближает его с художественным образом, заключающим в себе обобщающие и конкретно-чувственные моменты. Смысловое колебание между понятийным, чувственным и образным полюсами делает концепт гибкой, универсальной структурой, способной реализоваться в дискурсах разного типа.

Реализуясь в художественном произведении, культурный концепт становится художественным. В статье Л.В. Миллер этот феномен определяется как «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и ... психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества», как «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов»².

Художественный концепт принято понимать как единицу сознания поэта или писателя, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности

Психолингвистика и вопросы речевого поведения

предметов или явлений. Таким образом, при различных подходах художественный концепт может занимать нежесткое положение на шкале «универсальное/индивидуально-авторское».

Основу художественного концепта составляет диалогическая структура отношений человека, культуры и природы. В нем сублимируются понятия, представления, эмоции, чувства, волевые акты. Множество интерпретаций, ассоциаций, связанных с перцепцией каждого конкретного текста, характеризуются неопределенностью и непредсказуемостью реакции читателя.

Дискуссионным в научной литературе остается вопрос тождественности или нетождественности концептов, универсальности и уникальности в разных языках. Согласно распространенной в настоящее время точке зрения, концепты в разных языках и культурах не совпадают, поскольку при формировании концепта или понятия выделяют разные стороны наблюдаемых процессов и явлений, хотя определенная общность при этом, безусловно, прослеживается.

Существуют так называемые семантические универсалии и концепты, в основе которых лежит один принцип – выявление общих категорий, позволяющих классифицировать реальность, представленную тем или иным языком. Можно выделить набор неделимых универсальных элементов, которые воспринимались бы одинаково во всех языковых системах, вокруг которых строятся концепты путем наслоения дополнительных значений, характеристик, ассоциаций, отражающих картину мира того или иного народа. По мнению А. Вежибцкой³, в сознании каждого человека в качестве необходимой части имеется семантическая система, т.е. набор элементарных понятий, или «логических атомов», и правил, по которым эти атомы участвуют в построении более сложных комплексов – ментальных предложений или мыслей.

Наиболее показательны среди универсальных концептов имена абстрактных понятий, не имеющих непосредственной вещественной «опоры» во внеязыковой действительности в виде денотатов, семантика которых проявляется через сигнификативный аспект значения. Понятийное содержание таких концептов конструируется носителями языка исходя из лингвокультурной системы ценностей, поэтому культурные концепты способны наиболее ярко отражать специфику языковой картины мира. Одним из таких концептов является концепт смерти, ставший объектом нашего исследования. Понятию «смерть-вообще», которое бытует во всех языках мира, соответствует несколько по-разному воспринимаемый образ смерти в сознании людей, в зависимости от системы их культурных и личностных ценностей, от их религиозных верований и индивидуального опыта.

Известно, что ментальный концепт не может быть полностью «схвачен» языковым знаком и даже совокупностью языковых знаков, поскольку он постоянно развивается и какая-то его часть всегда оста-

ется вербально не означенной⁴. Однако ядро концепта вполне определимо по семантическим признакам ключевого слова, именующего исследуемый концепт. Эти семантические признаки позволяют выявить круг лексем, образующих ЛСП ключевого слова, и затем выполнить построение этого поля, т.е. определить, какие лексемы относятся к центру и ядру, а какие образуют ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию поля. Если концепт достаточно сложный, а ЛСП его ключевого слова обширно, составляющие его лексемы можно распределить еще по сегментам, в рамках которых они уже расслаиваются на лексемы ближней, дальней и крайней периферии.

Формирование мировосприятия Ф.Г. Лорки и Д.М. Синжа протекало под воздействием целого ряда факторов, среди которых необходимо отметить одновременное влияние их собственного, индивидуального опыта и опыта, накопленного их народом и всем человечеством. Взаимодействие этих факторов определило различия и сходства отдельных мотивов творчества писателей, отражающих их видение мира и их трактовку культурных концептов. Сопоставительный анализ ЛСП ключевого слова концепта «смерть», вербализованного в произведениях Ф.Г. Лорки и Д.М. Синжа, наглядно представленный в виде таблицы, позволит нам сделать вывод о возможных схожих и отличающихся моментах восприятия смерти авторами.

Таблица 1
Сопоставительный анализ ЛСП ключевого слова концепта «смерть», вербализованного в произведениях Ф.Г. Лорки «Кровавая свадьба» и Д.М. Синжа «Всадники к морю»

	«Кровавая свадьба»	«Всадники к морю»
Центр поля	ключевое слово, называющее концепт:	
	«la muerte» (смерть)	«death» (смерть)
Деление на сегменты	ЛЕ ядра и периферий	ЛЕ периферий
Ядро	Сложная структура	Простая структура
	«la sangre» (кровь) «el cuchillo» (нож) «la Luna» (Луна) «el caballo» (конь)	«sea» (море)
Сегменты	LA VIDA EL SACRIFICIO LA FATALIDAD LA PASIÓN	FATALITY THE OBJECT OF DEATH DEATH RITUAL POWER OF NA-

Несмотря на то, что деление на сегменты в произведениях происходит на разных уровнях, между сегментами прослеживаются сходства. Это объясняется тем, что как Ф.Г. Лорка, так и Д.М. Синж в своем произведении отразили архаичную ментальность народа, который верит в неизбежность судьбы и в ритуальность смерти. Однако особенности климата и местного фольклора определили существенность различий в лексической репрезентации концепта на

всех уровнях и даже в рамках сегментов с совпадающим названием. Для наглядности рассмотрим сегмент «Фатальность».

Таблица 2

	Испанский	Английский
I	LA FATALIDAD (фатальность)	FATALITY (фатальность)
Названия	совпадение названий	
Ядро	«la Luna»	тесная связь с ядром «sea»
	Луна и море воспринимаются как сверхсущество, определяющие судьбу человека и несущие неизбежную гибель	
Ближняя периферия	Совпадающие цвета: negro/«black» (черный), «blanco/«white» (белый), «rojo/«red» (красный)	
	«verde» (зеленый) «amarillo» (желтый)	«grey» (серый)
	образы – предвестники смерти:	
	«la Mendiga» (нищенка-смерть) «el bosque» (лес)	«pig» (свинья) «hag» (карга) «pony» (пони)
Дальняя периферия	образы, связанные с судьбой:	
	«el serpiente» (змея) «la madeja» (клубок) «el hilo» (нить)	«white boards» (белые доски) «black knot» (черный узел) «spinning wheel» (прялка)
	Представления о судьбе тесно связаны с представлениями о роде – «la casta» (род)	Все жители острова образуют один род, объединившийся в оппозицию к морю
Крайняя периферия	ЛЕ, связанные с лесом луны – «los lecadores» (дровосеки) «los brboles» (деревья) «los violines» (скрипки)	
	ЛЕ «el cuchillo» (нож) сегмента EL SACRIFICIO (ядро)	ЛЕ «knife» (нож)
	ЛЕ, связанные со сном:	
	«la nana» (колыбельная) «el sueño» (сон) «la colcha» (ложе) «la cuna» (колыбель)	сегмент DEATH RITUAL: «sleeping» (сон) «rest» (отдых)

Проанализировав ЛСП ключевого слова концепта «смерть» обоих авторов мы пришли к выводу, что как Ф.Г. Лорки, так и Д.М. Синж представляют смерть, как явление ритуальное и неизбежное, связанное с действием сверхъестественных сил. Причем у Гарсии Лорки больший акцент сделан на представлении смерти в виде ритуала жертвоприношения, а у Д.М. Синжа – на ее неизбежности, фатальности. Таково было видение смерти нашими далекими предками, обладавшими архаичным сознанием, которое сохранилось в отдельных уголках земного шара и отразилось в творчестве Ф.Г. Лорки и Д.М. Синжа.

Однако особенности климата определили различие образов, которыми передаются зачастую очень схожие идеи: «земные» у испанского писателя и «морские» у ирландского. В ЛСП ключевого слова концепта «смерть», составленном по произведению Ф.Г. Лорки, из 117 ЛЕ 40 имеют отношение к земле и особенностям климата Андалузии, что составляет около 34 % от общего числа ЛЕ, а в ЛСП ключевого слова этого же концепта, составленном по произведению Д.М. Синжа, 24 ЛЕ из 63 имеют отношение к морю и особенностям климата ирландского острова, что составляет 38% от общего числа ЛЕ. У каждого автора появляются «новые», не фигурирующие в словарном поле данного языка значения, реализованные в индивидуальном ЛСП, которые могут присутствовать в потенциальной форме в поле, составленном на основе лексико-графических источников другого языка.

¹ Замалетдинов Р.Р. Национально-языковая картина татарского мира: автореф. дис. ...д-ра филол. наук / Р.Р. Замалетдинов; Казанский гос. пед. ун-т. Казань, 2004. С. 37.

² Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л.В. Миллер // Мир русского слова. 2000. №4. С. 39–45.

³ Вежицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежицкая. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 272.

⁴ Кубрякова Е.С. Когнитивная обработка языковых данных / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац. М., 1996. С. 630.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'36

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ И ЯЗЫКОВАЯ НОРМА

А.П. Миньяр-Белоручева, М.Е. Покровская

Политическая корректность является важным феноменом общественной жизни Запада с 1980-х годов в связи с господством концепции культурного плюрализма и играет немаловажную роль в межкультурной коммуникации. Политкорректные лексические соединения создаются в соответствии с нормами современного английского языка.

За последние двадцать лет английский язык претерпел значительные изменения в связи с распространением и господством политкорректности, сложного социокультурного феномена, который возник в Соединенных Штатах Америки в 1990-х годах, а сейчас практически охватил весь мир. Политкорректность как «мощная культурно-поведенческая тенденция требует убрать из языка все те языковые единицы, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, вернее, найти для них соответствующие нейтральные или положительные эвфемизмы»¹.

Значимость этого явления в современном поликультурном пространстве велико. Особое значение это приобретает в межкультурной коммуникации, которая подразумевает сознательную восприимчивость к инаковости партнера и проявление коммуникативной толерантности со стороны участников с целью организации совместного благополучного сосуществования. Современные общества превратились в сложные поликультурные, мультиэтнические, мультилингвистические и мультирелигиозные образования, которые живут сложной, противоречивой жизнью, где важно осознавать, что говорить и как говорить, чтобы избежать социальных конфликтов. С этой точки зрения политкорректность безусловно положительный и необходимый процесс. Однако возникает вопрос, насколько положительны все стороны этого мощного процесса?

Необходимо отметить, что в обществе отношение к этому явлению полярное. Одни рассматривают политкорректность как исключительно положительное явление. Так, И. Евлентьевым в своей статье дает следующее определение этому явлению: «Политическая корректность – это система взаимоотношений политических субъектов и объектов общества и государства, основанная на взаимном уважении, признании и учете интересов и целей всех взаимодействующих сторон, высокой политической культуре, цивилизованных формах выработки и реализации политических решений, оперировании достоверной и полной информации

ей. Политическая корректность предполагает безусловное преимущество общепризнанных прав и свобод человека, общества и государства над достижением односторонних преимуществ какой-либо из сторон. Это, в свою очередь, предусматривает преимущественно договорную форму политического взаимодействия, базирующееся на взаимных уступках и исключении силовых форм решения политических проблем»².

Противники политической корректности считают её «полицией мыслей», «запретом на мышление», представители которой являются своего рода «гражданской гвардией, устраивающей охоту на мысли»³. Какова же роль политкорректности в сложившейся ситуации? Является ли её целью сглаживание конфликтов и противостояния в обществе или их обострение? Что представляет собой этот процесс с точки зрения соотношения языка и сознания? Облагородить язык, убрав из него все лишнее? Или это сознательное нормирование языка, имеющее целью, изменяя язык, попытаться изменить сознание его носителей?

Проблема взаимозависимости языка и общества является одной из центральных в социолингвистике. Особое значение она приобретает для поликультурных сообществ. Природа и характер связей языка и общества по-разному трактуется различными лингвистическими школами.

Представители «Нового учения о языке» и Французской социологической школы считают, что развитие и существование языка полностью детерминировано развитием и существованием общества. Отечественное языкознание «исходит из различия внутренних стимулов развития языка, связанных с особенностями его системы, и внешних по отношению к языку социальных факторов, которые оказывают влияние и на развитие, и на характер функционирования языка»⁴. Третье направление представлено американскими и некоторыми европейскими лингвистами, которые в разной степени разделяют гипотезу лингвистической относительности Сепира-Уорфа⁵. Согласно этой гипотезе специфика языка обуславливает специ-

фику духовной культуры любого данного сообщества. Структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира носителями данного языка. Именно эта гипотеза послужила теоретической основой возникновения политкорректности, идеологии, которая привела к возникновению определенной языковой политики сначала в рамках американского общества, а затем всего англо-язычного мира. Сейчас её влияние заметно практически в любой стране.

Как правило, различают спонтанное влияние общества на язык и сознательное, целенаправленное воздействие со стороны государства (языковую политику). Вопросы языковой политики – явление не новое. Закономерно в данном случае вспомнить Греко-римскую лингвистическую традицию, центральным вопросом лингвистической теории которой стало описание системы языка, наиболее адекватное разным текстам. Две сосуществующие тенденции наметились в методах решения этого вопроса:

– принцип аномалии (формы языка описывают так, чтобы они отражали «обычай» их применения, что подразумевает привлечение всех слов и форм, характерных для разных сфер использования языка и диалектов);

– принцип аналогии (формы языка описываются так, чтобы они отражали законы построения правильной речи и указывали бы этим на неправильности употребления слов и форм, исходя из этих принципов)⁶.

Но это понятие, давно известное из языковой и нормализаторской практики, лишь в языкознании двадцатого века получило обоснование и стало изучаться в различных аспектах и разделах общего языкознания, культуры речи, в теории и истории литературных языков, теории коммуникации.

Языковая политика – это совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в государстве⁷. Особенной сложностью языковая политика в поликультурном государстве, так как в этом случае она должна учитывать такие факторы как мультилингвизм, своеобразие этнического состава и межнациональных отношений, роль отдельных языков их носителей в общественной жизни. Идеологические принципы и практические мероприятия в области языковой политики взаимосвязаны и неразделимы. Языковая политика является составной частью национальной политики и в основных чертах зависит от общих принципов последней. Языковая политика связана с сознательным воздействием общества на язык, с этой точки зрения она представляет собой концентрированное выражение методологических и социальных основ определяющих отношение той или иной государственной системы к функционированию и развитию языка. Языковая политика оказывает влияние прежде всего на лексико-семантическую систему, особенно на общественно-политическую лексику,

а также на стилистическую дифференциацию литературного языка. В соответствии с идеологическими целями в области культуры языковая политика может быть перспективной (языковое строительство) и ретроспективной (культура речи) Центральное место в языковой политике занимает понятие языковой нормы.

Здесь необходимо рассмотреть такие понятия как система языка, норма и индивидуальная речь. Система языка рассматривается как структура, она определяет общие возможности употребления образующих её элементов. Норма определяется степенью определения при условии авторитетности источников. Сюда входят понятия эталон, кодификация и языковая политика. Как система языка, так и норма представляют собой абстракции, идеальные формы. Индивидуальная же речь, то есть эмпирически наблюдаемый материал, реально представлена речевым произведением – текстом. Речь обусловлена потребностями и ситуацией общения, правильность её относительна.

Рассмотрим понятие нормы более подробно. Под нормой понимается совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закреплённых в процессе общественной коммуникации⁸. Норма представляет также совокупность унифицированных и стабильных языковых средств и правил их употребления, сознательно фиксируемых и культивируемых обществом. Норма является специфическим признакам литературного языка национального периода. Норма является одновременно и лингвистической и социально-исторической категорией. Социальный аспект нормы проявляется в отборе и фиксации языковых явлений, в системе их оценок («правильно – неправильно, уместно – неуместно, красиво – некрасиво»). Как социально-историческая категория языковая норма входит в ряд норм и обычаев, представленных в обществе в разные периоды его развития.

В языке нормативность проявляется двояко: норма как совокупность тенденций отбора и правил использования языковых средств и норма как совокупность реально использующихся в языке лексем, словоформ, конструкций. В понятии стабильности нормы входят традиционность нормы, её историческая устойчивость, относительная территориальная единообразие норм, некоторые ограничения возможных колебаний и вариантов. Эти признаки проявляются в языке в виде тенденций, «мера стабильности» литературного языка устанавливается под воздействием всей культурно – исторической ситуации.

Между реальным употреблением языка и литературной нормой всегда имеются расхождения, степень которых зависит от социальной структуры общества, исторического этапа его развития, от особенностей языковой ситуации.

Формирование и эволюция нормы современных литературных языков обусловлены взаимо-

действием стихийных и сознательных процессов. Кодификация литературной нормы в грамматиках, справочниках и словарях должна обновляться по мере изменений, происходящих как в самом языке, так и при оценке его средств и их употребления говорящими.

Хронологические и другие различия могут наблюдаться в нормализации разных сторон языка. Так, нормализация лексики может совершаться на более широкой социальной и территориальной базе, чем нормализация произношения. Различно для нормализации разных сторон языка и соотношение стихийных и сознательных процессов. Так, для нормализации орфографии роль кодификации более существенна, чем для лексики или синтаксиса.

Рассмотрев теоретические вопросы, связанные с понятиями нормы и языковой политики как составляющей нормализаторского процесса, вернемся к политкорректности и рассмотрим данное явление с точки зрения всего вышеизложенного.

Можно ли рассматривать политическую корректность как модернизацию языка, необходимую в различные периоды развития общества для создания слов, обозначающих новые понятия и явления, ранее не существовавшие в языке? Под термином модернизация языка мы понимаем развитие словаря и рассматриваем её как один из важнейших элементов языкового планирования. Среди путей развития словаря традиционно выделяется: образование новых форм слова с использованием словообразовательных возможностей языка, образование сложных слов, расширение значения имеющихся слов, адаптация иностранных слов⁹. Если и рассматривать политическую корректность как случай модернизации языка, то не как традиционный, а как особый случай модернизации, когда речь идет не о процессе наименования новых явлений и понятий, возникающих в жизни общества, а о переименовании уже имеющихся понятий, нередко входящих в исконный словарь языка. Политическая корректность предполагает замену уже существующих единиц эвфемизмами, использует описательные формы взамен существующих отдельных слов:

Можно констатировать, что политкорректность стала проявлением языкового конфликта в рамках американского общества, а культурный плюрализм как новая идеология, приведшая к необходимости пропорционально представлять достижения представителей всех рас, народов, этнических и сексуальных меньшинств, живущих в поликультурном пространстве Соединенных Штатов, является попыткой нейтрализации этого языкового конфликта. Представители доминирующей группы (белого большинства) вынуждены идти на уступки и искать пути выравнивания возможностей реализации в социально-экономической, политической и культурной сфере для представителей разных меньшинств.

Необходимо подчеркнуть, что, с точки зрения социолингвистики, политическая корректность представляет собой попытку введения новой языковой политики, которая призвана определенным образом изменить лексическую систему языка путем её нормирования и кодификации, а уже через язык повлиять на сознание его носителей. Это попытка осуществления буквально реформистских, если не революционных изменений в области языка, культуры, а, опосредованно, и сознания представителей англоязычного мира, а, учитывая роль английского языка в современном мире и процессы глобализации, в отдаленной перспективе, и всей планеты. Подобные процессы имели место и ранее (Инквизиция, Великая Французская революция, нацистская Германия, Советский Союз, Социалистический Китай). Но то, что происходит сейчас в рамках требований политкорректности, поистине беспрецедентно. Если языковая политика по определению представляет собой «концентрированное выражение методологических и социальных основ определяющих отношение той или иной государственной системы к функционированию и развитию языка»¹⁰, то в случае с политкорректностью мы наблюдаем иную ситуацию. Государство к этому явлению отношения не имеет, напротив, являясь объектом воздействия и вынужденно подчиняясь требованиям быть корректным. Особенно это проявилось с 1998 года при праздновании Рождества в США. Из тихого семейного праздника оно превратилось в период ожесточенных дебатов, когда любое слово в прессе может вызвать бурю негодования. Что же вызывает подобную реакцию в обществе? Христианская терминология, употребление которой, по словам некоторых приверженцев политкорректности, может задеть чувства представителей других конфессий. С их точки зрения оскорбительным может показаться само упоминание названия праздника. Рекомендуется заменить *Christmas* на *Holiday* в средствах массовой информации, не употреблять в приветствиях, поздравлениях, публичных выступлениях, даже в речи президента. Таблица, представленная ниже, дает представление о том, какие изменения рекомендуются (см. таблицу).

Таблица

Merry Christmas	Happy Holidays Season's Greetings. a happy "holiday season"
«Christmas»	«Winter Holiday» «December Holiday» «Winter Break» or other secular terminology
Christmas presents	«Holiday presents»
Christmas Tree	the 'holiday tree'
«Christmas lights»	«winter lights»«Celebrity Lights»

Приверженцы политкорректности пошли бы и дальше, но встретили сопротивление со стороны

здравомыслящих американцев (представителей разных конфессий), и к 2005 году многие подобные изменения были исключены из официального употребления, и вместо «*holiday*» снова стало употребляться *Christmas*, с 1998 года в СМИ главная Рождественская ёлка США именовалась *the Capitol holiday Tree*, и лишь в ноябре 2005 года вновь превратилась в *the Capitol Christmas Tree*.

Тон задается либералами, и главное их завоевание – учебные заведения разного уровня (от общеобразовательных школ до университетов). Новые учебные планы, программы, списки рекомендованных для чтения книг призваны повлиять на сознание и мировосприятие новых подрастающих граждан. Вот – языковое планирование в действии. Её цель – коренным образом изменить языковую норму, создать новый облагороженный язык, а уже он сыграет решающую роль в воспитании новых граждан. При этом абсолютно никого не удивляет, что меняется не система отсчета, а лишь её название. Некоторые авторы уже используют вместо *Anno Domini* (*Latin: In the year of [the] Lord*)(AD) неологизм *Common Era* (CE), а вместо *Before Christ* (BC) употребляют *Before Common Era* (BCE). Но вопрос, чем лучше станет язык без слова *Christmas* и *Christ*, остается открытым.

В периоды, предшествовавшие эпохе политкорректности, признание нормативности языкового явления или факта основывалось на наличии по крайней мере трех признаков:

- 1) на соответствии данного явления структуре языка;
- 2) на факте массовой и регулярной воспроизводимости данного явления в процессе коммуникации;
- 3) на общественном одобрении и признании соответствующего явления нормативным.

Наиболее объективной формой такого одобрения является кодификация, которая носит по отношению к норме главным образом ретроспективный характер, то есть фиксирует уже сложившиеся в процессе общественной языковой практике явления. По иному этот процесс протекает в эпоху политкорректности. То или иное угодное с точки зрения политкорректности явление языка объявляется нормативным, а его регулярная воспроизводимость декларативно навязывается, для этого составляются списки допустимых замен для СМИ.

Отдельного рассмотрения требует соответствие вновь появившихся явлений структуре языка. По определению норма неоднородна по составу входящих в неё явлений. Ядро литературной нормы составляют стилистически нейтральные и, следовательно, наиболее широко употребляемые язы-

ковые явления, периферию – явления архаические и новые, а также явления функционально и территориально маркированные, но использующиеся в рамках литературной нормы. Требования же политкорректности предполагают употребление исключительно неологизмов, вводимых в язык ежедневно и объявляемых ядром системы и единственно стилистически нейтральными, функционирование других, ранее существовавших в языке единиц признается нецелесообразным, а сами они причисляются к разряду табуированных. Так, *Negro* превратилось в *black*, а из него в *coloured*. При этом требования могут меняться довольно быстро и без всяких видимых причин, и то, что было политкорректно вчера, сегодня может оказаться совершенно недопустимо. Так выражение *coloured people* вытеснено из употребления и заменено на *people of colour* без всяких видимых причин.

Однако литературная норма – это ещё и значительно дифференцированный комплекс языковых средств, предполагающий сохранение целого ряда вариантов и синонимических способов выражения. Политкорректность этого не учитывает или не желает учитывать, а в этом можно рассмотреть надвигающуюся угрозу для языка, ведь вариативность языковых средств обеспечивает функционально-стилистическую дифференциацию литературного языка, а та обеспечивает его богатство и выразительность. Без этого язык выхолащивается и обедняется.

¹ Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. С. 215.

² Евлентьев И. Определение политической корректности // Независимый пресс-центр, М. 2004.

³ Rauch, Jonathan. *Kindly Inquisitors: The New Attacks on Free Thought*. Chicago, IL, University of Chicago Press, 1993. (Цит. по Лобанова Л.П. Новый стиль речи и культура поколения: политическая корректность. Монография. М. 2004. С. 38.)

⁴ Лингвистический энциклопедический словарь/ ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 607.

⁵ Уорф Б. Наука и языкознание. М., 1960. Будагов Р.А. Борьба идей и направлений в языкознании нашего времени. М., 1979. Звягинцев В.А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира Уорфа. В кн.: Новое в лингвистике. М., 1960, вып. 1. Sapir E. *Conceptual categories in primitive Languages*. Science, vol. 74, 1931, p. 576.

⁶ Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. История языкознания М., Академия. 2005. С. 81.

⁷ Лингв. энциклопедический словарь. С. 616.

⁸ Там же. С. 337.

⁹ Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социоллингвистика и социология языка. С.-П. Гуманитарная Академия 2004. С. 171.

¹⁰ Лингв. энциклопедический словарь. С. 616.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

А.П. Чудинов, Э.В. Будаев

В настоящей статье рассматривается генезис и эволюция одного из самых активно развивающихся направлений зарубежного языкознания – политической лингвистики. Авторы выделяют четыре основных этапа в развитии политической лингвистики, дают характеристику каждому этапу и определяют его специфику. В статье показано, как по мере своего становления политическая лингвистика активно вбирала в себя эвристики самых разнообразных направлений современной гуманитарной науки.

Политическая лингвистика на рубеже XX и XXI веков оформилась как автономное направление научных исследований, находящееся на стыке лингвистики и политологии и использующее методики различных гуманитарных наук. В зарубежной политической лингвистике традиционно различаются два меганаправления – американское и европейское¹.

Истоки современной политической лингвистики можно обнаружить еще в античной риторике: проблемами политического красноречия активно занимались уже в Древней Греции и Риме, однако эта традиция оказалась прерванной на много столетий, когда на смену античным демократиям пришли феодальные монархии. Изучение политической коммуникации оказывается социально востребованным прежде всего в демократическом обществе, а поэтому соответствующие исследования вновь появились лишь вместе с развитием демократии в Западной Европе и Северной Америке. Рассмотрим основные этапы в истории изучения политической коммуникации.

1. Исследования политической коммуникации в рамках традиционной риторики и стилистики. Первоначально (то есть еще до возникновения политической лингвистики как особого научного направления) публикации по проблемам политической коммуникации воспринимались как разновидность стилистических или риторических исследований. Соответствующие публикации носили преимущественно «рецептурный», восхваляющий или критический (дискредитирующий) характер. В публикациях первого типа авторы стремились показать своим читателям, каким образом можно добиться успеха в публичных выступлениях или иной публичной речевой деятельности, в том числе в политической сфере.

В публикациях второго типа основное внимание уделялось детальному описанию достоинств и – в меньшей степени – недостатков в речевой деятельности конкретных политических деятелей. Особенно активно изучались разнообразные аспекты риторического мастерства политических

лидеров. Причины убедительности президентских выступлений искали в фонетических и ритмических особенностях, остроумии, задушевности, открытости, простоте, образности и иных качествах речи.

В работах критической направленности основное внимание традиционно уделялось «разоблачению» недобросовестных уловок политических противников, а также их косноязычию, малообразованности и речевой небрежности. Значительное число критических публикаций было посвящено «порче» родного языка, среди причин которой обычно назывались те или иные политические события, а также общее падение нравов, утрата духовных основ и уважения к национальным традициям.

2. Возникновение и становление политической лингвистики (двадцатые – пятидесятые годы XX века). История возникновения и становления любой научной дисциплины неразрывно связана с историей общества, и политическая лингвистика не стала исключением. В череде событий XX в. точкой отсчета для становления политической лингвистики стала Первая мировая война, которая привела к невиданным человеческим потерям и кардинальному изменению мироощущения человечества. В новых условиях необходимость изучения политической коммуникации и ее взаимосвязи с общественно-политическими процессами становилась все более очевидной. После опыта беспрецедентного пропагандистского противостояния воюющих стран, знание о механизмах манипуляции общественным мнением приобретает высокую научную и гуманитарную ценность. Поэтому неудивительно, что после войны внимание исследователей языка политики было направлено на изучение способов формирования общественного мнения, эффективности политической агитации и военной пропаганды.

Наиболее значимые работы этого периода связаны с деятельностью Уолтера Липпманна², Пола Лазарсфельда³ и Гарольда Лассвелла⁴.

У. Липпманн в период Первой мировой войны

писал пропагандистские листовки для армии союзников во Франции, после войны занялся изучением вопросов пропаганды и агитации, служил советником у двенадцати президентов США. В современной политической лингвистике активно используется предложенное У. Липпманном понятие «процесса установки повестки дня» (*agenda-setting process*), т.е. высвечивания в политической коммуникации одних вопросов и замалчивания других. Таким образом, ученый разграничил реальную актуальность той или иной проблемы и ее «важность» в восприятии общества. Также У. Липпманну принадлежит первенство в применении контент-анализа в качестве метода для исследования общественных представлений о политической картине мира. В частности, в 1920 году было опубликовано исследование корпуса текстов газеты «The New York Times», которые были посвящены Октябрьской революции 1917 г.⁵ Как показал У. Липпманн, среднему американцу невозможно было составить сколько-нибудь объективного мнения о происходящих в мире событиях ввиду анти-большевистской предвзятости анализируемых текстов.

Другим значимым предшественником политической лингвистики был Пол Лазарсфельд, активно занимавшийся изучением пропаганды в Колумбийском университете. В 1937 г. он руководил исследовательским проектом по воздействию информации радиовещания на американскую аудиторию. Впоследствии этот проект вылился в создание «Бюро прикладных социальных исследований» – единственного основанного на базе университета исследовательского института того времени, который занимался вопросами политической и массовой коммуникации. П. Лазарсфельд вместе со своим коллегой Р. Мертоном разработал метод опроса фокус-группы, который применялся для сбора данных об отношении рядовых американцев к правительственным призывам по радио разводить «огороды победы» или приобретать облигации военных займов. Примечательно, что эти правительственные программы разрабатывались и анализировались как самим П. Лазарсфельдом, так и другими исследователями (в том числе Гарольдом Лассвеллом).

П. Лазарсфельду принадлежит первенство в применении контент-анализа к исследованию зависимости электорального поведения от предвыборной агитации в СМИ. Наибольшую известность получило его исследование, проведенное в округе Эри (штат Огайо). В течение полугода вплоть до президентских выборов 1940 г. П. Лазарсфельд и его коллеги проводили опрос фокус-группы в 600 человек с целью выявить эффективность агитационного воздействия политических текстов СМИ на американских граждан. К удивлению исследователей, только 54 участника эксперимента поменяли за полгода свои предпочтения в пользу другого кандидата в президенты, и еще

меньшее количество респондентов сделало это под прямым воздействием газет, журналов и радиопередач. Этот эксперимент заставил засомневаться в доселе принимаемом как само собой разумеющееся положении о тотальном характере воздействия СМИ на избирателя.

Впоследствии П. Лазарсфельд и другие исследователи разработали модель двухуровневой коммуникации, согласно которой в любом обществе существуют восприимчивые к воздействию политической пропаганды «лидеры общественного мнения» (*opinion leaders*), распространяющие политическую информацию по каналам межличностного общения. Методика П. Лазарсфельда получила значительное распространение и применяется вплоть до настоящего времени. Хотя исследователи указывали на недооценку пропагандистской роли СМИ, разработки П. Лазарсфельда инициировали интерес к исследованию дополнительных факторов коммуникационного воздействия на избирателя.

Среди предшественников современной политической лингвистики называют также Гарольда Лассвелла, которому принадлежит заслуга значительного развития методики контент-анализа и ее эффективного применения к изучению языка политики. С помощью контент-анализа Г. Лассвеллу удалось продемонстрировать связь между стилем политического языка и политическим режимом, в котором этот язык используется⁶. По мнению исследователя, дискурс политиков-демократов очень близок дискурсу избирателей, к которым они обращаются, в то время как недемократические элиты стремятся к превосходству и дистанцированию от рядовых членов общества, что неизбежно находит отражение в стилистических особенностях политического языка власти. Языковые инновации предшествуют общественным преобразованиям, поэтому изменения в стиле политического языка служат индикатором приближающейся демократизации общества или кризиса демократии.

Исследовательский потенциал методов квантитативной семантики получил значительное распространение. Так, в 40-е гг. XX в. Г. Лассвелл, Н. Лейтес, С. Якобсон и другие исследователи выявляли различные взаимозависимости между семантикой языковых единиц и политическими процессами на основе анализа советских лозунгов, языка Интернационала, текстов фашистской пропаганды⁷.

В этот период появляется дополнительный импульс к осмыслению роли языка в политике, связанный с практикой тоталитаризма и новой, еще более разрушительной мировой войной. Рассматривая этот этап развития политической лингвистики, историки науки называют, помимо специалистов по коммуникации, английского писателя Джорджа Оруэлла и немецкого литературоведа Виктора Клемперера, обратившихся к критическому изучению тоталитарного дискурса.

Первый из них написал в 1948 году роман-антиутопию «1984», в котором были описаны принцип «двоемыслия» (doublethink) и словарь «новояза» (newspeak), то есть на конкретных примерах были охарактеризованы способы речевого манипулирования человеческим сознанием в целях завоевания и удержания политической власти в тоталитарном государстве. Джордж Оруэлл наглядно показал, каким образом при помощи языка можно заставить человека поверить лжи и считать ее подлинной правдой, как именно можно положить в основу государственной идеологии оксюморонные лозунги «Война – это мир», «Свобода – это рабство» и «Незнание – это сила». Пророческий дар Дж. Оруэлла постоянно отмечают современные специалисты по политической пропаганде: иногда кажется, что именно по рецептам «новояза» советские войска в Афганистане решили называть ограниченным контингентом, а саму эту войну – международной помощью. Аналогичные приемы использовали и американские лидеры, которые называли свои военные действия против Югославии и Ирака «борьбой за установление демократии».

Описанный Джорджем Оруэллом «новояз» был плодом его фантазии, предположением о том, к чему может привести развитие тоталитарных идей в Великобритании. Немецкий филолог Виктор Клемперер подробно охарактеризовал «новояз», за которым он имел несчастье наблюдать 12 лет. Его книга «LTI. Notizbuch eines Philologen» («LTI. Записная книжка филолога») была посвящена коммуникативной практике германского фашизма, а буквы «LTI» в ее названии обозначают «Язык Третьей империи»⁸. Следует отметить, что практика нацистского «новояза» оказалась значительно многообразнее и изощреннее созданной Джорджем Оруэллом теории. Например, оказалось, что вовсе необязательно запрещать то или иное выражение – достаточно взять его в кавычки. Например, «немецкий поэт» Гейне – это уже совсем не немецкий и не совсем поэт; соответственно написание «выдающийся ученый» Эйнштейн позволяет поставить под сомнение гениальность выдающегося физика. На службу идеям фашизма в гитлеровской Германии были поставлены и многие другие языковые средства: особенно детально Виктор Клемперер описывает символику и метафорику фашистской пропаганды, а также практику запрета на «неудобные» слова и понятия с одновременной пропагандой «новых» слов и идей.

Позднее появилось описание коммунистического новояза и языкового сопротивления ему в Польше, Восточной Германии, Чехии, России и других государствах существовавшего во второй половине прошлого века «социалистического лагеря». Эти исследования позволили обнаружить множество сопоставимых фактов и закономерностей. Вместе с тем обнаруживались и признаки национальных тоталитарных дискурсов: например,

в советском политическом дискурсе очень значимыми были политические определения, кардинально преобразующие смысл и эмоциональную окраску слова. Так, в советском новоязе *Буржуазный гуманизм* или *Абстрактный гуманизм* – это вовсе не человеколюбие, а негативно оцениваемое проявление слабости, недостаточная жестокость по отношению к политическим противникам, представителям «эксплуататорских классов» и просто сомневающимся. С другой стороны, в качестве *Социалистического гуманизма* могли быть представлены жестокие действия «против классово чуждых элементов», особенно если эти действия воспринимались как полезные «для трудового народа» в его «классовой борьбе».

Исследования коммуникативной практики тоталитарных режимов продолжают до настоящего времени. Специалисты выделили характерные черты тоталитарного дискурса, для которого, как правило, свойственны централизация пропагандистской деятельности, претензии на абсолютную истину, идеологизация всех сторон жизни, лозунговость и пристрастие к заклинаниям. Среди признаков тоталитаризма выделяют также ритуальность политической коммуникации, превалирование монолога «вождей» над диалогичными формами коммуникации, пропагандистский триумфализм, резкую дифференциацию СВОИХ и ЧУЖИХ, пропаганду простых и в то же время крайне эффективных путей решения проблем.

3. Политическая лингвистика шестидесятых – восьмидесятых годов XX века. На следующем этапе развития политической лингвистики зарубежные специалисты сосредоточили свое внимание на изучении коммуникативной практики в современных западных демократических государствах. Эти исследования показали, что и в условиях «свободы» постоянно используется языковая манипуляция сознанием, но это более изощренная манипуляция.

Новые политические условия привели к изменению методов коммуникативного воздействия, но политика – это всегда борьба за власть, а в этой борьбе победителем обычно становится тот, кто лучше владеет коммуникативным оружием, кто способен создать в сознании адресата необходимую манипулятору картину мира. Например, опытный политик не будет призывать к сокращению социальных программ для малоимущих, он будет говорить только о «снижении налогов». Однако хорошо известно, за счет каких средств обычно финансируется помощь малообеспеченным гражданам. Умелый специалист будет предлагать бороться за социальную справедливость, за «сокращение пропасти между богатыми и бедными», и не всякий избиратель сразу поймет, что это призыв к повышению прямых или косвенных налогов, а платить их придется не только миллионам. Точно также опытный политик будет говорить не о сокращении помощи малоимущим, а о

важности снижения налогов, однако легко предположить, какие именно статьи бюджета пострадают после сокращения налоговых поступлений.

Подобные факты широко обсуждаются в критической теории Франкфуртской школы, представители которой (Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер) начали изучать формы тоталитаризма, антидемократизма, националистического шовинизма после окончания второй мировой войны. Аналогичные материалы представлены также во многих публикациях англоязычных авторов.

Вполне закономерно, что в эпоху холодной войны особое внимание лингвистов привлекал милитаристский дискурс. На фоне «балансирования между войной и миром» понимание того, как политики убеждают рядовых граждан в необходимости применения ядерной бомбы, получает гуманистический смысл. По аналогии с «новоязом» Дж. Оруэлла (*newspeak*) в понятийном арсенале лингвистов закрепляется понятие «нюкспик» (*nukespeak*)⁹, т.е. «ядерный язык», который используют политики для оправдания возможного применения ядерной бомбы, для завуалирования и затемнения катастрофических последствий такого сценария развития событий. С другой стороны, важную роль в развитии политической ситуации играли и метафорические образы, подчеркивающие всю опасность последствий атомной катастрофы («ядерная зима», «атомный апокалипсис», «поджигатели войны» и др.). Неудивительно, что осознание актуальности задач, стоящих перед исследователями политической коммуникации, становится значимым фактором в становлении политической лингвистики.

Важное место в политической лингвистике рассматриваемого периода занимает французская школа анализа дискурса (Ж. Дюбуа, Ж.-Ж. Куртин, М. Пеше, М. Фуко и др.)¹⁰. Как показывает П. Серио, эта школа возникла «как попытка устранить недостатки контент-анализа, применявшегося в то время гуманитарных науках, особенно в Соединенных Штатах»¹¹. В классическом контент-анализе исследователь стремится обобщить различные способы выражения сходного содержания и проанализировать полученные результаты с использованием статистических подсчетов. Такой анализ воспринимается французскими специалистами как «совокупность второстепенных технических приемов»¹².

Теоретической основой для французской школы анализа дискурса стали идеи психоанализа, марксизма и структурной лингвистики. Как пишет, Патрик Серио в теории дискурса Мишеля Пеше, главенствуют три имени, «объединяемых под шутливым названием «Тройственное согласие»: Маркс, Фрейд и Соссюр»¹³. Предмет исследования во французской школе анализа дискурса – это не отдельный текст, а множество текстов с учетом их исторической, социальной и интеллектуальной направленности, с учетом их взаимосвязей с дру-

гими текстами и с учетом институциональных рамок, которые накладывают значительные ограничения на акты высказывания. При этом учитывается не только содержание текста, но и интенции автора, не только то, что сказано, но и то, что не сказано. По возможности следует также сопоставить содержимое текста с интрадискурсом автора (другими его высказываниями по соответствующей проблеме) и интердискурсом (высказываниями других лиц по соответствующей проблеме).

В шестидесятые-восьмидесятые годы прошлого века получили распространение исследования политической лексики¹⁴, теории и практики политической аргументации¹⁵, политической коммуникации в исторической перспективе¹⁶, политических метафор¹⁷ и символов¹⁸. Внимание исследователей привлекали вопросы функционирования политического языка в ситуации предвыборной борьбы¹⁹, парламентских и президентских дебатах²⁰, в партийном дискурсе²¹ и др. Все более тонким становится научный аппарат изучения политической коммуникации и все больше фактором учитывается при исследовании дискурсивной значимости тех или иных высказываний, текстов или корпусов текстов.

Уже в этот период изучение политической коммуникации складывается в относительно самостоятельное направление лингвистических исследований. В 70–80-х гг. за рубежом регулярно появляются учебники по политической коммуникации и методам ее анализа²².

4. Современный этап развития политической лингвистики. Особенно активно зарубежные исследования политической коммуникации развиваются в конце XX – начале XXI вв. Можно выделить следующие признаки современного этапа развития политической лингвистики.

1. Происходит «глобализация» политической лингвистики. Если ранее соответствующие научные исследования проводились, как правило, в Европе или Северной Америке, то в последние годы подобные публикации все чаще появляются в самых различных странах Азии, Африки, Латинской Америки и Океании²³. После падения «железного занавеса» специалисты из постсоветских государств начали все активнее осваивать методологии, методики, эвристики и темы, которые раньше были им недоступны по политическим причинам²⁴.

2. Политическая лингвистика, первый этап развития которой характеризовался преимущественным вниманием к тоталитарному дискурсу, а второй – к политическому дискурсу западных демократий, все активнее обращается к принципиально новым проблемам современного многополярного мира. Сфера научных интересов новой науки расширяется за счет включения в анализ новых аспектов взаимодействия языка, власти и общества (дискурс терроризма, дискурс «нового мирового порядка», политкорректность, социальная толерантность,

социальная коммуникация в традиционном обществе, фундаменталистский дискурс и др.).

3. На современном этапе развития науки становится все более ясным, что политическая лингвистика, которую раньше объединял лишь материал для исследования (политическая коммуникация, «язык власти») становится самостоятельным научным направлением со своими традициями и методиками, со своими авторитетами и научными школами. В этот период получает широкое распространение и признание название дисциплины (political linguistics, Politolinguistik), проводятся специальные научные конференции, публикуются многочисленные сборники исследований соответствующей тематики. Политическая лингвистика активно вбирает в себя эвристики дискурс-анализа, когнитивной методологии и иных направлений современной гуманитарной науки.

¹ Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006; Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006; Чудинов А.П. Политическая лингвистика. Москва, 2006.

² Lippmann W., Merz C. Test of the news // The New Republic. 1920. Vol. 33. № 2; Lippmann W. Public Opinion. New York, 1922.

³ Lazarsfeld P. Remarks on Administrative and Critical Communications Research // Studies in Philosophy and Social Science. 1941. Vol. 9; Lazarsfeld P., Stanton F.N. Radio Research. 1942–43. New York, 1944.; Lazarsfeld P.F., Berelson B., Gaudet H. The people's choice: How the voter makes up his mind in a presidential election. New York, 1948.

⁴ Lasswell H.D. Propaganda Technique in the World War. New York, 1927; Lasswell H.D. The Structure and the Function of Communication in Society // The Communication of Ideas / ed. L. Bryson. New York, 1948; Lasswell H.D., de Sola Pool I. The comparative study of symbols. Stanford, 1952.; Lasswell H.D. The Structure and the Function of Communication in Society // The Communication of Ideas / ed. L. Bryson. New York, 1948. Lasswell H. Politics: Who Gets What, When, How. Cleveland, 1958. Lasswell H. The Decision Process. College Park, 1956.

⁵ Lippmann W., Merz C. Test of the news // The New Republic. 1920. Vol. 33. № 2

⁶ Lasswell H.D. Style in the language of politics // Language in politics: Studies in quantitative semantics. New York: George W. Stewart, 1949.

⁷ См. Language in politics: Studies in quantitative semantics. New York, 1949.

⁸ Klemperer V. LTI. Notizbuch eines Philologen. Leipzig, 1947.

⁹ Chilton P. Nukespeak: Nuclear Language, Culture and Propaganda // Nukespeak: The Media and the Bomb / ed. C. Aubrey. London, 1982.

¹⁰ См. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 2002.

¹¹ Серю П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 2002. С. 16–17.

¹² Серю П. С. 17

¹³ Серю П. С. 35.

¹⁴ Среди работ по этой тематике см. Bebermeyer R. «Krise» in der Krise: Eine Vokabel im Sog ihrer Komposita und auf dem Weg zum leeren Schlagwort // Muttersprache. 1981. Bd. 91., Bergsdorf W. Politik und Sprache. München; Wien, 1978; Freitag R. Zum Wesen des Schlagwortes und verwandter sprachlicher Erscheinungen // Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität: Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. 1974. Jg. 23. Heft 2; Geissler H. Sprache und Politik // Germanistik – Forschungsstand und Perspektiven: Vorträge des deutschen Germanistentages 1984 / G. Stötzel (Hg.): Erster Teil. Berlin; New York, 1985; Glotz P. Die Rückkehr der Mythen in die Sprache der Politik. In: Georg Stötzel (Hg.): Germanistik – Forschungsstand und Perspektiven: Vorträge des deutschen Germanistentages 1984, Erster Teil. Berlin; New York, 1985; Hermanns F. Brisante Wörter. Zur lexikographischen Behandlung parteisprachlicher Wörter und Wendungen in Wörterbüchern der deutschen Gegenwartssprache // Studien zur neuhochdeutschen Lexikographie II / H.E. Wiegand (Hg.). Marburg, 1980; Lübke H. Der Streit um Worte. Sprache und Politik // Das Problem der Sprache / H.G. Gadamer (Hg.). München, 1967; Pelster T. Zur Semantik politischer Leitwörter // Praxis Deutsch. 1976. Bd. 17; Strauss G. Der politische Wortschatz: Zur Kommunikations- und Textsortenspezifika. Tübingen, 1986.

¹⁵ См. Klein J. Die öffentliche Nachrüstungs-Diskussion. Überlegungen zu ihrer argumentationsanalytischen Beschreibung // Jenseits von Orwell. Analysen zur Instrumentierung der Kultur / H.-D. Kübler (Hg.). Frankfurt/M., 1984; Klein J. Argumentation in politisch-parlamentarischer Debatte. Linguistische Anmerkungen zur politischen Kultur in der Bundesrepublik Deutschland // Germanistik -Forschungsstand und Perspektiven. Vorträge des Dt. Germanistentages 1984 / G. Stötzel (Hg.). Teil 1. Berlin, New York, 1985; Kopperschmidt J. Argumentation. Ein Vorschlag zur Methode ihrer Analyse // Wirkendes Wort. 1983. Bd. 33; Kopperschmidt J. Methode statt Appell. Versuch einer Kommunikationsanalyse // Der Deutschunterricht. 1976. Bd. 28. H. 4.

¹⁶ См. Allhoff D.-W. Rhetorische Analyse der Reden und Debatten des ersten deutschen Parlamentes von 1848/49. Insbesondere auf syntaktischer und semantischer Ebene. München, 1975; Cobet C. Der Wortschatz des Antisemitismus in der Bismarckzeit. München, 1973; Grünert H. Deutsche Sprachgeschichte und politische Geschichte in ihrer Verflechtung // Sprachgeschichte: Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Werner Besch u.a. (Hg.). Halbbd. 1. Berlin, New York, 1984; Hikms J.W. The Rhetoric of 'Unconditional Surrender' and the Decision to Drop the Atomic Bomb // The Quarterly Journal of Speech. 1983. Vol. 69; Jensen J. British Voices on the Eve of the American Revolution: Trapped by the Family Metaphor // Quarterly Journal of Speech. 1977 Vol. 63; Wülfing W. Schlagworte des Jungen Deutschland. Mit einer Einführung in die Schlagwortforschung. Berlin, 1980.

¹⁷ Количество публикаций по этой теме очень велико. Вот только наиболее известные из них. Arendt D. Geschichten und Lieder vom Rattenfänger oder Sprache und Bild als demagogische Handlung // Frankfurter Hefte. 1983. Bd. 38. H. 12; Bachem R., Battke K. Unser gemeinsames Haus Europa: Zum Handlungspotential einer Metapher im öffentlichen Meinungsstreit // Muttersprache. 1989. Bd. 99; Blankenship J. The search for the 1972 Democratic nomination: A metaphorical perspective // Rhetoric and communi-

- cation: Studies in the Illinois tradition. Urbana, 1973; Chilton P. Metaphor, Euphemism and the Militarization of Language // Current Research on Peace and Violence. 1987. Vol. 10. № 1; Drommel R., Wolff G. Metaphern in der politischen Rede // Der Deutschunterricht. 1978. Bd. 30; Hook G. D. Making nuclear weapons easier to live with: The political role of language in nuclearization // Bulletin of Peace Proposals. 1985. Vol. 1; Howe N. Metaphor in Contemporary American Political Discourse // Metaphor and Symbolic Activity. 1988. Vol. 3. № 2; Ivie R. L. Literalizing the Metaphor of Soviet Savagery: President Truman's Plain Style // Southern Speech Communication Journal. 1986. Vol. 51; Kahn H. On Escalation: Metaphors and Scenarios. New York, 1965; Mumby D. K., Spitzack C. Ideology and Television News: A Metaphoric Analysis of Political Stories // Central States Speech Journal. 1983. Vol. 34. № 3; Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. 1967. Vol. 53; Perry S. Rhetorical Functions of the Infestation Metaphor in Hitler's Rhetoric // Central States Speech Journal. 1983. Vol. 34; Rickert W. Winston Churchill's Archetypal Metaphors: A Mythopoetic Translation of World War II // Central States Speech Journal. 1977. Vol. 28; Stelzner H. G. Ford's War on Inflation: A Metaphor That Did Not Cross // Communication Monographs. 1977. Vol. 44; Zashin E., Chapman P.C. The uses of metaphor and analogy: Toward a renewal of political language // The Journal of Politics. 1974. Vol. 36.
- ¹⁸ См. Edelman M. The Symbolic Uses of Politics. Urbana, 1964; Elder C.D., Cobb R.W. The Political Uses of Symbols. New York, 1983; Sarcinelli U. Symbolische Politik. Zur Bedeutung symbolischen Handelns in der Wahlkampfkommunikation der Bundesrepublik Deutschland. Opladen, 1987.
- ¹⁹ См. Clyne M.G. Linguistic analysis and the 1972 Bundestag election campaign // Linguistic Method: Essays in Honor of Herbert Penzl / I. Rauch, G. F. Carr (Hg.). The Hague, 1979; Wachtel M. Die Darstellung von Vertrauenswürdigkeit in Wahlkampfsports. Tübingen, 1988; Weiss H.-J. Wahlkampf im Fernsehen. Berlin, 1976; Wolff G. Sprache im Wahlkampf // Praxis Deutsch. 1976. Bd. 18.
- ²⁰ См. Bartels L. M. Presidential primaries and dynamics of public choice. Princeton, 1988; Bishop G., Meadow R.G., Jackson-Beeck M. (Eds.). The Presidential Debates. New York, 1980; Bitzer L. Rueter T. Carter vs Ford: The counterfeited debates of 1976. Madison, 1980; Klein J. Argumentation in politisch-parlamentarischer Debatte. Linguistische Anmerkungen zur politischen Kultur in der Bundesrepublik Deutschland // Germanistik -Forschungsstand und Perspektiven. Vorträge des Dt. Germanistentages 1984 / G. Stötzel (Hg.). Teil 1. Berlin; New York, 1985; Kühn P. Der parlamentarische Zwischenruf als mehrfachadressierte Sprachhandlung // Sprache, Diskurs und Text // Akten des 17. Linguistischen Kolloquiums Brüssel 1982 / René Jongen u.a. (Hg.). Tübingen, 1983. Band 1.
- ²¹ Berschin H. Liebe Freundinnen und Freunde. Über die Sprache der Grünen im Bundestag // Die Grünen – Partei wider Willen / Klaus Gotto / Hans-Joachim Veen (Hg.). Mainz, 1984; Kuhn F. Überlegungen zur politischen Sprache der Alternativbewegung // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. 1983. Bd. 51, Schönbohm W. Funktion, Entstehung und Sprache von Parteiprogrammen // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1974. Bd. 34-35.
- ²² Наибольшую известность получили Atkinson J.M. Our masters voices: the language and body language of politics. London, 1984; Bachem R. Einführung in die Analyse politischer Texte. München, 1979; Bergsdorf W. Politik und Sprache. München, Wien, 1978; Corcoran P.E. Political language and rhetoric. Austin, 1979; Dieckmann W. Sprache in der Politik. Eine Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache. Heidelberg, 1975; Dieckmann W. Politische Sprache – politische Kommunikation: Vorträge, Aufsätze, Entwürfe. Heidelberg, 1981; Edelman M. Political Language. New York, 1977; Fairclough N.L. Language and Power. London, 1989; Geis M.L. The language of politics. New York, 1987; Green D. Shaping political consciousness: The language of politics in America from McKinley to Reagan. Ithaca, 1987; Hahn D.F. Political Communication: Rhetoric, Government, and Citizens. New York, 1988; Shapiro M. Language and political understanding. West Hanover, 1981.
- ²³ См. напр. Chan J.M., Lee C.C. Mass media and political transition: The Hong Kong press in China's orbit. New York, 1991; Chang T.K., Chen C.H., Zhang G.Q. Rethinking the mass propaganda model: Evidence from the Chinese regional press // Gazette. 1993. Vol. 51; Ito Y. What causes the similarities and differences among the social sciences in different cultures? Focusing on Japan and the West // Asian Journal of Communication. 2000. Vol. 10; Guo Z. Media use habits, audience expectations and media effects in Hong Kong's first legislative council election // Gazette. 2000. Vol. 62; Guo Z. To each according to its niche: Analyzing the political and economic origins for a structural segregation in Chinese press // Journal of Media Economics. 2001. Vol. 14; He Z. Mass Media and Tiananmen Square. New York, 1996; He Z. Working with a dying ideology: Dissonance and its reduction in Chinese journalism // Journalism Studies. 2000. Vol. 1; Ling C. Culture, politics, communication and development: A tentative study on the case of China // Gazette. 1991. Vol. 48; Sen K., Hill D.T. Media, culture and politics in Indonesia. Melbourne; Oxford, 2000; Wee L. Divorce before marriage in the Singapore-Malaysia relationship: The Invariance Principle at work // Discourse and Society. 2001. Vol. 12. № 4; Wei J.M. Virtual Missiles: Allusions and Metaphors Used in Taiwanese Political Discourse. Lanham, 2001; Zhao Y. Media, market and democracy in China: Between the party line and the bottom line. Urbana, 1998; Zhu J.H. Political movements, cultural values, and mass media in China: Continuity and change // Journal of Communication. 1997. Vol. 47.
- ²⁴ См. напр. Дуличенко А.Д. Русский язык конца II тысячелетия. Мюнхен, 1995; Ключко Н.Н. Образы Европы в современных национальных политических дискурсах // Известия УрГПУ. Лингвистика. Екатеринбург, 2005. Вып. 17; Лассан Э.Р. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс, 1995; Муране С.Н. Лексика военной сферы в постсоветском политическом дискурсе // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения. СПб., 2001; Почепцов Г.Г. Информационные войны. М., 2000.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ВУЗЕ

УДК 81

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ КАК ПРОБЛЕМА ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

О.В. Кудряшова

В статье освещаются вопросы теории и практики обучения письменной речи: анализируются традиционные методические подходы к обучению письму и письменной речи на иностранном языке, рассматривается содержание обучения, дидактические и методические доминанты, основные модели обучения, технология формирования и совершенствование умений писать на иностранном языке в каждом из подходов. Раскрываются основные положения компетентностного подхода к развитию иноязычной письменной речи, выделяется ведущая роль коммуникативной компетенции. Описываются компоненты коммуникативной компетенции.

Обучение студентов языковой педагогической специальности письменной речи реализуется в процессе овладения студентами набором соответствующих знаний, речевых навыков и коммуникативных умений, необходимых для создания письменного текста, служащего средством общения. Однако, как показывает анализ результатов студенческих работ, уровень подготовки студентов в этом плане чаще всего бывает очень низким. Тексты, создаваемые студентами, в большинстве своем могут быть расценены как письменная запись устных высказываний, что является результатом более или менее успешного переноса навыков и умений из устной речи в письменную. Поскольку на сегодняшний день с развитием компьютерной техники роль письменной речи значительно повысилась, а появление электронной почты и сети Internet создали неограниченные возможности для международного общения и информационного обмена, то следует отходить от традиционных форм обучения письменной речи и рассматривать данный вопрос с точки зрения новых подходов.

В настоящее время можно наблюдать весь спектр разнообразных подходов к обучению письму и письменной речи: от полного отказа от письменных форм работы через понимание роли письма только как средства обучения, выполняющего лишь обслуживающую функцию по отношению к другим видам речевой деятельности, до признания правомерности и необходимости обучения письменной форме коммуникации.

Однако в наиболее широком плане все разнообразие подходов к обучению письму и письменной речи можно свести к следующим трем (не считая полного отказа от письменных видов и форм работы, который наблюдался первоначально при устном подходе к обучению иностранного языка):

1) формально-языковой¹: ограниченное использование письма; письмо – «Золушка» других видов речевой деятельности; письмо – средство автоматизации (или контроля) языковых навыков;

2) формально-структурный²: письмо – производство письменного продукта (текста); текст – совокупность основных типов речи (описание, повествование, рассуждение); абзац – основная единица текста;

3) содержательно-смысловой³: свободное творческое письмо; письмо как полноправный вид речевой деятельности и как коммуникативный процесс.

Формально-языковой подход. В основе данного подхода к обучению письму и письменной речи, который пришел на смену полному отрицанию роли письменной речи в обучении иностранному языку, лежит представление лингвистов-структуралистов о языке как о речи, обучение которой (в соответствии с учением бихевиоризма в психологии) есть выработка определенных стереотипов по типу «стимул-реакция». А использование иностранного языка – это способность манипулировать предварительно усвоенными в ходе множественных имитативных упражнений языковыми моделями. В русле данных взглядов на природу языка и обучение ему письменная речь считалась второстепенным видом речевой деятельности, а цели овладения ею не ставились вообще.

Следует, однако, отметить, что впоследствии даже сам Чарльз Фриз, основоположник устных методов обучения иностранному языку, признал необходимость письменной поддержки устного обучения: в своей работе «Teaching and Learning English» он писал, что «... даже письменные упражнения могут быть частью деятельности по овладению иностранной письменной речью»⁴.

Таким образом, на смену полному отрицанию роли письма в овладении иностранным языком пришел подход, согласно которому оно стало играть «обслуживающие» другие виды речевой деятельности роль. Причем, в интерпретации стратегических вопросов обучения письму отечественные и зарубежные методисты были единодушны. По мнению В. Риверс, развитие умений писать может декларироваться как одна из главных целей обучения иностранным языкам⁵ и должно рассматриваться лишь как средство, помогающее овладению другими видами речевой деятельности. А.И. Грузинская назвала «письмо универсальным закрепителем, который лишь способствует лучшему усвоению учебного материала. Последнее происходит, во-первых, благодаря синхронному действию на письмо всех анализаторов, в результате чего в сознании студента создается значительно более полный образ изучаемого явления, а, во-вторых, благодаря уникальной возможности воспринимать написанное не только в процессе письма, но и неограниченное количество раз после записи»⁶.

Именно потому, что письмо стало считаться «служанкой других господ»⁷, главным критерием на письме становится языковая (орфографическая, грамматическая и лексическая) правильность письменной речи, а создаваемый письменный текст является средством языковой практики и представляет собой набор образцов освоенной лексики и синтаксических структур. Основная задача студента, таким образом, состоит лишь в умении корректно оперировать ранее изученным языковым материалом. При этом преподаватель иностранного языка выступает в роли «корректора», а содержательная сторона письма отходит на второй план. Закономерно, что при таком подходе, когда грамматическая и лексическая корректность письменной речи является основным требованием в отношении данного вида речевой деятельности, письменная практика оказывается ограниченной, в основном, жестко управляемыми упражнениями на многократное воспроизведение абзаца по аналогии, подстановку и трансформацию, вопросно-ответные упражнения и диктанты. Что же касается творческих упражнений, предусматривающих выход в письменную речь и обеспечивающих реализацию долгосрочной цели – максимальное приближение иностранного языка к языку его носителей, то рекомендовалось написание коротких сочинений на заданную тему, например, с помощью наводящих вопросов. Однако система творческих заданий в устных методах обучения иностранному языку не получила должного развития, что, впрочем, объясняется теоретическими установками на тренировку как основу формирования речевых навыков.

Может показаться, что письменная практика подобного рода, получившая признание в устных методах обучения иностранному языку, полностью

отошла в прошлое и в настоящее время неактуальна. Однако, как показывает анализ отечественных программ по иностранному языку, она не только присутствует в языковом образовательном контексте, но и является порой доминирующей в обучении письму на иностранном языке на различных уровнях и в различных учебных заведениях.

Формально-структурный подход к обучению письму пришел на смену формально-языковому подходу. Это произошло в силу ряда факторов, главными из которых называются переоценка устной основы обучения иностранному языку и устного опережения. Для методистов стало ясно, что «письмо не справляется даже с отведенной ему служебной ролью»⁸.

Как методисты-практики, так и ученые-исследователи процесса письма пришли к осознанию того, что для реализации эффективного письма требуется нечто большее, нежели просто построение грамматически корректных предложений. Несмотря на то, что, овладевая иностранным языком, студент имеет дело с чисто языковыми явлениями, в процессе письма главным следует считать не языковую компетентность, а специфические письменные речевые умения, письменное речевое поведение, которые и определяют, в конечном счете, умение создавать письменное произведение.

Своеобразный «мостик» от жесткого управляемого формально-грамматического письма к письму содержательному, представляющему коммуникативный процесс, был «перекинут», во-первых, благодаря терминологическому разделению между письмом и письменной речью⁹, во-вторых, благодаря использованию в обучении иноязычному письму данных в области развития письменной речи на родном языке, полученных в зарубежных методических исследованиях¹⁰, а в-третьих, благодаря подключению теории «контрастивной риторики» Роберта Каплана¹¹, которая определяется как способ организации синтаксических единиц в единицы более высокого уровня. А раз это так, то возникла необходимость обеспечить студента такой формой, в рамках которой он и должен осуществлять свою письменную деятельность. Такой письменной формой стали «типы речи» или «письменные формы выражения мысли» и их классификация на описание, повествование, рассуждение. Согласно данной точке зрения, текст любого письменного высказывания представляет собой определенную комбинацию данных форм выражения мысли, а логическое построение данных типов текста стало называться среди основных целей обучения письменной речи. Внимание студентов привлекалось к форме письменного произведения: сначала изучались модельные образцы данного типа текста, а затем, используя полученные представления об особенностях их формы и содержания, студенты писали свои собственные тексты по этой модели.

Методика преподавания иностранных языков в вузе

Типичную последовательность действий по овладению письменной речью в данной концепции можно представить следующим образом:

- 1) изучение текста-образца;
- 2) жестко управляемая письменная практика;
- 3) свободные письменные задания;
- 4) обратная связь (проверка преподавателем);
- 5) работа над ошибками.

Таким образом, письмо представлялось как процесс организации «подстановки» готовых предложений, абзацев в предписанные формы (модели), а обучение письму, следовательно, сводилось к освоению навыков оперирования данными моделями.

Следует добавить, что основное внимание к письменной практике уделялось правилам построения абзаца. Впрочем, предметом обучения были не только структурная организация его элементов (таких, как ключевое и второстепенные предложения, заключительное предложение и т. д.), но и различные варианты его развития (иллюстрация, сравнение, изложение, противопоставление, дефиниция, классификация).

Другим важным моментом, вошедшим в контекст учебной иноязычной письменной деятельности, стало обучение написанию академического эссе, которое, по существу, как подчеркивает Т. Силва представляло собой экстраполяцию принципов построения абзаца на письменные произведения большого объема¹². Предметом обучения, таким образом, становились структурная организация текста типа «эссе» (вступление, основная часть, заключение) и особенности его разновидностей (повествование, описание, рассуждение).

Основными типами заданий становятся имитация и копирование образцов, составление предложений по ключевым словам и небольших отрезков текста (абзац или несколько абзацев) с помощью опор различного рода и выполнение главного письменного задания (например, написать резюме прочитанного произведения). Основными критериями оценки выполненных работ являются грамматическая и орфографическая корректность написанного, а также его соответствие нормам развертывания текста (наличие четкой композиционной линии, главное – второстепенное и др.).

Третьим подходом, характеризующим одно из современных направлений в стратегии и тактике обучения письму и письменной речи можно назвать содержательно-смысловой («коммуникативный», «процессуальный») подход. Появление этого подхода обусловлено новыми данными, полученными в ходе изучения письма профессиональных писателей. В результате таких исследований, сформировалось представление о письме как о процессе более сложном, нежели линейная предписывающая схема «план – черновик – готовое сочинение». Процесс письма стал рассматриваться, прежде всего, как творческий процесс сочинения, как продуктивный нелинейный эксперимен-

тальный процесс, в ходе которого студент формулирует и неоднократно переформулирует, изменяет свою мысль с тем, чтобы наиболее четко донести ее до читателя¹³.

Следовательно, практические занятия по развитию иноязычной письменной речи необходимо строить, моделируя процесс письма опытных писателей. Студенты, так же как и писатели-профессионалы, должны проходить через этапы планирования, организации своей письменной деятельности, этапы непосредственного сочинения и его переработки, редактирования. Последовательность работы над письменным речевым произведением, таким образом, выглядит так: 1) подготовка; 2) написание первого варианта; 3) отзыв преподавателя; 4) пересмотр написанного (написание 2-го варианта – отзыв преподавателя на 2-й вариант); 5) редактирование; 6) оценка.

Если подходить к процессу письма с данных позиций, то можно видеть, что технологически он представляет собой учебную деятельность по типу «творческой лаборатории», где царит дух доброжелательности и поддержки и где сотрудничают преподаватель и студенты¹⁴. При этом главное внимание уделяется передаче содержания; именно оно и определяет ту форму, в которой будет «подан» письменный текст. При такой организации учебного процесса промежуточный черновой вариант, со всем его множеством ошибок, порой оказывается интереснее и ценнее для студента, чем окончательно «отполированный» текст. Вмешательство преподавателя в письменный процесс, таким образом, оказывается максимально ограничено, а его роль сводится к помощи студентам в выработке:

- 1) различных стратегий письма (выбрать тему, отобрать необходимую информацию, разработать план);
- 2) приемов и способов работы над черновиком;
- 3) методики редактирования текста (сократить-расширить, переставить местами и т.д.);
- 4) корректирования (исправление языковых и речестилистических погрешностей).

Следовательно, при содержательно-смысловом подходе к овладению иноязычной письменной речью, который в зарубежной методике преподавания иностранного языка известен как «процессуальный подход» (process approach)¹⁵, центральное место отводится самому пишущему, тому, кто является ключевой фигурой в производстве мысли. Текст рассматривается как вторичное явление, как форма выражения искомого смысла, идей, а читатель и контекст письменной деятельности оказываются не столь важны.

Таким образом, суммируя сказанное выше, можно заключить, что в настоящее время у методиста, ставящего перед собой цель разработки того или иного курса развития иноязычной письменной речи, в арсенале имеется целый спектр разнооб-

разных подходов к обучению письму и письменной речи, которые, что совершенно очевидно, напрямую зависят от существа доминирующего в то или иное время общего подхода к обучению иностранному языку.

В связи с этим может сложиться представление, что в историческом плане данные подходы представляют собой чисто линейную последовательность смены одних подходов другими в зависимости от тех или иных приоритетов в методике преподавания иностранного языка. При этом последние находятся в прямой зависимости от динамики изменений во взглядах на процесс овладения иностранным языком (с «обучения иностранному языку» через «обучение иноязычной речи» к «обучению иноязычному общению»). Однако дело обстоит, конечно, гораздо сложнее, а именно: смена ориентации в обучении письму и письменной речи скорее напоминает развитие по спирали, когда одни подходы, достигнув высшей точки в своем развитии, не отмирают совсем, а в модифицированном виде используются в других. Подтверждением данного положения может служить хотя бы тот факт, что, как показывает анализ учебников и учебных пособий, используемых при обучении иностранному языку в высших учебных заведениях, по крайней мере два из вышеназванных подходов (за исключением процессуального подхода, распространенного, как уже указывалось, в основном, в зарубежной методике преподавания иностранных языков) находят свое место в отечественной практике развития иноязычной письменной речи в настоящее время.

Представляется принципиально важным указать, что, наряду с целым рядом явных достоинств, которыми обладают перечисленные подходы к развитию иноязычной письменной речи, они оказываются недостаточно эффективными для решения современных проблем языкового образования, обусловленных новыми явлениями в отечественном образовательном контексте.

Если к формированию и совершенствованию письменных иноязычных умений подходить с учетом изменений социокультурного контекста изучения и обучения иностранным языкам, а также с учетом современных требований, предъявляемых к уровню сформированности умений писать на иностранном языке, то можно видеть, что рассмотренные подходы оказываются им неадекватны, так как ни один из них не учитывает

– современные требования к уровню владения иноязычной письменной речью, которые подразумевают необходимость соответствия письменных речевых произведений не только нормативным языковым (орфографическим, лексическим, грамматическим, стилистическим), но и коммуникативным и этическим параметрам, несоблюдение которых на письме не позволяет судить о коммуникативной приемлемости и уместности письменной речи, необходимости развития не только язы-

ковой и речевой, но и социокультурной компетенции иноязычной письменной речи, которая требуется для корректной интерпретации на письме национально-специфической информации и для написания национально-специфических типов письменного текста;

– специфики письменной коммуникации, протекающей в условиях межкультурного общения, функциональных факторов письменного иноязычного общения (ситуация письменной деятельности, отправитель и адресат письменной речи и их актуальные взаимоотношения, характер целей письменной коммуникации), которые также важны для осуществления эффективной коммуникации на письме.

Поскольку особенностью современного этапа развития образования является требование к интеграции различных составляющих целей образования для достижения пяти базовых компетенций (социально-политическая компетенция или готовность к решению проблем, информационная, коммуникативная, социокультурная, готовность к образованию через всю жизнь), которые в совокупности обеспечивают готовность выпускников различных учебных заведений к адаптации и реализации в условиях рынка труда современного информационного общества¹⁶, то правомерно говорить о компетентном подходе в современном иноязычном образовании, в целом, и к обучению письменной речи, в частности¹⁷. Компетентный подход в современном иноязычном образовании:

- 1) появился и развивается как альтернатива традиционно формируемому и мало пригодным для реальной жизни заученным знаниям, даже если эти знания закрепить в виде умений и навыков;
- 2) приходит в современных условиях на смену традиционным знаниям, умениям и навыкам;
- 3) обеспечивает студентов полезными знаниями, необходимыми для уверенного и успешного достижения целей в реальных жизненных условиях, в случае его успешной реализации¹⁸.

Компетентный подход в иноязычном образовании основывается на ряде принципов: а) коммуникативно-когнитивной направленности, б) контрастности, в) личностной направленности, г) рефлексии.

Коммуникативность проявляется в том, что, во-первых, учебный процесс предусматривает овладение коммуникативными умениями создания письменных текстов, способных функционировать в качестве средства общения в актуальных для данного контингента обучаемых сферах; во-вторых, в учебном процессе учитываются коммуникативные потребности обучаемых; в третьих, языковой материал изучается в соответствии с его коммуникативными функциями.

Особое значение имеет когнитивная направленность обучения, проявляющаяся в том, что в учебном процессе важную роль играет познава-

Методика преподавания иностранных языков в вузе

тельная деятельность студентов, развитие их творческого мышления.

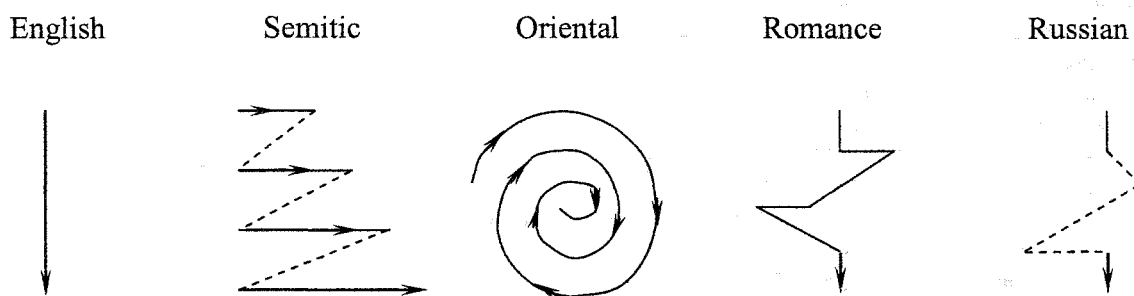
Принцип контрастивности предусматривает наличие контрастивного анализа языковых явлений двух языков. Сформированная письменная речь на родном языке не означает наличие коммуникативных умений в данном виде речевой деятельности на иностранном языке. Подтверждением тому может служить контрастивная риторика Р. Каплана *Patterns of Written Discourse*¹⁹, представляющая письменный дискурс в различных языках (см. рисунок).

И хотя данный взгляд носит дискуссионный характер, несомненно одно: письменный дискурс английского и русского языков не одинаков.

Принцип личностной направленности предусматривает общекультурное развитие личности. При поэтапном формировании коммуникативной компетенции в письменной речи необходимо при-

Постоянно контролируя свои речевые действия, студенты постепенно овладевают способностью порождать иноязычное письменное речевое произведение самостоятельно, без использования вспомогательных языковых, речевых и наглядных средств. Постепенно преподавателю не нужно каждый раз предъявлять внешний образец, так как студенты сами могут воспроизвести письменные речевые действия.

В рамках компетентностного подхода в иноязычном образовании мы рассматриваем следующие компетенции²⁰: предметная, коммуникативная, деятельностная, развивающая. Ведущей компетенцией является коммуникативная компетенция. Основными компонентами коммуникативной компетенции, исследованными и описанными учеными²¹ являются лингвистический, дискурсивный, прагматический, стратегический и социокультурный (см. таблицу).

Письменный дискурс в различных языках

Компоненты коммуникативной компетенции при обучении письменной речи

Коммуникативная компетенция				
лингвистическая	дискурсивная	прагматическая	стратегическая	социокультурная
Языковые знания	Владение различными типами дискурса	Достижение коммуникативной цели	Осознание процесса создания письменного речевого произведения, преодоление коммуникативных неудач	Владение нормами поведения

нимать во внимание индивидуальные способности студентов по критерию продуктивности / репродуктивности, учитывать разные уровни интеллектуальной активности студентов. Учет данных критериев находит выражение в допустимости разноразличной сформированности коммуникативной компетенции в письменной речи.

Рефлексия связана с такими компонентами письма, как контроль, анализ, самоконтроль. В процессе создания письменного речевого произведения студенты реализуют определенную программу порождения высказывания, заданную ситуацией письменного общения. При программировании и создании письменного речевого произведения, они постоянно осуществляют контроль своих действий во внутренней речи и внешнем оформлении письменного высказывания.

Все компоненты коммуникативной компетенции в письменной речи формируются в процессе целенаправленной учебной деятельности. С целью обучения созданию письменных текстов, служащих средством общения, на факультете лингвистики разработано, опробовано и предложено к использованию соответствующее учебное пособие с комплексом упражнений.

¹ Грузинская И.А. Методика преподавания английского языка. М.: Учпедгиз, 1974. Fries Ch. Teaching and Learning English as a Second Language. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1945. Rivers W. A practical guide to the teaching of English as a second language. New York, 1978. P. 230.

² Колкер Я.М. Практическая методика обучения иностранному языку: Учеб. пособие для филол. специальностей

высш. пед. учеб. Заведений / Я.М. Колкер, Е.С. Устинова, Т.М. Еналиева. М.: Академия, 2000. С. 258.

³ Grabe W. and Kaplan R.B. Theory and Practice of Writing: An applied linguistic perspective. London and New York: Longman, 1996.

Silva T. Second Language Composition Instruction: Development, issues and directions in ESL // Second Language Writing: Research insights for the classroom / Ed. By Barbara Kroll. Cambridge: CUP, 1993. Pp. 11–23.

Zamel Vivian. In Search of the Key: Research and practice in composition // On TESOL'83 / Ed. By J. Handscombe, R.A. Orem and B.P. Taylor. Washington, D.C.: TESOL, 1984. Pp. 195–207.

⁴ Fries Ch. Цит. соч.

⁵ Rivers W. Цит. соч.

⁶ Грузинская И.А. Цит. соч.

⁷ Rivers W. Цит. соч.

⁸ Пайвина М.Д. Письмо как средство обучения иностранному языку в средней школе: Дис. канд. пед. наук. М., 1983. С. 22.

⁹ Ван-Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1979. С. 312.

Долгина О.А. Взаимодействие устной и письменной речи в процессе комплексного овладения иноязычной речевой деятельностью // Обучение устной речи в языковом вузе: Межвуз. сб. науч. тр. Л.: Изд-во ЛГПУ им. А.И. Герцена, 1983. С. 2–9.

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: УРСС, 2003. С. 307

¹⁰ Zamel Vivian. Цит. соч. Raims Ann. Out of the woods: Emerging traditions in the teaching of writing. TESOL Quarterly 25 (3). Pp. 407–430.

¹¹ Grabe W. Kaplan R.B. Цит. соч.

¹² Silva T. Цит. соч.

¹³ Zamel Vivian. Цит. соч.

¹⁴ Silva T. Цит. соч.

¹⁵ Brown H. D. Principles of Language Learning and Teaching. Eglewood Cliffs: Prentice Hall Regents, 1987. P. 467.

¹⁶ Соловова Е.Н. ELT NEWS @ VIEWS, The Russian magazine for English language teachers, #2 (27). August 2003, Динтернал International Book Distribution. С. 2–11. Соловова Е.Н. Методическая подготовка и переподготовка учителя иностранного языка. М.: Изд-во Глосса-Пресс, 2004. С. 336.

¹⁷ Мильруд Р.П. Компетентность и иноязычное образование. Сборник научных статей. Таганрог, 2004. С. 65–79.

¹⁸ Norris, N.1991. The trouble with competence. Cambridge journal of Education. Vol. 21/3: 331–224.

¹⁹ Grabe W. Kaplan R.B. Цит. соч.

²⁰ Мильруд Р.П. Цит. соч.

²¹ Canale M. Theoretical bases of Communicative approaches to second language teaching and testing // Applied Linguistics. London, 1980 №1. P. 1–47.

Hymes D. On Communicative Competence. University of Pensilvania Press, 1971. P. 125.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНИКА

Т.Н. Хомутова

В статье освещаются вопросы теории и практики создания учебных материалов по теоретической грамматике английского языка: анализируется современное состояние проблемы, приводятся принципы методической концепции современного учебника теоретической грамматики английского языка, рассматривается структура и содержание созданного автором статьи учебника по теоретической грамматике английского языка, предлагается комплекс учебно-методических материалов по теоретической грамматике английского языка.

Вопросы теоретической грамматики всегда находились в центре внимания ученых-лингвистов. Это обусловлено тем, что грамматика является неотъемлемой частью изучения любого языка, его основой. На важность изучения теоретической грамматики указывает и то, что дисциплина «Теоретическая грамматика» входит в федеральный компонент цикла общепрофессиональных дисциплин государственных образовательных стандартов по направлениям 031100/520500 «Лингвистика»¹ и 031200/620100 «Лингвистика и межкультурная коммуникация»², а также в цикл дисциплин профессиональной подготовки государственного образовательного стандарта по направлению 050300/540300 «Филологическое образование»³.

Как известно, представления о грамматике менялись на протяжении всей истории развития науки о языке. В древности грамматику понимали широко как филологию, включая в нее изучение не только языков, но и литературы. Существует трактовка грамматики как лингвистики. В таком понимании грамматика включает в себя, помимо собственно грамматики, лексикологию и фонологию. Для современной науки о языке характерно представление о грамматике как о части лингвистики. В такой трактовке грамматика – наука, которая изучает грамматический строй языка, его структуру и механизмы функционирования.

Понятие грамматики неоднородно. Существует грамматика теоретическая и практическая. Отличие практической грамматики от теоретического курса грамматики заключается в том, что практическая грамматика – это грамматика нормативная. Она устанавливает определенные правила употребления языковых единиц, учит правильно говорить и писать. Теоретическая грамматика не носит нормативного характера. Это аналитический тип грамматики. Теоретическая грамматика излагает различные точки зрения на языковые явления, структуру и механизмы функционирования языка, анализирует и оценивает их, но не дает никаких предписаний.

Чтобы дать научное обоснование языковой структуры, понять механизмы функционирования

языка, необходимо рассматривать грамматику в тесной взаимосвязи с другими науками, такими как общее языкознание, логика, философия, психология, история языка, фонология, лексикология, фразеология, стилистика, анализ текста/дискурса и др. Именно поэтому курс теоретической грамматики считается кульминацией общей и частной лингвистик, одним из самых сложных курсов частной лингвистики, который базируется на компетенциях, полученных студентами в ходе изучения всех предыдущих дисциплин.

Постоянное развитие смежных наук, проникновение ученых в глубины лингвистики с неизбежностью приводят к необходимости уточнения и развития теоретической грамматики, отказа от одних положений, пересмотра других, открытия новых грамматических горизонтов.

Современной лингвистикой накоплен большой теоретический и практический материал в области грамматики английского языка. Однако в силу прагматизации всей нашей жизни большее внимание и в науке уделяется практическому аспекту грамматики в ущерб теоретическому. К сожалению, пока не хватает современных учебников, которые бы суммировали и обобщали научные достижения отечественных и зарубежных ученых, кратко и системно излагали бы содержание дисциплины «Теоретическая грамматика» в соответствии с требованиями государственных образовательных стандартов по направлениям 031100/520500 «Лингвистика», 031200/620100 «Лингвистика и межкультурная коммуникация» и 050300/540300 «Филологическое образование».

Из доступных учебников можно назвать лишь учебник М.Я. Блоха⁴, фундаментальный труд, который представляет собой оригинальную концепцию автора, и новый интересный учебник А.А. Худякова⁵, который, главным образом, ориентирован на синтаксис. Фундаментальные учебники Б.А. Ильиша⁶, А.И. Смирницкого⁷, Л.С. Бархударова⁸, И.П. Ивановой, В.В. Бурлаковой, Г.Г. Почепцова⁹ давно не переиздавались и являются раритетами. Кроме того, в силу давности издания в этих учебни-

ках отсутствует информация о современном состоянии теоретической грамматики, в частности нет разделов по теории текста и дискурса, а количество часов, отводимых на изучение материала, значительно превышает современные нормативы.

Все вышеизложенное свидетельствует об актуальности создания современного учебника по теоретической грамматике английского языка, отражающего современное состояние дисциплины и, вместе с тем, ориентированного на требования государственных стандартов. Автором настоящей статьи была предпринята попытка написания такого учебника¹⁰.

В основу предлагаемого курса теоретической грамматики английского языка положены лекции, которые читались автором в течение десяти последних лет на факультете лингвистики Южно-Уральского государственного университета, факультете лингвистики и перевода Челябинского государственного университета и факультете иностранных языков Челябинского государственного педагогического университета.

Учебник адресован студентам старших курсов языковых факультетов вузов, обучающихся по направлениям 031100/520500 «Лингвистика», 031200/620100 «Лингвистика и межкультурная коммуникация» и 050300/540300 «Филологическое образование».

В учебнике систематизированы общие проблемы теоретической грамматики: место грамматики в языковой системе, уровни грамматического описания языка и речи, основные единицы и категории грамматики, грамматическая структура, грамматическое значение и грамматические функции языковых единиц. Рассматриваются специфические свойства, закономерности функционирования и лингвистические методы исследования грамматического строя современного английского языка в свете последних достижений отечественной и зарубежной лингвистики.

Курс рассчитан на 148 часов, из которых 60 часов отводится на аудиторную, а 88 часов на самостоятельную работу. Аудиторные часы распределяются следующим образом: 34 часа – лекции, 22 часа – семинары, 4 часа – практикум (тесты). Таким образом соблюдается принцип активности обучения через активизацию познавательной деятельности и развитие самостоятельной работы студентов.

В соответствии с требованиями государственных образовательных стандартов в обязательный минимум содержания образовательных программ по указанным направлениям должно входить следующее.

Периодизация грамматического описания иностранного языка. Донормативные и нормативные грамматики. Традиционная грамматика иностранного языка.

Грамматический строй изучаемого языка. Основные разделы грамматики – морфология и синтаксис, их соотношение. Методы описания

грамматического строя. Понятие ядра и периферии в языке.

Морфология. Основные единицы морфологического уровня: словоформа, морфема. Особенности морфематики изучаемого языка.

Части речи, их классификация. Грамматические категории частей речи.

Синтаксис. Основные единицы синтаксического уровня: словосочетание, предложение.

Простое предложение. Главные и второстепенные члены предложения. Синтагматические и парадигматические связи. Порядок слов. Моделирование простого предложения. Коммуникативное членение предложения. Прагматические типы предложений.

Сложносочиненное и сложноподчиненное предложения. Их классификация.

Текст, его единицы: высказывание, сверхфразовое единство. Семантическая, структурная и коммуникативная целостность текста. Категории текста. Категория дискурса.

В настоящем учебнике находят освещение все перечисленные темы. Соблюдение требований государственных образовательных стандартов с неизбежностью вызывает необходимость следовать методическим принципам отбора содержания, тематичности изложения материала и информативности.

В силу поставленных целей краткости и сжатости учебник не претендует на полноту описания материала. В частности, из частей речи представлены только имя существительное и глагол как наиболее интересные в морфологическом отношении. Вместе с тем, вопросам текста и дискурса, представляющим интерес на современном этапе развития лингвистики, уделяется весьма пристальное внимание.

Методическая концепция учебника четко ориентирована на «Требования к профессиональной подготовленности бакалавра/специалиста», изложенные в государственных образовательных стандартах¹¹. В соответствии с этими требованиями выпускник должен:

- обладать высоким уровнем развития теоретического мышления, способностью соотнести понятийный аппарат изученных дисциплин с реальными фактами и явлениями профессиональной деятельности, умением творчески использовать теоретические положения для решения профессиональных практических задач;

- владеть системой представлений о связи языка, истории и культуры народа, о функционировании и месте культуры в обществе, национально-культурной специфике стран изучаемого языка и своей страны;

- владеть системой представлений о языковой системе как целостном, исторически сложившемся функциональном образовании, социальной природе языка, роли языка в жизни общества;

- практически владеть системой изучаемых иностранных языков и принципами ее функциони-

Методика преподавания иностранных языков в вузе

рования применительно к различным сферам речевой коммуникации, понимать особенности межличностной и массовой коммуникации, речевого воздействия;

- владеть основными методами научных исследований в области филологического образования;
- участвовать в исследованиях по проблемам развития филологического образования;
- решать учебные, воспитательные и образовательные задачи, возникающие в образовательном процессе.

Настоящий курс теоретической грамматики английского языка базируется на принципе коммуникативной направленности обучения и ставит своей целью не только системное описание грамматического строя современного английского языка, но и развитие, и расширение коммуникативной компетенции студентов, в том числе умений критического мышления. Учебник направлен на развитие творческого научного мышления студентов, развитие и расширение умений извлекать и усваивать научную информацию, самостоятельно наблюдать и анализировать языковые процессы и явления на основе полученных знаний с целью дальнейшего применения этих умений на практике.

Теоретическая грамматика предполагает высокий уровень абстрактного научного мышления, владение базовыми умениями критического мышления.

Существуют различные таксономии уровней и умений критического мышления: от трех до пятнадцати уровней, которые включают до 35 умений. В качестве иллюстрации приводится таксономия когнитивных уровней и умений критического мышления Б. Блума¹².

Уровень знания – на этом уровне студентов просят заучить, запомнить и вспомнить ранее изученный материал. Самые распространенные умения этого уровня: define, list, identify, name, recall, record, recite, reproduce, etc.

Уровень понимания – на этом уровне студенты должны продемонстрировать умение понять содержание изученного материала и выразить его своими словами. Самые распространенные умения этого уровня: explain, describe, summarize, give examples, classify, retell, rewrite, etc.

Уровень применения – на этом уровне студенты используют изученный материал в ситуациях отличных от учебной. Наиболее распространенные умения этого уровня: apply, discuss, interview, investigate, perform, present, prove, use, etc.

Уровень анализа – на этом уровне студенты должны уметь разбивать материал на составные части, видеть и понимать организацию и взаимосвязь частей и целого. Самые распространенные умения: compare and contrast, debate, determine, draw conclusions, examine, infer, sort, etc.

Уровень синтеза – на этом уровне студенты должны уметь из отдельных частей построить це-

лое. Наиболее распространенные умения: combine, create, imagine, make up, propose, etc.

Уровень оценки – на этом уровне студенты должны уметь дать правильную оценку материала для достижения поставленной цели. Оценка должна базироваться на четких критериях, которые можно защитить или подтвердить. Наиболее распространенные умения: assess, criticize, defend, evaluate, grade, judge, recommend, test, validate, verify, etc.

Все перечисленные умения развивает предлагаемый курс теоретической грамматики английского языка, что находит свое подтверждение не только в манере изложения материала, но и в вопросах и заданиях для самоконтроля.

Структура учебника следующая: предисловие, введение, основной курс из семнадцати лекций, заключение, библиографический список и список рекомендуемой литературы.

Предисловие дает характеристику курса лекций и методические рекомендации по его использованию.

Во введении отражены основные характеристики дисциплины, раскрыта логика ее построения, связь с другими теоретическими и практическими дисциплинами, перспективы использования в профессиональной деятельности.

В основной части, состоящей из семнадцати лекций, нашли отражение все дидактические единицы обязательного минимума содержания основной образовательной программы подготовки. Все лекции логически связаны. Каждая лекция начинается с введения в проблему, в котором устанавливается связь с предыдущим материалом и даются необходимые сведения для основной части, затем следует основная часть, завершается лекция выводами и вопросами с заданиями для самоконтроля, направленными на развитие у студентов профессиональной и прагматической коммуникативной компетенции. Все лекции четко структурированы, соблюдается деление на разделы и подразделы, имеются таблицы и графический материал. Таким образом, принципы преемственности и наглядности, наряду с другими, играют важную роль в методической концепции учебника.

Заключение содержит краткие выводы по курсу, а также намечает перспективы дальнейших исследований в области теоретической грамматики английского языка.

Библиографический список насчитывает 212 названий, список рекомендуемой литературы – 21 название.

При работе над курсом широко использовались классические и современные источники отечественных и зарубежных ученых, а также собственные исследования автора. Таким образом сохранялась преемственность в изложении материала.

На протяжении всего курса применяется единый постсоюррианский семиотический подход, рассматривающий язык как систему знаков, обладающих формой, значением и функцией.

Концепция автора не всегда совпадает с общепринятой. Ряд положений являются новыми. Это относится, в частности, к пятичленной классификации сложных предложений в соответствии с типом синтаксической связи (сложносочиненные, сложноподчиненные, сложные с взаимозависимыми предложениями, сложные с кумулятивными предложениями), выделению внутренних и внешних функций предложения (функции членов предложения и функции самих предложений), разделению функционального аспекта предложения на актуальный (тема-рема членов предложения) и прагматический (коммуникативные типы предложений), выделению трех групп глагольных категорий (временные, субъективные, субъектные), отнесению категорий времени, вида и фазы к временным, трактовке вопроса о соотношении модальности и наклонения, трехчленному строению грамматики (морфология – синтаксис – текст/дискурс) и ряду других. В таких случаях дается обоснование авторской точки зрения.

Учебник написан на английском языке и прошел редактирование носителя языка. Это обусловлено тем, что он адресован студентам-лингвистам, для которых английский язык является основой профессиональной деятельности. Одной из целей учебника является развитие коммуникативной компетенции студентов на английском языке, в том числе знакомство студентов с терминологическим аппаратом теоретической грамматики на английском языке как языке межкультурного общения. Принципы адресного отбора содержания и коммуникативной направленности играют немаловажную роль в методической концепции учебника.

В целом, методическая концепция нашего учебника по теоретической грамматике английского языка исходит из современного личностно-ориентированного подхода к обучению и базируется на следующих основных принципах: системность, преемственность, информативность, адресный отбор содержания, тематичность, наглядность, коммуникативная направленность, активизация познавательной деятельности и развитие самостоятельной работы.

Учебник получил гриф УМО по направлениям педагогического образования (РГПУ им. А.И. Герцена) и допущен в качестве учебного пособия для студентов направления 050300/540300 «Филологическое образование».

Учебник является частью учебно-методического комплекса по теоретической грамматике английского языка, в который кроме него входят программа и планы семинарских занятий¹³, а также практикум¹⁴ по указанной дисциплине. Все части учебно-методического комплекса содержательно взаимосвязаны и подчинены общей цели ознакомить студентов с современными представлениями о грамматическом строе английского языка, закономерностями его функционирования и лингвистическими методами его исследования, развить

и расширить коммуникативную компетенцию студентов, а именно ее профессиональную и прагматическую составляющие.

Программа и планы семинарских занятий включают в себя тематическую программу и календарный план дисциплины, планы семинарских занятий на английском языке с рекомендуемой литературой и темами докладов, библиографический список основной и дополнительной литературы, а также список экзаменационных вопросов к данному курсу.

Практикум по теоретической грамматике английского языка является практическим приложением курса теоретической грамматики и представляет собой сборник практических заданий, направленных на формирование умений самостоятельно извлекать и усваивать научную информацию, самостоятельно наблюдать и анализировать языковые процессы, делать выводы и обобщения, самостоятельно ставить исследовательские задачи и находить адекватные методы их решения. Практические задания тематически структурированы в соответствии с программой и планами семинарских занятий по теоретической грамматике английского языка. Все задания снабжены ключами, которые помогут студентам самостоятельно освоить изучаемый материал.

Настоящий учебно-методический комплекс, на наш взгляд, поможет студентам не только освоить курс теоретической грамматики английского языка, но и расширить свои коммуникативные компетенции, что, в свою очередь, позволит добиться успеха в межкультурной коммуникации и в самой жизни.

¹ Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Направление подготовки 520500 – Лингвистика. Степень – бакалавр лингвистики. М., 2000.

² Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Направление подготовки дипломированных специалистов 620100 – Лингвистика и межкультурная коммуникация. М., 2000.

³ Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Направление подготовки 540300 – Филологическое образование. Степень – бакалавр филологического образования. М., 2005.

⁴ Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка. М., 2000.

⁵ Худяков А.А. Теоретическая грамматика английского языка. М., 2005.

⁶ Ильиш Б.А. Строй современного английского языка: Учебник по курсу теоретической грамматики для студентов педагогических институтов (на английском языке). Л., 1971.

⁷ Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М., 1957. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959.

⁸ Бархударов Л.С. Структура простого предложения современного английского языка. М., 1966. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка. М., 1975.

⁹ Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981.

¹⁰ Хомутова Т.Н. Теоретическая грамматика английского языка: Курс лекций. Учебник для студентов-лингвистов (на английском языке). Челябинск: Издательство ЮУрГУ, 2006.

¹¹ Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Направление подготовки 520500 – Лингвистика. Степень – бакалавр лингвистики. М., 2000. С. 17. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Направление подготовки дипломированных

специалистов 620100 – Лингвистика и межкультурная коммуникация. М., 2000. С. 28. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Направление подготовки 540300 – Филологическое образование. Степень – бакалавр филологического образования. М., 2005. С. 60.

¹² Bloom B. (Ed.). A taxonomy of educational objectives. Handbook I: Cognitive domain. New York: McKay, 1956.

¹³ Хомутова Т.Н. Теоретическая грамматика английского языка: Программа и планы семинарских занятий для студентов факультета лингвистики. Челябинск, 2003.

¹⁴ Хомутова Т.Н. Практикум по теоретической грамматике английского языка. Челябинск, 2003.

ФРАЗЕОЛОГИЯ

УДК 801.318

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЗАГОЛОВКАХ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ

А.Р. Залялеева

В современной фразеологии уделяется большое внимание изучению функционирования фразеологических единиц (ФЕ) в различных видах текстов, но ФЕ рассматривается в основном в вербальном контексте. Нами предпринято исследование функционирования фразеологических единиц в заголовках креолизованных текстов современной англоязычной и русскоязычной прессы. Основываясь на типах связности вербального и иконического компонентов, предложенных Е.Е. Анисимовой, в нашем материале мы выделили 5 типов взаимосвязи между компонентами креолизованного текста современной англоязычной и русскоязычной прессы. В некоторых типах креолизованных текстов иконический компонент выступает в роли фразеологического актуализатора.

Паралингвистические или невербальные средства письменной коммуникации имеют высокий информационный и прагматический потенциал. В большинстве случаев он превышает потенциал вербальных средств. Именно поэтому креолизованные или полимодальные тексты привлекают все больше внимания со стороны лингвистов. В современной фразеологии уделяется большое внимание изучению функционирования ФЕ в различных видах текстов, но ФЕ рассматривается в основном в вербальном контексте. Нами предпринято исследование функционирования фразеологических единиц в заголовках креолизованных текстов современной англоязычной и русскоязычной прессы. Материал исследования был отобран из еженедельных журналов «Профиль» и «Ньюзвик» за 2005–2006 гг.

Понятие креолизованного текста впервые вводят Ю.А. Сорокин и Е.Ф. Тарасов, который они определяют следующим образом: «Креолизованные тексты – это тексты, фактура которых состоит из двух негетерогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)»¹. Е.Е. Анисимова выделяет два типа креолизованных текстов по степени связности между компонентами: тексты с частичной креолизацией и тексты с полной креолизацией. В первых между вербальными и иконическими компонентами устанавливаются автосемантические отношения, при которых вербальная часть относительно автономна от изобразительной, изображение является при этом факультативным элементом текста. Данный вид креолизованных текстов встречается прежде всего в

газетно-публицистической, научно-популярной, эстетической сферах общения. В текстах с полной креолизацией вербальный компонент зависит от иконического компонента, изображение выступает в качестве облигаторного элемента текста, без которого он утрачивает свою текстуальность². В нашем исследовании мы рассматриваем журнальные статьи, которые являются текстами с частичной креолизацией. Несмотря на факультативный характер изобразительного элемента, он играет очень важную роль привлечения внимания читателя к статье. Чем более адекватно подобран иконический элемент, тем большую информацию получит читатель о статье, и тем больше вероятность, что он прочтает ее.

При выборе статьи для чтения читатель, прежде всего, обращает внимание на иллюстрацию и заголовок, поэтому для проведения анализа нам необходимо подразделить креолизованный текст современной прессы на три компонента: иконический компонент (картинка или фотография), вербальный компонент, который в свою очередь подразделяется на заголовок и текст статьи. Наша цель – анализ связи иконического элемента креолизованного текста, фразеологической единицы в заголовке или подзаголовке статьи и содержания статьи.

Е.Е. Анисимова выделяет два типа связности вербального и иконического компонентов. В первом типе между вербальными и иконическими знаками существует прямая денотативная соотнесенность: знаки обоих кодов обозначают одни и те же предметы/предметные ситуации объективного мира. Во втором типе между вербальными и икониче-

скими знаками существует опосредованная денотативная соотносительность, при которой знаки обоих кодов обозначают разные предметы/предметные ситуации объективного мира связанные между собой: а) тематически или б) ассоциативно³. Основываясь на предложенных типах, в нашем материале мы выделили 5 типов взаимосвязи между компонентами креолизованного текста современной англоязычной и русскоязычной прессы.

1. Иконический элемент иллюстрирует содержание статьи, но не имеет прямой денотативной соотносительности со значением ФЕ в заголовке. Между иконическим элементом и заголовком есть ассоциативные связи. Рассмотрим пример, в заголовке которого используется трансформированная пословица «Копейка доллар бережет», образованная от пословицы *Копейка рубль бережет* путем замены компонента *рубль* на *доллар*. А. Барановский рассказывает в своей статье о российском нумизматическом рынке и делает вывод, что вкладывать деньги в нумизматические коллекции гораздо выгоднее, чем в золото или бриллианты (Экспресс, №2, 2006). Статья иллюстрируется фотографией аукционного зала (рис. 1), т.е. иконический элемент не имеет прямой связи с ФЕ в заголовке. Мы можем проследить ассоциативные связи, так как аукцион связан с деньгами, а в пословице, используемой в заголовке, говорится о деньгах.

Рис. 1

В статье Дж.Вейрфритца «Rocking the Boat» «Раскачивая лодку» (Ньюзвик, 5 янв., 2005) рассказывается о политической ситуации на Тайване. Китайские официальные лица обвиняют тайваньского президента Чен Шубина в том, что он поддерживает выступления против объединения с Китаем. ФЕ *to rock the boat* означает «нарушать равновесие, ставить под удар, подвергать опасности, создавать опасное положение» и является подходящим заголовком. Статья иллюстрируется фотографиями президента Чен Шубина и тайваньцев (рис. 2), принимающих участие в демонстрации. В этом примере мы тоже можем проследить ассоциативные связи между значением ФЕ в

заголовке «создавать опасное положение, ставить под удар» и фотографией, запечатлевшей демонстрацию, представляющую угрозу грядущему объединению.

Рис. 2

2. Образ, создаваемый иконическим элементом, представляет собой прототип ФЕ в заголовке. Между вербальным и иконическим знаками существует прямая денотативная соотносительность. Например, в статье «Выжать все соки» (Профиль, №8, 2006) Е. Костюк рассказывает о слухах по поводу возможных сделок по слиянию и поглощению на российском рынке соков. ФЕ *выжать соки* как нельзя лучше подходит для заголовка данной статьи. В контексте обсуждаемых проблем актуализируются прямое и переносное значение ФЕ, так как в статье рассказывается о сокопромышленности, где *выжимают соки* в прямом смысле, и о том, как более крупные компании, поглощающие более мелкие, используют все их ресурсы, т.е. *выжимают из них соки* в переносном значении. Фотография (рис. 3) изображает прототип ФЕ, так как на ней рука выжимает сок из апельсина в стакан.

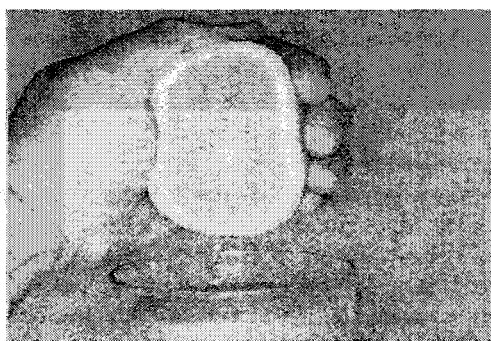

Рис. 3

Исследуя функционирование ФЕ в художественных произведениях и давая определение термину контекст, А.В. Кунин выделяет важную составную часть фразеологического контекста – фразеологический актуализатор. Под фразеологическим актуализатором он понимает «слово, словосочетание, предложение или группу предложений, семантически связанные с употребляющимися в данных контекстах фразеологизмами, вводящие их в речь при узуальном или окказиональном использовании. Контекст определяется, как «отрезок текста, вычлняемый и объединенный языковой единицей или речевой единицей, могущей пе-

рейти в языковую, которые детерминированы актуализатором при узуальном или окказиональном использовании»⁴. В отношении к креолизованным текстам термин фразеологический актуализатор может быть применен к иконическому элементу. Так в приведенном выше примере, образ, созданный иконическим элементом, – рука, выжимающая сок, представляет собой визуализацию прототипа ФЕ. Наш материал показывает, что иконический элемент в качестве актуализатора фразеологического значения может использоваться только для ФЕ с живой внутренней формой.

Рассмотрим в качестве англоязычного примера статью Р. Вольфф «Picking his Pockets» «Запускание руки в его карманы» (Ньюзвик, 13 фев., 2006). В ней рассказывается о соратниках Буша, и о том, как они помогали ему в выборах 2004 года. Сейчас некоторые из них пытаются нанять людей, работавших для Буша, для себя, тем самым, по мнению автора статьи, ослабляя его позиции на выборах в 2008 году. Значение ФЕ *to pick one's pockets* «щипать чьи-то карманы, запускать руки в чьи-то карманы, воровать что-то из карманов человека, таким образом, чтобы он ничего не заметил». Значение ФЕ расширяется, так как «воруются» не деньги, а люди. На иллюстрации (рис. 4) изображен Буш и его сторонники, вытаскивающие людей из его карманов. Иконический элемент визуализирует не только значение ФЕ в заголовке, но и ФЕ *to be in smb's pocket* «быть в руках у кого-либо, иметь влияние на кого-либо, или иметь власть над кем-либо». Таким образом, иллюстрация визуализирует прототип ФЕ в заголовке и является ее фразеологическим актуализатором.

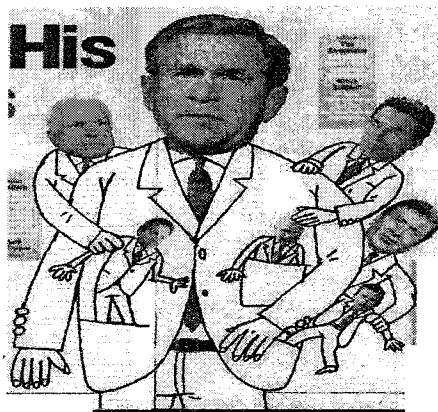

Рис. 4

3. Иконический элемент визуализирует значение трансформированного компонента ФЕ в заголовке. Между вербальным и иконическим знаками существует прямая денотативная соотнесенность. В статьях на политическую тему иконический элемент часто представляет собой фотографию политических деятелей. Так статья В. Рудакова «Гора пришла к Магомедову» (Профиль, №27, 2005) иллюстрируется фотографией (рис. 5), на которой В. Путин пожимает руку пред-

седателю Госсовета республики Дагестан Магомедом Магомедову. В статье говорится о том, что руководство республики утратило поддержку широких слоев населения, и что не исключен распад Дагестана. В связи с такой ситуацией обсуждаются возможные пути укрепления российских позиций в этом регионе, и делается предположение, что возможно первым шагом будут переговоры с М. Магомедовым. В названии статьи используется усеченный вариант пословицы *Если Магомед не идет к горе, то гора идет к Магомеду*, замене подвергается элемент *Магомед*, который меняется на фамилию, образованную от этого имени, председателя Госсовета республики Дагестан *Магомедов*. Иконический элемент играет важную роль в понимании заголовка, читатель проводит параллель Магомедов – *Магомед*, Путин – *гора*, а значение пословицы подсказывает о наличии проблемы, которую необходимо решить российскому президенту. В данном примере иконический элемент визуализирует компонент, подвергшийся замене, и играет основную роль в актуализации фразеологического значения трансформированной ФЕ, используемой в заголовке.

Рис. 5

В статье К. Кроватин «Ten Eco-Friendly Companies» «Десять экологических компаний» (Ньюзвик, 5 дек., 2005) рассказывается о проектах по использованию альтернативных видов энергии. Часть статьи, посвященная компании Фарсайтид Групп, называется «A Great Wall of Wind» «Великая Ветряная Стена». Компания Фарсайтид Групп использует местные технологии для того, чтобы построить самый большой в мире рынок потребления ветряной энергии. Согласно отчету Китайской ассоциации предприятий, использующих альтернативные виды энергии, опубликованному в ноябре, к 2020 году ожидается, что в Китае будет вырабатываться 40 гигаватт электричества при использовании энергии ветра. Благодаря этому, эта страна станет самым большим поставщиком на глобальном рынке. Статья иллюстрируется фотографией (рис. 6) одной большой ветряной турбины на переднем плане и стеной турбин на заднем плане. Таким образом, визуализируется «ветряная

Фразеология

стена». В подзаголовке статьи используется трансформированная ФЕ *great wall of China* «великая китайская стена», в которой компонент *china* «китайская» заменен на *wind* «ветряная». Иконический элемент иллюстрирует замененный компонент ФЕ в подзаголовке.

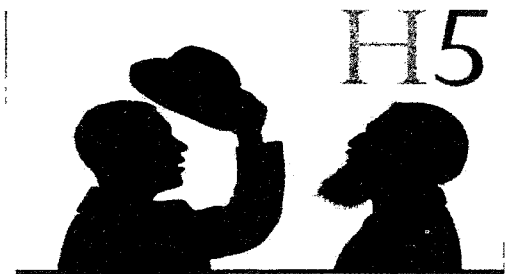

Рис. 6

4. Иконический элемент представляет собой визуальный образ, являющийся прототипом ФЕ, подвергшейся трансформации. Между вербальными и иконическими знаками существует опосредованная денотативная соотносительность и ассоциативные связи. В газете «Известия» (№17, 2006) в названии статьи В.Серебрякова «Когда старый тариф лучше новых двух» используется пословица *Когда старый друг лучше новых двух*, в которой компонент *друг* заменяется на компонент *тариф*. В статье речь идет о том, что в последнее время все чаще появляются новые тарифы, но на самом деле цены не снижаются, а завуалировано растут из-за расходов, связанных с переходом на новый тариф. Статья иллюстрируется картинкой (рис. 7), на которой мужчина снимает шляпу, приветствуя другого мужчину. Немаловажная деталь, что второй мужчина с бородой, возможно, этим автор хотел подчеркнуть, что друг *старый*. В данном случае иконический элемент является фразеологическим актуализатором пословицы *Старый друг лучше новых двух*, таким образом, усиливая смысл заголовка.

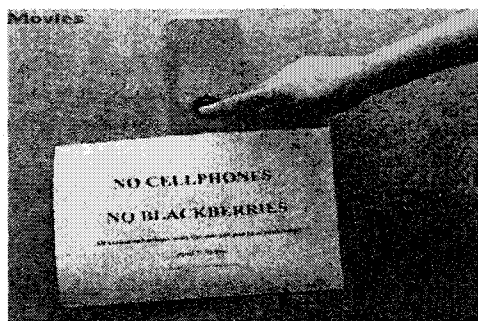

Рис. 7

В статье С.Смита «Behind Oscar's Door» «За дверью Оскара» (Ньюзвик, 13 фев., 2006) рассказывается о том, как Американская киноакадемия готовится к объявлению номинантов. Статья сопровождается фотографией (рис. 8) закрытой стены с объявлением: «No cellphones. No blackberries».

All communication with the outside world is prohibited until 5:38 am». В заголовке статьи используется трансформированный вариант ФЕ *behind the closed door* «за закрытыми дверями», значение которой «делать что-то тайно, секретно». Компонент ФЕ *Closed* «закрытыми» заменяется на *Oscar's* «Оскара». Фотография является визуализацией прототипа ФЕ в визуальном значении и ее фразеологическим актуализатором.

Рис. 8

5. В этом типе используются две ФЕ, иконический элемент визуализирует прототип одной ФЕ, которая конкретизирует значение другой ФЕ в заголовке. Между вербальными и иконическими знаками существует опосредованная денотативная соотносительность и ассоциативные связи. Например, в заголовке статьи А. Амелькиной «Жить или не жить? Да не вопрос!» (Профиль, №13, 2006) используется крылатое выражение *Быть или не быть – вот в чем вопрос*. Трансформации подвергается синтаксическая структура предложения, которая делится на два предложения, одно из которых становится вопросительным, а второе – восклицательным. Журналистка также заменяет компонент *быть* на *жить*. В статье говорится о проблеме самоубийств. Сам по себе заголовок интересен, читатель понимает, что статья посвящена проблеме выбора в серьезной ситуации, однако на основании заголовка нельзя сделать вывода о том, что речь пойдет о суициде. Для того чтобы не было двусмысленности в статье, используется фотомонтаж (рис. 9). На переднем плане изображена петля из веревки, на заднем плане размытый образ мужчины, голова,

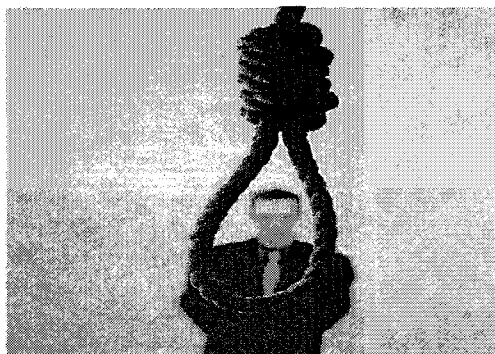

Рис. 9

которого видна в петле. В основе этого коллажа лежит ФЕ *сунуть голову в петлю*, значение которой «покончить жизнь самоубийством». Таким образом, в создании значения участвует две ФЕ, причем ФЕ *сунуть голову в петлю*, образ которой лежит в основе иконического компонента, конкретизирует значение ФЕ в заголовке.

В статье Дж. Картен «Calm Before the Storm» «Затишье перед бурей» (Ньюзвик, 5 янв., 2004) рассказывается о самых больших экономиках в мире. Согласно прогнозам следующие четыре – восемь месяцев выглядят многообещающе, однако все-таки существуют поводы для беспокойства. Поэтому в заголовке статьи используется ФЕ *calm before the storm* «затишье перед бурей», которая как нельзя лучше отражает ситуацию в мировой экономике на тот момент. Так как перспективы США на будущее выглядят не очень радужно, статья иллюстрируется рисунком (рис. 10) дерева с пышной листвой из долларов, вырванного с корнями. Значение ФЕ *вырвать с корнем* – «полностью уничтожить какое-то явление». Автор статьи предполагает, что центральные банки вынуждены будут поднять процентные ставки, чем задушат начинающийся расцвет в экономике. ФЕ, употребленная в заголовке, и ФЕ, образ которой лежит в основе иконического компонента, обе предупреждают читателя о возможных проблемах в будущем.

Таким образом, мы выделили 5 типов взаимосвязи между компонентами креолизованного текста современной англоязычной и русскоязычной прессы. Между вербальными и иконическими компонентами существует прямая и опосредованная денотативная соотнесенность. Мы пришли к вы-

Рис. 10

воду, что иконический элемент может играть роль фразеологического актуализатора в креолизованном тексте. Возможности его использования в этом качестве очень широки. Иконический элемент может визуализировать прототип ФЕ, употребленной в заголовке, прототип трансформированной ФЕ, визуализировать замененный компонент ФЕ, конкретизировать значение ФЕ, употребленной в заголовке.

¹ Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180.

² Анисимова Е.Е. О целостности и связности креолизованного текста (К постановке проблемы) // Филологические науки. №5. М., 1996. С. 75.

³ Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. М., 2003. С. 18.

⁴ Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М., Дубна, 1996. С. 199.

ОСОБЕННОСТЬ СТРУКТУРЫ ОБОБЩЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ ЛИЧНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В ПАРЕМИЯХ (ОПЫТ СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ РУССКОГО НАРОДА)

Л.Б. Кацюба

Статья посвящена рассмотрению семантической структуры глагольных личных форм в паремиях, которые являются выражением языкового сознания народа. Вскрыто противоречие между формально-грамматическим значением названных форм и их философским обобщенным осмыслением.

Паремии, совершенные по форме и глубокие по содержанию произведения устного народного творчества, выражают многовековой опыт народа. Всеобщность, постоянность, непрерывность народного опыта, который был и будет всегда, назидательный характер паремий и их проекция в будущее обусловлены обобщенностью содержания. Обобщенность – одна из фундаментальных черт паремиологического текста. Труд и быт народа – это корни тех ситуаций, которые «стимулировали» рождение произведений фольклора, в частности, пословицы.

Паремии рождались в определенной, конкретной ситуации. Ситуация лежит в основе паремиологического текста и служит неким инвариантом для того или иного варианта паремии. В конкретном тексте зафиксировался отголосок той «свободной» ситуации, по случаю которой паремия произносилась, говорилась.

Но далеко не каждая ситуация «стимулировала» возникновение пословицы. Это была ситуация общения людей в процессе трудовой деятельности, бытовая, житейская ситуация, либо отражающая взаимоотношение людей в социуме и т.д., то есть та, которая повторялась каждодневно, в труде, в быту, в общении, отражая все стороны человеческой жизни. Такая «живая» ситуация являлась идеальной «площадкой» для наблюдения человека за самим собой как членом некоего сообщества и за другими членами коллектива, позволяя при этом вырабатывать с помощью особой системы мировоззрения народа суждения, взгляды, обобщения, нравственные законы.

Большой отвлеченный смысл, глубинное содержание паремий отвечает определенному кругу ситуаций, которые актуальны для человека, узнаваемы и повторяемы им. Вестником социокультурной ситуации, знаком ситуации стали формы 3 лица глагола, которые, являясь господствующими в исследованных текстах, **утверждают идею личного активного деятеля, не участвующего в речи.**

Обобщенность содержания паремии отражена в определенной языковой форме: «действия, обо-

значенные глаголами, приписываются не одному конкретному лицу, хотя могут сочетаться с существительными или местоимениями, а всем или многим действующим лицам»¹. Поэтому необходимо помнить, что обобщение, господствующее в паремии, имеет разную природу: нужно различать обобщенность грамматическую и обобщенность содержательную, философскую, которая гораздо шире и глубже. Содержательная обобщенность охватывает все паремии, несмотря на наличие в них субъекта, лица и грамматическую отнесенность личного значения глагольных форм. Те паремии, в которых субъект представлен лексически и глаголы формально имеют определенно-личное значение, тоже несут в себе обобщенность различной степени (высшая степень обобщенности, высокая степень обобщенности, невысокая).

Паремии с лексически не представленным субъектом, лицом, глаголы в которых имеют форму неопределенно-личную, обобщенно-личную и даже безличную, имеют, как правило, высокую или очень высокую степени обобщенности. Наличие или отсутствие субъекта, или лица, обуславливает лишь **степень обобщенности** содержания паремии. Как видим, в паремиологических текстах ярко проявляется противоречие между грамматическим значением личных форм глагола и содержательной обобщенностью паремии. Обобщенность личного значения процессуальных единиц характеризуется тремя степенями: 1) высшая степень обобщенности (действия, приписываемые всем и каждому независимо от ситуации, свойственные субъекту всегда, независимо от ситуации); 2) высокая степень обобщенности (действия, проявляемые большим количеством людей в определенной жизненной ситуации, либо свойственные субъекту обычно, как правило, в определенной жизненной ситуации); 3) невысокая степень обобщенности (действия, приписываемые небольшому числу людей или лицам в определенной ситуации, или некоторым лицам, субъектам с определенными свойствами, качествами в определенной жизненной ситуации при определенных условиях).

Под этим углом зрения мы рассматриваем взаимодействие степени обобщенности личного значения глагола с анализируемыми формами. Степень обобщенности глагольных форм полностью раскрывается в тексте паремии.

1. Свообразие обобщенного значения и степени его проявления в формах 3 лица глагола.

В ходе проведенного анализа выявлено, что паремии с глаголами в форме 3 лица имеют самую высокую степень обобщенности (эти формы оказались самыми частотными по употреблению и анализируются нами в первую очередь). В процентном соотношении это выглядит так: высшую степень обобщенности имеют 67 % паремий с глагольным компонентом в форме 3 лица; высокую степень обобщенности – 30 % паремий с данной глагольной формой; невысокую степень обобщенности имеют менее 3 % паремий.

Взаимодействие форм 3 лица со степенями обобщенности личного значения глагола вскрывает некоторые противоречия.

Высшую степень обобщенности имеют глаголы в форме 3 лица, которые в формально-грамматическом отношении представлены различными типами значений:

- формально определенно-личным: *И красное солнышко на всех не угождает; Всякая птица своим голосом поет; Ласковое слово многих прельщает; На чужбине и собака тоскует; Отрезанный ломоть к хлебу не пристанет;*

- формально неопределенно-обобщенно-личным: *Цыплят по осени считают; Слепого в жожаки не берут; Достают хлеб горбом, достают и горлом; Думают думу без шуму; По вестям и гонца встречают; За очи и князя бранят.* В последнем типе примеров анализируемые формы глаголов являются глаголом-предикатом особых структурно-семантических моделей, которые А.М. Пешковский называл «две особые формы мышления говорящего по-русски человека»². По словам Л.Н. Чумак, «передавая общие суждения, выводы, обозначая типичные жизненные ситуации, данные предложения являются наиболее характерной формой выражения пословиц...»³ (однако, как показал наш материал, паремии этих синтаксических моделей составляют всего около 15 % от текстов с глагольным компонентом в форме 3 лица). А также

- безличным значением: *Молву поветрием носит; Счастливому и промеж пальцев вязнет; Где воды не было, там сухо.*

Высокую степень обобщенности проявили единицы, которые имеют

- формально определенно-личное значение: *Мимо яблоньки яблочко не падает; И дурак ездит в карете, а и с умом ходит пешком; Через золото слезы льются;*

- формально обобщенно-личное значение: *По платью встречают, по уму провозжают; И с топора не богатеют, а горбатеют; Дочерьми кра-*

суются, сыновьями в почете живут; На рогожке сидя, о соболях не рассуждают;

- безличное значение: *Богатому сладко ест-ся, да плохо спит-ся; Много было докуки, да не пришло в руки.*

Невысокую степень обобщенности обнаружили единицы, обозначающие действия, которые приписываются небольшому количеству людей, либо лицам, субъектам в определенной ситуации или наделенным некоторыми, свойственными им, качествами, определенной характеристикой. Продуктивно здесь представлены глаголы

- с формально обобщенно-личным значением, большинство из которых имеют форму единственного числа: *От волка бежал, да на медведя попал; Звал на честь, а посадил на печь; Отняли хорошее, да жалуют худым; Жарко желают, да руки поджимают;*

- с формально определенно-личным значением: *Богатство ум дает; Правда прежде нас померла; Хохлатые куры двором ведутся.*

Важно отметить, что логическая, философская обобщенность охватывает все выделенные нами типы паремий сложных конструкций с глаголами в форме 3 лица так же, как и все паремии одночастных структур, несмотря на наличие в них субъекта.

В исследовании глагольной семантики в паремиях сложной синтаксической структуры, где субъект может быть выражен только в одной из частей сложного предложения, в обеих частях сложного предложения или не представлен вообще, вопрос о степени обобщенности решается на логико-смысловом уровне. В каждом таком факте учитывается смысл всей паремии в целом, и значение формы определяется в соответствии с приведенным выше критерием определения степени обобщенности глагольных форм в паремиях.

Так, **высшая степень обобщенности** оказалась продуктивной для большинства таких исследованных единиц: *Рыба ищет где глубже, человек где лучше; Не то хорошо, что хорошо, а то хорошо, что идет к чему; Где зудит, там и чешут.*

Высокая степень обобщенности также достаточно продуктивна: *Чему учился, тому и пригодился; Чего не видят, тем и не бредят; Знайка дорожкой бежит, незнайка на печке лежит; Сыта свинья, а все жрет; богат мужик, а все копит.*

Невысокая степень обобщенности продуктивна в основном для конструкций, одна из частей которых – предложение с глаголами с обобщенно-личным значением: *Женился, да сам себе подивился, что ни богу, ни людям не сгодился; Только славу ведут, что рано встают; И сед, да ума нет; и молод, да держит волость.*

Активность проявления высшей и высокой степеней обобщенности у процессуальных единиц в форме 3 лица глубоко закономерна. Содержание

паремий этого типа в основном носит морально-этический характер и выражает

- нравственно-социальный опыт: *Кривое веретено не исправится; В тихом омуте черти водятся; Трещина в горшке скажется;*

- наблюдение, сделанное на основе жизненного опыта: *Народ недаром говорит; Лиса семерых волков проведет; Болезнь человека не красит;*

- морально-нравственный закон: *Правда тяжелее золота, а на воде всплывает; От порядка не нищают; От добра добра не ищут;*

- совет, поучение, пожелание: *Домашние мысли в дорогу не годятся; Лыком по парче не шьют; Вслед гостя не потчуют; После поры не точат топоры*

и другие подобные философские сентенции, подтвержденные жизненным опытом, которые лежат в основе обобщенности «многозначного» содержания паремий, открывающего «простор для воображения».

2. Своеобразие обобщенного значения и стени его проявления в формах 2 лица глагола в паремиях.

Анализ форм 2 лица с точки зрения определения их значения проводится в соответствии с положением о специфике обобщенного значения личных форм глагола в паремиях. Содержательная, философская обобщенность присуща всем паремиям, независимо от наличия или отсутствия в них лексического субъекта и формальной грамматической отнесенности личного значения форм глагола.

Поскольку в большинстве паремий глагольные формы 2 лица имеют обобщенно-личное значение (около 92 %), **содержательная обобщенность паремий гармонично соотносится с обобщенностью личного значения процессуальных единиц**, которая, аналогично проявленной в формах 3 лица, характеризуется тремя степенями (высшей, высокой и невысокой) и которая полностью реализуется в тексте паремии.

В результате проведенного анализа оказалось, что высокочастотной и наиболее характерной для форм 2 лица явилась высшая степень обобщенности. Если говорить о процентном соотношении, то высшую степень обобщенности имеют 80 % единиц; высокую степень обобщенности – 18 % единиц; 2 % единиц имеют невысокую степень обобщенности.

Господство высшей степени обобщенности, которое наблюдается в проанализированных фактах, объясняется грамматическими особенностями форм 2 лица. Например, еще Ф.И. Буслаев, который глубоко изучил и описал личные формы глагола, отмечал потенциальную личную неопределенность форм 2 лица: «У нас местоимение *ты* может употребляться вместо кого-нибудь вообще (выделено нами. – Л.К.). Такое обозначение неопределенного лица вторым дает общему понятию свежесть непосредственного отношения к лицу

слушающему»⁴. Под такой «неопределенностью» в паремии мы понимаем широкую обобщенность 2 лица, то есть отнесенность или обращенность к любому, всякому, каждому (обычно не названному) деятелю.

В определении типов степеней обобщенного значения форм 2 лица важную роль играет наклонение. Значение личных форм в изъявительном и повелительном наклонении у глаголов 2 лица различные. Как показал исследованный материал, глаголы в форме изъявительного наклонения составили 52 %, глаголы в форме повелительного наклонения – 48 %. Как видно, пословичная речь одинаково активно использует формы 2 лица и изъявительного и повелительного наклонения.

Личные формы 2 лица изъявительного наклонения имеют значение реального действия с множеством дополнительных оттенков значения (сознательности, целеустремленности, созидательности и других), обращенного к собеседнику, причем обращенность к потенциальному собеседнику, к адресату речи производится в относительно мягкой форме (*напишешь, вывезешь, любишь, пойдешь, научишься, подстрелишь, догадаешься, поешь, принесешь* и т.д.).

Высшую степень обобщенности имеют личные формы глаголов, которые обозначают действия, отнесенные к любому, всякому, каждому, независимо от ситуации, и которые в формально-грамматическом плане представлены формально обобщенно-личным значением: *Родинки не смоешь; Шила в мешке не утаишь; Не разгрызай ореха, ядра не отгадаешь; Отрезанный ломоть к хлебу не приставишь; Как поживешь, так и прослывешь; Около чего потрешься, того и наберешься.*

Высокую степень обобщенности имеют единицы, которые обозначают действия, отнесенные, свойственные большому количеству людей, лиц, находящихся в определенных условиях, в определенной ситуации, и представлены формально обобщенно-личным значением: *В меду и подметку съешь; Когда ищешь лису впереди, то она назади; Что не видишь, тем и не бредишь; С кем живешь, тем и слышишь.* Эта группа близка по значению к предыдущей; в зависимости от личного опыта говорящего единицы могут быть квалифицированы как единицы с высокой или с высшей степенью обобщенности.

В единичных фактах **невысокую степень обобщенности** обнаружили глагольные единицы, которые обозначают действия, присущие ограниченному числу людей, находящихся в определенной ситуации. Речь вруна подытоживают: *Врешь хорошо, да не в одно слово;* К лицемеру обращаются: *Часто кадишь – святых зачудишь.* Оступившегося поучают: *Не в том куту сидишь, не те песни поешь. Кумишься, сватаешься, а проспишься – спохватишься* – говорили о ненадежной, непроверенной, скоротечной дружбе и другие

факты. Глагольные единицы в них формально имеют обобщенно-личное значение. Также невысокую степень обобщенности получают формы, сочетающиеся с существительным с характерной формой обращения в функции субъекта в контексте с диалогической структурой – это единичные факты в нашем материале: *Жена, а жена, любишь ли меня? – А? – Аль не любишь? – Да. – Что да? – Ничего.*

Как видим, в большинстве паремий с глагольным компонентом в форме 2 лица изъявительного наклонения наблюдается господство высшей степени обобщенности.

В.В.Виноградов отмечал, что еще «Н.П.Некрасов в работе «О значении форм русского глагола» назвал форму 2 лица повелительного наклонения «общей (выделено нами. – Л.К.) личной формой глагола в русском языке», и далее автор «Грамматического учения о слове» цитирует: «...при ее посредстве «глагол и без особенной формы относится ко всякому лицу или предмету как лицу второму, будь это одно или даже несколько лиц»⁵. Отсюда можно предположить, что обобщенность 2 лица повелительного наклонения заложена в его природе.

Форма императива жестко выражает волю говорящего, направленную на адресата. Она обязательно сопровождается интонацией побуждения, превращая паремию в выражение приказа или запрета (*скажи!; не ходи!; не продавай!; помышляй!; дай!; не твори; знай* и т.д.).

Практически в 100 % паремий с формами 2 лица повелительного наклонения глаголы имеют высшую и высокую степени обобщенности. В таких паремиях субъект лексически не выражен, а глагольные лексемы имеют формально обобщенно-личное значение: *Говори с другими поменьше, а с собою побольше!; Жалуй своих, а там и чужих!; Не моли лета долгого, моли теплого; Держись друга старого, а дома нового!; Не бойся врага умного, бойся друга глупого!; Не купи двора, купи соседа.* В единичных фактах глаголы имеют формально определенно-личное значение (это примеры с существительным в форме обращения в функции субъекта) и характеризуются **невысокой степенью обобщенности**: *Жена, ты любить не люби, а приглядывай!; Вы, братцы, помогите, а (мы поедим); Кумушка, кума, купи себе ума – да на свои денежки.*

Глаголы с лексически невыраженным субъектом в паремиях, из контекста которых он (субъект) восстанавливается, также имеют невысокую степень обобщенности, поскольку обозначают действия, приписываемые небольшому количеству людей в определенной жизненной ситуации: *Тот не хорош, другой не пригож, погляди-ка на себя, сама-то какова?; Вот тебе кокуй, с ним и ликуй!* – обращение к женщинам; *Режь наши головы, не тронь наши бороды* – прошение старообрядцев, обращенное к царю; *Первый звон – чертям разгон,*

другой звон – перекрестись, третий звон – обо-локись – напутствие верующим; *Наживи свою болячку, да и лечи ее!* – ответ больного на многочисленные советы псевдодокторов.

В формах повелительного наклонения интересно наблюдение за единицами, имеющими формально определенно-личное значение, сочетающимися с субъектом-местоимением. Выраженный лексически, субъект-местоимение не смог нейтрализовать возможность обращения ко всякому, любому деятелю, напротив, реализовал ее при помощи отвлеченной, абстрактной сущности местоименного слова. В таких примерах глаголы в большинстве своем имеют высокую степень обобщенности, несмотря на проявленное формально определенно-личное значение: *Раньше вставай да сам наживай!; На бога надейся, а сам не плошай!; За своею думкою и сам не поспеешь.*

Необходимо подчеркнуть, что паремиям сложных синтаксических конструкций с формами 2 лица изъявительного и повелительного наклонения так же, как и паремиям одночастных структур, содержащих анализируемые формы, присуща широкая логическая обобщенность, несмотря на наличие или отсутствие в них субъекта, лица и независимо от типа сложной конструкции. Тип степени обобщенности личного значения форм в этих конструкциях определяется в соответствии с приведенным выше критерием определения степени обобщенности глагольных форм.

Высшая степень обобщенности свойственна большинству исследованных форм в паремиях модели сложного предложения:

- с соотношением одинаковых форм лица (числа, наклонения): изъявительное наклонение, форма ед.ч. – *Не только свету, что в окне: на улицу выйдешь – больше увидишь; Пора, что гора: скатись, так оглянешься; Что хлестнешь, то и уедешь;* повелительное наклонение, форма ед.ч. – *За правду не судись; скинь шапку, да поклонись!; Молод – кости гложки, стар – кашу ешь; Как ни живи, только бога не гневи!;*

- с соотношением одинаковых форм лица, но разных форм наклонения: изъявительное/повелительное, форма ед.ч. – *В каком народе живешь, того обычья и держись; Чего себе не хочешь, того и другому не твори;* повелительное/изъявительное, форма ед.ч. – *Друга ищи, а найдешь – береги; Хвались урожаем, когда рожь в засеку засыплешь!;*

- без соотношения форм лица (числа, наклонения): изъявительное наклонение – *На правду да на смерть, что на солнце: во все глаза не взглянешь; Правда, что шило в мешке – не утаишь;* повелительное наклонение – *Держи девку в темноте, а деньги в тесноте; Не смейся чужой беде, своя на гряде.* Господство высшей степени обобщенности у глаголов в форме 2 лица зиждется на «человеческом» факторе, который ярко проявился в исследованных паремиях. Мысли, суждения,

которые заключены в них, несут морально-этический посыл, содержат житейскую мудрость. В паремиях с формами 2 лица активно используется возможность напрямую обратиться к слушающему, к собеседнику, адресату, к потенциальному субъекту действия для осуществления дидактических функций паремиологического текста. Обращенность к адресату или воля говорящего выражаются в форме

- умозаключения, совета, пожелания, просьбы, сожаления (мягкие, спокойные формы обращения и побуждения): *Людских речей не переслушаешь; Каково проживешь, таково и прослышешь; Птичьего молока хоть в сказке найдешь, а другого отца-матери и в сказке не найдешь; Погоняй коня не кнутом, а овсецом;*

- предостережения, предупреждения, рекомендации (строгие формы обращения и побуждения): *Старцу пакости не твори; Зла за зло не воздавай; Не оставляй на завтра дела, а оставляй хлеба!; Жену выбирай не глазами, а ушами;*

- наказа, приказа, запрета, повеления, отказа (жесткие, категоричные формы обращения и побуждения): *Не строй церкви, пристрой сироту!; Не за свое дело не берись!; Продай хоть ржи, а долгу не держи!; Сначала думай, а под конец делай!*, основанных на жизненном опыте, лежащем в основе долголетия пословицы и объясняющем обобщенность, всеобщность ее содержания. Жизненные законы, наблюдения, опыт воплощены в обращенности к собеседнику и воле говорящего, который не просто констатирует те или иные правила жизни, а передает их собеседнику в определенной форме.

3. Своеобразие обобщенного значения и степени его проявления в формах 1 лица глагола в паремиях.

Анализ форм 1 лица с точки зрения определения их значения, как и анализ форм 2 лица и форм 3 лица, проводился в соответствии с положением об особенностях обобщенного значения (и степеней его проявления) личных форм глагола в паремиях. Судя по результатам анализа, паремии с синтаксической конструкцией простого и сложного предложения с глаголами в форме 1 лица единственного и множественного числа имеют невысокую степень обобщенности, которая явилась наиболее характерной для этих форм. В процентном соотношении взаимодействие форм 1 лица со степенями обобщенности личного значения глаголов выглядит следующим образом: высшую степень обобщенности имеют 8% единиц; высокая степень обобщенности выпала на 12% единиц; невысокую степень обобщенности имеют 80% единиц.

Господство невысокой степени обобщенности в значении форм 1 лица в паремиях объясняется особенностями форм 1 лица. С одной стороны, формы 1 лица аккумулировали в себе значение имплицированных личных местоимений, которые, при общей высокой степени обобщенности значе-

ния, присущей всем местоимениям, обладают невысокой степенью обобщенности. В этих формах ясно проявляется отношение к говорящему, к субъекту и их потенциальная «определенность». С другой стороны, обобщенное содержание паремий, в лоне которых функционируют формы 1 лица, насыщает эти формы обобщенностью и относит их к любому субъекту речи. Именно в контексте паремии формы личных глаголов приобретают обобщенно-личное значение, и «я» в этом случае «расширяется на все бытие и находит себя же во всяком»⁶.

Высшую степень обобщенности имеют единицы, которые обозначают действия, приписываемые любому, всякому деятелю – субъекту речи, независимо от ситуации. В формально-грамматическом плане они имеют формально обобщенно-личное значение (все глаголы имеют форму только множественного числа): *Что пождем, то и проживем; Прошлого поминаем, грядущего чаем; И бога хвалим и грешим; На одно солнце глядим, да не одно едим.*

Высокую степень обобщенности имеют единицы, которые обозначают действия, приписываемые большому числу людей, находящихся в определенной ситуации. Глаголы в большинстве фактов имеют форму множественного числа и формально обобщенно-личное значение: *Как живем, так и умираем; Что наживем, то и проживаем; От того терплю, кого больше люблю; В чем застану, в том и сужу.*

Невысокую степень обобщенности обнаружили большинство глаголов в форме единственного и множественного числа, которые обозначают действия, приписываемые небольшому количеству людей, находящихся в определенных условиях, ограниченных конкретной жизненной ситуацией, либо отдельным лицам, имеющим личные качества, им присущие, свойственные, ими проявляемые в рамках отдельно взятой ситуации: *Гроз твоих не боюсь, а ласка не нужна; Чую, где почую, да не знаю, где сплю; И мы видывали, да и не завидовали; Что испекли, то и съедим, а завтра поглядим.*

Как видно из приведенных фактов, наиболее частотной для форм 1 лица глаголов в паремиях явилась невысокая степень обобщенности. Однако, несмотря на этот факт, всем формам 1 лица глагола в паремиях в разной степени присуща обобщенность личного значения. Господство невысокой степени обобщенности у глаголов в форме 1 лица основывается на факторе личного восприятия действительности субъектом – лицом говорящим и действующим. В отличие от паремий с формами 2 лица и 3 лица, паремии с формами 1 лица заключают в себе мысли, суждения, мнения, опыт, которые часто носят глубоко личный, внутренний, интимный характер, описывая частные переживания, стремления, жалобы, чаяния субъекта, лица. Низкая частотность в целом форм 1 лица глагола в паремиях обуславливается невы-

сокой степенью обобщенности личного значения форм I лица.

Таким образом, приведенные факты обнаруживают диалектическое противоречие между грамматической и содержательной обобщенностью глагольных единиц в паремиологическом тексте, которое разрешилось в исследованных формах на семантико-грамматическом уровне. **Формально исследованные единицы могут иметь определенно-личное, неопределенно-личное, обобщенно-личное и безличное значение, а в философском осмыслении все они имеют обобщенное значение разной степени.**

¹ Челасова А.М., Казачук И.Г. Русский глагол: Уч.-практ. пос. Челябинск, 2000. С. 56.

² Чумак Л.Н. Реализация культурного компонента значения на синтаксическом уровне // Мир русского слова. 2000. № 2. С. 64.

³ Там же.

⁴ Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. С. 376.

⁵ Там же. С. 480.

⁶ Фурсов А. Педагогические письма отца Павла Флоренского // Духовно-нравственное воспитание. 2001. № 1. С. 82.

ПРОЦЕСС ОБРАЗОВАНИЯ МНОГОЗНАЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Е.В. Радченко

В статье процесс образования многозначных фразеологизмов рассматривается в связи с семантическим и грамматическим динамизмом языковой единицы.

Проблема реального и потенциального значения фразеологической единицы тесным образом связана с вопросом о многозначности фразеологизма, о роли контекста, сочетаемости. От решения этого вопроса зависит, в свою очередь, ответ на вопрос о том, что первично – значение фразеологизма или сочетаемость, контекст.

Мы согласны с мнениями отечественных лингвистов о том, что «полисемия – результат обобщения, результат группировки и исторического наращивания разных значений в пределах одного слова»¹, что «исторически сформировавшееся значение принадлежит слову; это значение не возникает каждый раз в зависимости от окружения, места слова в минимальном контексте»², что «вне зависимости от его данного употребления слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность»³. В соответствии с таким пониманием роли значения слова считается, что контекст – явление вторичное по отношению к лексическому значению, хотя и небезразличное к последнему: «между контекстом и значением слова существуют двусторонние системные связи, характерные и устойчивые для определенного периода жизни языка в целом»⁴.

Считается, что подавляющее большинство слов любого современного живого языка, имеющего длительную литературную традицию, являются словами многозначными, что многозначность слова – одна из важнейших особенностей человеческого языка вообще, что около 80% слов русского или польского, французского или испанского, английского или немецкого языков многозначны»⁵. До сегодняшнего дня остается нерешенным вопрос о том, каков процент многозначных фразеологизмов в русском языке.

Но каков бы ни был процент многозначных фразеологизмов, общее направление в динамике значений фразеологизмов можно обозначить как движение от однозначности к многозначности. Следует отметить, что многозначными фразеологизмы становятся не сразу. Это длительный процесс постепенного накопления в значении фразеологизмов новых свойств. Семантический динамизм предметных и процессуальных фразеологизмов проявляется, прежде всего, в деактуализации

ядерной семы основного значения и актуализации периферийных сем, что постепенно приводит к возникновению нового значения. В отношениях между значениями одного фразеологизма, как и в отношениях между значениями одного слова, проявляются такие элементы диалектики, как «переход каждого определения, качества, черты, стороны в каждое другое», «бесконечный процесс раскрытия новых сторон, отношений etc.», «бесконечный процесс углубления познания человеком вещи, явлений, процессов и т. д. от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности»⁶.

Семантический динамизм фразеологизмов проявляется в возникновении у названных единиц потенциального значения. В современной лингвистике понятие «потенциальное значение» соотносится с понятием «реальное значение». О реальном значении идет речь в том случае, если значение единицы стало языковым фактом и выражается в высокочастотной лексико-семантической сочетаемости; понятие «потенциальное значение» соответственно применяется в тех случаях, когда оно (значение) реализуется в единичной сочетаемости, к тому же единственный раз, то есть является, как говорил академик В. В. Виноградов, «индивидуальным употреблением»⁷.

Исследованные и частично описанные представители Челябинской фразеологической школы признаки разных значений одного и того же фразеологизма позволяют квалифицировать первые значения как более ранние по времени возникновения и менее обобщенные, а вторые значения – соответственно более поздние и более обобщенные. Сказанное не означает, что разные значения одной единицы образуются в разные периоды жизни языка. Между собой значения находятся в иерархических отношениях. Каждое последующее значение вырастает, образуется из предыдущего путем актуализации определенных семантических элементов предыдущего значения.

По мнению профессора А.М. Чепасовой, «диффузность, нерасчлененность значений одной единицы свойственна фразеологизмам всех семантических типов. Она является показателем постоянного движения, семантического развития фразеологизма в языке одного временного периода.

Только мобильностью значений можно объяснить явление многозначности фразеологизмов, недифференцированности их значений и как следствие неполноту и противоречивость толкований значений фразеологизмов в словарях»⁸

Динамику значения можно проследить на примере процессуального фразеологизма *братъ / взять (хватать / схватить) за горло (кого)* «принуждать, притеснять кого-либо, заставлять кого-либо поступать определенным образом». Приведенное значение является ядерным и отмечается во всех фразеологических словарях. Названный фразеологизм входит в субкатегорию «социальных отношений», семантическую группу «принуждения». Анализируемое значение проявляется в следующей синтаксической и лексико-семантической сочетаемости: употребляется с субъектом-именем существительным, обозначающим лицо или совокупность лиц, подчиняет себе имя существительное, тоже обозначающее лицо:

Кремневые глаза Досекина всыхивают, он сурово отвечает:

– Когда нас будут тысячи и миллионы, мы без злости возьмем за горло кого надо (М. Горький. Т. 8, с. 439); Помню, говорит он, а я гляжу в наглые глазлицы его и на все слова дакаю, со всем соглашаюсь, словно он меня за горло взял (М. Горький. Дело Артамоновых).

Анализируемый фразеологизм активный в современном русском языке, что выражается в наличии у него полной парадигмы грамматических признаков и грамматических форм: присутствуют все формы лица, времени, вида, наклонения; названная единица может иметь все формы – личную, инфинитивную, причастную и деепричастную.

Динамичность ФЕ можно проследить на примере возникновения нового смысла у названного фразеологизма. В нашем материале встретилось несколько употреблений единицы *братъ/взять (хватать/схватить) за горло (кого)* с новым смыслом. Возникновение нового значения – процесс постепенный. В данном примере мы имеем дело не с новым значением, а с единичными употреблениями единицы с новым смыслом. Смысл – это только представление о понятии, но пока еще не значение. В процессе частого употребления нового смысла постепенно появляется новая сема, которая может превратиться со временем в новое значение: «тревожить, волновать, кого-либо», которая является периферийной в исходном значении. Новый смысл ФЕ связан с исходным значением общей семой «воздействовать на кого-либо». Вследствие названных семантических изменений изменяется субкатегориальное и групповое значения. Анализируемый процессуальный фразеологизм обозначает «эмоциональное состояние», «приведение лица в психическое состояние». Новая сема требует новой сочетаемости фразеологической единицы:

По плечи голая, точно высунулась навстречу ему из пышного, как роза платья. Опять дикое смущение схватило его за горло (А. Толстой. Петр Первый), И всю жизнь не хватало мне доброй семьи. Боль сиротства за горло хватала... (М. Львов. Объяснение в любви).

В новом смысле фразеологизм употребляется при подлежащем, выраженным именем существительным с отвлеченным значением – *смущение, боль сиротства*. Семантический динамизм ФЕ приводит грамматическому динамизму, а именно к сокращению парадигмы форм лица. В отличие от единицы, имеющей основное значение, фразеологизм *братъ/взять за горло (кого)* «волновать, тревожить кого-либо» употребляется только в форме третьего лица, так как обозначает действие, не производимое человеком. В качестве субъекта действия при этом фразеологизме выступает имя существительное, называющее отвлеченное понятие.

Семантический динамизм проявляется в развитии нового смысла у фразеологизма *братъ/взять на заметку (кого, что)*. В исходном значении «стараться запомнить кого или что-либо как нечто значительное, важное, исключительное» он входит в семантическую группу «интеллектуальная деятельность», подгруппу «познание». Названное значение является ядерным и отмечается во всех словарях. Оно реализуется в типичной для фразеологизма сочетаемости. Приведенная единица употребляется при подлежащем, обозначающем лицо, в качестве объекта имеет при себе имя существительное в форме винительного падежа без предлога, называющее лицо или конкретный предмет:

Ванька каким-то образом выслеживал, где находится та или иная гороховая делянка, брал ее на заметку ...и, подмигивая мне, объявлял: «Завтра пойдем» (М. Алексеев. Драчуны); Бесконечно занятый и скромный человек, никогда не позвонит сам: у меня, мол, есть о чем рассказать. Таких людей надо брать на заметку, добиваться встречи с ними (В. Деревницкий. Время для размышлений).

У анализируемого фразеологизма развивается новый смысл: «проследить за кем-либо, позаботиться о ком-либо» (одно употребление). Под влиянием нового смысла изменяется сочетаемость фразеологизма – субъект и объект выражен именем существительным со значением лица:

Хозяин, судя по стуку, был на повети. Михаил решил поговорить насчет Лизки. Илья, как и в прошлом году, был назначен бригадиром на Ручьи. Пускай-ко возьмет сестру на заметку (Ф. Абрамов. Пряслины).

У фразеологизма *братъ/взять на заметку (кого, что)*, помимо нового смысла, отмечается производное значение, которое уже стало реальным. Фразеологизм *братъ / взять на заметку (что)* в значении «принимать к сведению, учитывать что-либо» фиксируется в словарях и является частотным в нашей картотеке – 12 употреблений:

Штаб фронта брал эти сведения на заметку, как показательное явление, доказывающее лишней раз интерес немцев к Ковельскому узлу (Э. Казакевич. Звезда).

В приведенном примере идет речь уже о диалектическом преобразовании языковой единицы, о ее качественном изменении. В результате динамического развития фразеологизм из однозначной языковой единицы превратился в многозначную. Производное значение связано с основным семой «сосредоточенно изучать что-либо». Ядерная сема первого значения «запомнить кого, что-либо» отошла на второй план, но не исчезла, а уступила место семе «учитывать что-либо». Изменяется и семантическая подгруппа фразеологизма. Он обозначает интеллектуальную деятельность, понимание. Семантический сдвиг в значении фразеологизма приводит и к новой лексико-семантической сочетаемости: употребляясь во втором значении, фразеологизм имеет при себе объект, выраженный именем существительным в форме винительного падежа без предлога, обозначающим не лицо, как в первом значении, а отвлеченное понятие. Названные семантические изменения обнаруживаются в грамматическом динамизме ФЕ. Он выражается в сокращении парадигмы грамматических форм. Отличительной чертой фразеологизма во втором значении является его частотное употребление в форме повелительного наклонения. Это объясняется семантическими особенностями единицы. В значении «учитывать что-либо, принимать что-либо к сведению» фразеологизм часто употребляется в жизненно-речевых ситуациях, связанных с советом, рекомендацией, пожеланием:

*Барометр службы ВИР показывает перемены... Деловые люди и туристы, **возьмите это на заметку**. (Челябинский рабочий. 1991. 7.06); *Подрезов тоже рассмеялся – всех крыл своим басом, а потом сказал: «А ну-ко, **возьми себе на заметку**: двадцать пятого октября бюро райкома» (Ф. Абрамов. Пряслины).**

Семантический и грамматический динамизм наблюдается в предметных фразеологизмах. Так, единица *повестка дня* является многозначной. В первом значении «перечень вопросов, обсуждаемых сообща» названный фразеологизм относится к семантической субкатегории «конкретных неодушевленных предметов». Абсолютное большинство употреблений – в форме единственного числа (99 употреблений). Только два употребления – в форме множественного числа. В первом значении фразеологизм обладает полной падежной парадигмой и широкой лексико-семантической сочетаемостью:

*...сельская школа **фигурирует в повестках дня** почти каждого союзного или местного комсомольского форума (Комсомольская правда. 1971. 6.03); *Поэтому мы полностью разделяем точку зрения Е. С. Кубряковой, что эта проблема не может быть **снята с повестки дня** (Филоло-**

*гические науки. 1967. № 2); *В соответствии с мировой практикой страна-организатор **оказывает сильное влияние на повестку дня** и ход работы международной конференции (Советская Россия. 2004. 1.06).**

В приведенных цитатах фразеологизм *повестка дня* сочетается с глаголом *фигурирует*, причастной формой *снята*, и процессуальным фразеологизмом *оказывает влияние (на что)*.

Втрое значение фразеологизма *повестка дня* «обсуждение, решение, разрешение чего-либо» связано с основным семой «обсуждение чего-либо». Ядерная сема первого значения «круг вопросов» деактуализировалась, актуализировалась периферийная сема «решение, разрешение чего-либо». Приведенное значение является реальным, отмечается словарями. В нашей картотеке насчитывается 75 употреблений фразеологизма в названном значении. Качественные изменения семантики фразеологизма обнаруживаются в изменении субкатегориального и группового значений. Анализируемый фразеологизм входит в семантическую субкатегорию «единиц со значением отвлеченного понятия», семантическую группу «продуктивная мыслительная деятельность лица». За семантическим изменением следует грамматический динамизм ФЕ. Во втором значении единица имеет неполную парадигму числа и падежа: употребляется только в форме единственного числа, только в форме родительного, винительного и предложного падежей. В названных падежах фразеологизм сочетается, как правило, с глаголами *ставить, стоять, снимать*. В нашем материале отмечается высокая частотность сочетаемости фразеологизма *повестка дня* с вышеприведенными лексемами – соответственно 13, 16 и 15 употреблений. Семантическое и грамматическое развитие ФЕ во втором значении приводит к возникновению нового динамического процесса. Фразеологизм *повестка дня* развивает тенденцию к экспликации и рождению нового фразеологизма с новым, процессуальным значением. Значение вновь образованной единицы формируется на основе отдельных сем его компонентов: глаголы вносят свое категориальное значение в предметный фразеологизм – ядерные семы своего индивидуального значения. Значение процессуальных фразеологизмов мы квалифицируем следующим образом: *ставить на повестку дня (что)* «обсуждать что-либо», *стоять на повестке дня* «обсуждаться», *снимать с повестки дня (что)* «исключаться, не обсуждаться»:

*Раскол правящей партии, происшедший в 1969 году, вновь **поставил на повестку дня** лозунг о необходимости единства всех левых, демократических и патристически настроенных сил (Литературная газета. 1972. 23.03); *В зависимости от социально-политических проблем, **стоящих на повестке дня** в латиноамериканских странах, меняются или наполняются новым содержанием**

требования студенчества (Комсомольская правда. 1968. 25.06).

Сочетаясь с глаголом *поставил* и с причастной формой глагола *стоящих*, фразеологизм *повестка дня* утрачивает предметное значение: он застывает в одной падежной форме (в данном случае в форме винительного и предложного падежей с предлогом *на*) и входит в общее значение новой процессуальной единицы *ставить / поставить на повестку дня (что)* «обсуждать что-либо», *стоять на повестке дня* «обсуждаться» вносит свои ядерные семы «обсуждение, решение чего-либо». Глаголы *стоять, поставить* вносят категориальную сему «процесса», полностью утрачивая при этом свое лексическое значение. Но, как уже отмечалось, названные проявления свидетельствуют только еще о наметившемся процессе, о тенденции предметного фразеологизма *повестка дня* в форме винительного или предложного падежа к экспликации, что выражается в его высокочастотной сочетаемости с вышеназванными глаголами. Процесс экспликации анализируемого фразеологизма мы квалифицируем как динамический, об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что единица *повестка дня* во втором значении может сочетаться и с другими глаголами: *снимать с повестки дня* – 15 употреблений; *вставить на повестку дня* – 12 употреблений, *становиться на повестку дня* – 2 употребления.

Как видно из нашего анализа, в момент завершения развития нового значения и превращения фразеологизма из однозначной языковой единицы в многозначную проявляются следующие диалектические процессы. Первый принцип – переход количества в качество: происходит диалектический «скачок», поскольку каждое новое значение фразеологизма несет в себе новое качество по сравнению со старым, изменяются семантика и грамматические свойства единицы: «количественные изменения ... (открытие новых свойств у изучаемого предмета...) на известной ступени их накопления приводят к коренному, качественному изменению всего содержания данного понятия, к его революционной ломке, к замене его новым...»⁹

Вторым принципом диалектического развития языковой единицы, проявляющимся в ее многозначности, стал закон отрицания отрицания. Семантическую структуру многозначной единицы

можно представить в виде ряда ступеней, из которых каждая последующая рождается из предыдущей и, будучи противоположна ей, ее отрицает, хотя в то же время содержит в себе эту предыдущую как свою сторону и свое следствие.

Наш материал показал, что развитие значений предметных и процессуальных фразеологизмов происходит от конкретного к абстрактному. Это движение соответствует третьему принципу диалектического развития: «...познание движется от содержания к содержанию. Прежде всего это поступательное движение характеризуется тем, что оно начинается с простых определений и что следующие за ними становятся все богаче... Ибо результат содержит в себе свое начало, и движение последнего обогатило его некоторой новой определенностью»¹⁰.

Таким образом, процесс образования многозначного фразеологизма неотделим от универсального закона семантического и грамматического динамизма языковой единицы. Многозначность как семантическое свойство фразеологизмов, процессы появления новых значений в недрах старых, характер связей и отношений между значениями являются отражением универсальных законов диалектики в философии, а в лингвистике – выражением закона о постоянном постепенном развитии языка и его обогащении.

¹ Будагов Р.А. Человек и его язык. М.: 1974. С. 121.

² Шведова Н.Ю. Рецензия на Исследования по общей теории грамматики // Вопросы языкознания, 1970, № 1. С. 126.

³ Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М. 1972. С. 17.

⁴ Чепасова А.М. Предметные фразеологизмы русского языка. Челябинск, 2003. С. 167.

⁵ Будагов Р.А. Человек и его язык. М.: Изд-во МГУ, 1974. С. 117–123.

⁶ Ленин В.И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Полное собрание сочинений. Изд-е 5-е. М.: Изд-во Полит. литературы, 1977. Т. 38. С. 214.

⁷ Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове) М.: ВШ, 1872. С. 182.

⁸ Чепасова А.М. Предметные фразеологизмы русского языка. Челябинск, 2003. С. 176.

⁹ Арсеньев А.С., Библер В.С., Кедров Б.М. Анализ развивающегося понятия. М. 1967. С. 324.

¹⁰ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М.: Изд-во Полит. литературы, 1977. С. 212.

К ВОПРОСУ О МОТИВАЦИОННОМ КОМПОНЕНТЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Р.А. Сафина

В данной статье рассматриваются такие языковые явления, как внутренняя форма, мотивированность и образность фразеологических единиц, которые в своей совокупности образуют мотивационный компонент фразеологического значения. Основное внимание уделено вопросу функциональной значимости каждого из рассматриваемых явлений, а также проблеме их взаимодействия в процессе фразеобразования.

Мотивационный компонент является одним из самых сложных и многоярусных компонентов фразеологического значения. Выделение в структуре фразеологического значения мотивационного компонента как еще одной значимой подсистемы внутри целостного фразеологического значения произошло сравнительно недавно и признается далеко не всеми фразеологами, однако, на наш взгляд, является вполне закономерным и целесообразным. Обособление таких важных феноменов, как внутренняя форма, образность, мотивированность ФЕ, в единую микросистему и признание за этой системой статуса самостоятельного компонента значения ФЕ, с нашей точки зрения, является еще одним важным шагом на пути дальнейшей разработки теории фразеологического значения, так как это способствует раскрытию глубинных процессов, происходящих в «тайниках» фразеологической семантики, и позволяет, с одной стороны, более широко, с другой стороны, более детально взглянуть на некоторые спорные и до сих пор не решенные вопросы фразеологии.

По мнению В.Н. Телии, в мотивационный макрокомпонент значения включаются «сам образ, лежащий в основе переосмысления «буквального значения» сочетания слов, гештальт, остающийся от этого образа как ассоциативно-образная «память» идиомы; внутренняя форма как способ организации значения идиомы; вид тропического преобразования, а также другие средства транспозиции исходного образа в форму значения идиомы; соотносительность образности с ее национальной спецификой; соизмерение внутренней формы с этимологией и др...»¹. Мы соотносим мотивационный компонент, прежде всего, с такими понятиями, как мотивация, внутренняя форма и ассоциативно-образный комплекс ФЕ. Рассмотрим поочередно сущность каждого из данных феноменов, какую функцию они играют в целом по отношению к целостному фразеологическому значению и каким образом происходит взаимодействие между

данными компонентами, дающее нам основания объединять данные явления в единый макрокомпонент значения ФЕ.

Итак, центральным и определяющим звеном мотивационного компонента является внутренняя форма. В современном языкознании существуют различные точки зрения на природу данного лингвистического феномена. В различных учениях внутренняя форма слова и ФЕ трактуется весьма неоднозначно: в одних из них на первый план выдвигается признак номинации, другие видят в ней морфо-семантическую структуру, одни ученые связывают внутреннюю форму со значением прототипа, другие говорят о данном явлении как о внутреннем образе и направленности этого образа на актуальное значение, одни усматривают во внутренней форме элемент представления, другие – элемент содержания. На наш взгляд, все эти разногласия в трактовке внутренней формы связаны с тем, что она является чрезвычайно многоаспектным явлением и может выполнять различные по своей природе функции. В связи с этим при определении природы внутренней формы необходимо принять во внимание следующий момент: в силу своей многофункциональности внутренняя форма может быть охарактеризована по разным параметрам и только всестороннее рассмотрение данного феномена может привести к объективному определению сущности данного явления.

В данном случае мы совершенно согласны с точкой зрения В.Н. Телии, которая трактует понятие в связи с ее функциональными нагрузками: по номинативному параметру внутренняя форма определяется как признак, лежащий в основе номинации, по когнитивному – как признак понятия, на основе которого формируется новое понятие, по метафорическому – как редуцированный образ или *tertium comparationis* и, наконец, по экспрессивному – как ассоциативно-образное основание для оценки. Иначе говоря, «понятию внутренней фор-

мы сопутствует совокупность ассоциаций различной природы»².

Как известно, внутренняя форма имеет определенные разновидности. Выделяют «живую», прозрачную внутреннюю форму в том случае, если она осознается современным языковым коллективом, напр., *быть по уши в долгах, дубовая голова (башка); ein heller Kopf* (=светлая голова) и «мертвую» внутреннюю форму (которая не выявляется языковым сознанием говорящего коллектива, напр., *(попасть) из кулька в рогожку* (=попасть из одного неприятного положения в другое), *j-n auf den richtigen Trichter bringen* (=научить, надоумить кого-л., букв.: настроить на правильную воронку).

В сопоставительных исследованиях чаще используется термин «затемненная» или «скрытая» внутренняя форма, причем она может проявляться как на уровне целостного фразеологического значения (адгерентная затемненность), напр., в нем. фразеологизме *zu Vater Philipp gehen* (=сесть в тюрьму, подобное имя было дано военной тюрьме в Берлине), так и на уровне компонентного состава (ингерентная затемненность) (напр., ФЕ *дубина стоеросовая*). Затемнение внутренней формы ФЕ чаще всего происходит в результате специфичности культуры того или иного языкового сообщества и гораздо реже вследствие своеобразия ассоциативного мышления носителей того или иного языка.

Внутренняя форма фразеологизмов имеет свою особую структуру, в отличие от внутренней формы слова, что, прежде всего, связано с такими качествами ФЕ, как раздельнооформленность и особый уровень абстракции. В связи с этим для ФЕ характерны особые разновидности внутренней формы, не свойственные внутренней форме слов в силу их цельнооформленности. Так как внутренняя форма является неким связующим звеном между звуковой формой и значением, денотативным и коннотативным компонентом, то, несомненно, ее свойства находятся в двусторонней зависимости от перечисленных выше явлений, в особенности от характера фразеологической абстракции и от принадлежности ФЕ к тому или иному структурно-семантическому типу.

Наиболее отчетливо внутренняя форма определяется для фразеологических сращений и единств с целостным переосмысленным образным значением. Внутренняя форма данных единиц создается отношением буквального значения сочетания к актуальному значению ФЕ (напр., русс. *тереть голову, у кого-л. нет головы на плечах*, нем. *die Beine unter den fremden Tisch strecken* (=жить за чужой счет, букв. Протянуть ноги под чужой стол).

В некоторых исследованиях внутренняя форма отождествляется с таким понятием, как мотивированность³. Однако такое отождествление, с нашей точки зрения, является ошибочным, несмотря на тесную взаимосвязь данных явлений.

Четкую границу между этими понятиями возможно провести, если принимать во внимание различную роль, которую они выполняют в структуре языковой единицы. Внутренняя форма присуща практически всем языковым единицам, мотивированность относится только к сложным, производным образованиям. При наличии мотивированности между семантическими элементами внутренней формы и соответствующим фразеологическим значением осуществляется определенная ассоциативная связь, если же этой связи не прослеживается, значит, фразеологизм является немотивированным. Следовательно, можно утверждать, что мотивированность является характеристикой, формой выражения внутренней формы, причем она может определять как ее количественную, так и качественную сторону.

По мнению большинства лингвистов, мотивированность языковых единиц базируется, прежде всего, на рациональности связи между формой и содержанием. Так как фразеологические единицы в основной своей массе представляют собой раздельнооформленные единицы, то границы мотивированности данных языковых знаков расширяются, появляются новые способы и средства рациональной обоснованности между формой и содержанием.

А.М. Мелерович выделяет следующие факторы мотивированности фразеологического значения: 1) исходное значение словесного комплекса, явившегося базой фразеологизма; 2) лексическое значение слов, входящих в состав ФЕ; 3) звуковой состав и морфологическая структура отдельных компонентов ФЕ; 4) вещественное содержание корневых морфем лексических компонентов; 5) типовое значение синтаксической конструкции⁴.

Наиболее распространенным и значимым для ФЕ является семантический вид мотивированности, когда средством мотивировки является значение прототипа, лежащего в основе ФЕ, либо значение отдельного лексического компонента (напр. *j-m geht ein Licht auf* (=кого-л. (наконец) осеняет; кто-л. (наконец) начинает соображать), *j-m fällt der Groschen aber langsam* = до кого-л. с трудом доходит (букв.: у кого-л. монета падает долго), *vom Stamme Nimm sein* (= быть алчным), *eine goldene Nase verdienen* (=заработать много денег), *sein Sparschwein schlachten* (=начать расходовать свои сбережения) и т.д.

В зависимости от степени мотивированности выделяют полную и частичную мотивированность. Данные виды мотивированности отражают количественную характеристику выраженности внутренней формы, то есть то, какой объем информации, заключенный во внутренней форме фразеологизма, входит в целостное фразеологическое значение. Например, для таких ФЕ, как *большие деньги* – нем. *grosse Gelder*, *остаться без копейки* – нем. *keinen Pfennig mehr haben*, характерна полная

мотивированность (внутренняя форма данных единиц целиком отображается в целостном фразеологическом значении), а для ФЕ *в долгу как в шелку*, *деньги не пахнут*, нем. *auf Abbruch heiraten* – частичная мотивированность, которая подразумевает, что внутренняя форма и целостное значение ФЕ имеют общую часть, однако полного наложения, как при полной мотивации, не происходит. Внутренняя форма таких единиц включает так называемые «лишние» признаки, затрудняющие понимание целостного фразеологического значения.

Фразеологизмы, для которых характерна семантическая косвенная мотивированность, могут интерпретироваться на основе образа, символа, цитаций или сколков с поговорок. Практически все приведенные выше примеры косвенной мотивированности мы можем отнести к подтипу мотивированности на основе образа. Что касается фразеологизмов двух следующих подгрупп, то их количество гораздо более ограничено. Приведем несколько примеров фразеологизмов, образованных на основе символа: ФЕ *золотой телец* – нем. *den goldenen Kalb anbeten*, *продавать за чечевичную похлебку* – нем. *etw. fuer ein Linsengericht verkaufen* (библейские символы). Следующие фразеологизмы основаны на символическом значении компонентов «золото» / «золотой» как олицетворения богатства, большого количества денег: *золотой дождь*, *золотое дно*, *золотой мешок*, *напасть на золотую жилу*, *сулить кому-либо золотые горы*, *купаться в золоте*, *золотая река*. В ФЕ *зарабатывать свой хлеб* – нем. *sein eigenes Brot essen*, *отнимать у кого-либо хлеб* – нем. *jn um Lohn und Brot bringen* компонент «хлеб» выступает в символическом значении «средства существования» и т.д.

ФЕ *остаться у разбитого корыта* основана на цитации из произведения А.С. Пушкина и является свернутым образом ситуации, когда человек, несмотря на все усилия (чаще всего в приобретении материальных благ или социального положения), возвращается к своему изначальному нищенскому положению. Немецкий фразеологизм *Ich kenne meine Pappenheimer* имеет значение «знать своих людей (со всеми их слабостями), знать тех, с кем имеешь дело или тех, кто тебя окружает». Данный оборот восходит к фразе из драмы Ф. Шиллера «Wallensteins Tod»: «*Daran erkenn'ich meine Pappenheimer*» – так отвечает Валенштейн кирасирам полка графа Паппенгейма, которые остались верными Валенштейну после гибели Паппенгейма в битве при Лютцене (1632 г.).

В тех случаях, когда внутренняя форма и фразеологическое значение не имеют никакой общей основы, мы говорим об отсутствии мотивированности на синхронном срезе (напр. ФЕ *бить баклуши*, *свистеть в кулак*, *барашек в бумажке*, *положить зубы на полку*, нем. *von der Schnur leben* (=жить на сбережения)). Чаще всего в эту группу фразеологизмов входят ФЕ, содержащие архаичные компоненты, или ФЕ, уходящие своими кор-

нями в забытые народные поверья, мифы, легенды или отражающие реалии, не актуальные для настоящего времени. В таких случаях для расширения значения ФЕ необходима дополнительная этимологическая информация. Например, в основу ФЕ *Einen falschen Wilhelm tragen* (=разг. носить парик, накладные волосы) легло воспоминание о приказе носить парики, который был издан курфюрстом Wilhelm von Hessen. Во фразеологизме *Frau Holle schüttelt die Federn herunter* (= идет снег) ключевой фигурой является Frau Holle – персонаж известных народных сказок, которая также часто упоминается в народных поверьях, при этом ей приписывалась способность влиять на погоду.

Таким образом, характер мотивировки определяет отношение внутренней формы с общим фразеологическим значением: они могут совпадать полностью или лишь частично, имея общий семантический сектор. Установление мотивированности ФЕ способствует выявлению иерархической структуры составляющих фразеологическое значение семем, определению наиболее ярких признаков денотата и, в конечном счете, позволяет раскрыть механизм фразеобразования.

Связь внутренней формы и образности была отмечена еще в работах А.А. Потебни, который в одном из определений внутренней формы трактует ее как «образ образа»⁵ или, другими словами, как центральное содержание образа. Данное положение можно продемонстрировать на следующем примере. Все ФЕ синонимичного ряда *die Schlinge um den Hals legen*, *jm die Krawatte ziehen*, *jm die Kehle zuschnueren*, *jm die Gurgel zudruecken*, *jm die Luft/ Gas abdrehen* со значением «уничтожить кого-либо» (чаще всего в финансовом отношении) имеют различные образные основы, однако все они построены на едином инварианте внутренней формы: *лишить кого-либо доступа воздуха*, который в свою очередь является составной частью образности, т.е. двупланового восприятия фразеологических единиц, ее важнейшим признаком, позволяющим понять логику двустороннего видения ФЕ. Осознание внутренней формы фразеологизма является залогом яркой образности и, как следствие, яркой эмоционально-экспрессивной окраски ФЕ, однако внутренняя форма, так же как и мотивированность, не является облигаторным условием ее возникновения.

А.Г. Назарян высказывает мысль, что и мотивация, и *tertium comparationis* являются условными и субъективными (как критерии выделения и классификации образности) по ряду причин: 1) у полисемичных ФЕ одно значение может быть мотивированным, а другое нет: отнести одну и ту же ФЕ в одном значении к образным, а в другом к необразным, автор считает искусственным; 2) понятие мотивированности может меняться в зависимости от интеллектуального и общеобразовательного уровня говорящих на данных языках; 3) многие ФЕ связаны с общественно-экономической и про-

изводственной деятельностью народов. Их мотивация в значительной степени зависит от того, к какой социально-профессиональной сфере принадлежит говорящий⁶.

В этом отношении хотелось бы заметить, что само понятие образности ФЕ не является константным и неизменным свойством фразеологизма. В результате определенных семантических изменений в значении и компонентном составе ФЕ образность может несколько угаснуть или стереться совсем. Чаще всего это происходит в тех случаях, когда опорные компоненты ФЕ переходят в разряд архаизмов. В результате значение фразеологизма становится затемненным, теряет свою конкретность, что приводит к тому, что говорящий не может создать в своем сознании легко и непосредственно тот или иной образ, для этого ему необходимо проделать ряд дополнительных операций, в частности, для расшифровки значения данного компонента. Например, ФЕ оставлять при пиковом интересе (ирон.) (=без того, на что рассчитывал), хлебнуть шилом патоки (устар., ирон.) (=получать ничтожную прибыль), сермяжная душа (устар.) (=бедняк, крестьянин), keinen roten Heller haben (umg., veraltet), in Saus und Braus leben, Schwindsucht im Geldbeutel haben. Petrus meint es gut mit uns(=разг. об очень хорошей погоде); Jetzt ist Petrus der Sack geplatzt – (=одновременно гремит гром и сверкает молния; по народному суеверию апостол Петр отвечает за погоду, этим объясняется наличие большого количества оборотов с его именем для описания природных явлений).

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что рассмотренные в данной работе явления являются непосредственно связанными друг с дру-

гом, частично совпадают, накладываются друг на друга и в то же время отличаются по ряду функциональных признаков. Так, внутренняя форма и мотивированность связаны между собой как промежуточные звенья между формой и содержанием, однако различаются по объему заключенной в них информации: если ВФ представляет собой некий внутренний образ, гештальт, то мотивированность раскрывает форму проявления данного образа в целостном фразеологическом значении. Образность ФЕ репрезентирует во фразеологическом значении функцию связующего звена между денотативно-сигнификативным и коннотативным блоками и фиксирует различные способы кодирования информации о мире, связанные с особенностями ментального мировоззрения народа. Отличаясь, в силу раздельнооформленности ФЕ, большей емкостью, информативностью и степенью детализации, образность ФЕ служит важнейшим фактором формирования эмоционально-экспрессивного значения ФЕ.

¹ Телия В.Н. Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении // Фразеология в Машинном фонде русского языка. М., 1990. С. 42.

² Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. С.80.

³ Ройзензон Л.И. Внутренняя форма слова и внутренняя форма фразеологизма // Вопросы фразеологии. Ташкент, 1965. С. 65.

⁴ Мелерович А.М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка. Ярославль, 1979. С. 29.

⁵ Потебня А.А. Мысль и язык. М., 1999.

⁶ Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. М., 1987. С. 137–139.

ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

УДК 681.327.11

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ФОРМЫ КРИВОЛИНЕЙНЫХ ОБЪЕКТОВ В ГРАФИЧЕСКОМ ОФОРМЛЕНИИ

Э.Ф. Балакина

Объектом данного экспериментального исследования является форма кривой линии Безье в графическом оформлении, т.е. ее визуальные характеристики. Его предметом – взаимосвязь между особенностями кривой, т.е. модификацией и комбинацией ее характеристик, и изменениями в субъективном семантическом пространстве, которые отражают реакции реципиентов. Гипотеза исследования формулируется следующим образом: форма кривой линии регулирует восприятие реципиентом графического объекта. Доказано, что основные характеристики кривой линии, такие как амплитуда кривизны (разница между наиболее и наименее изогнутыми частями кривой) и сила тяжести (тяготение линии к горизонтальному или вертикальному направлениям) в совокупности выражают множество значений, определяющих реакцию реципиента.

Описываемый в статье эксперимент посвящен изучению формы кривой линии Безье в графическом оформлении. В любом графическом объекте его наиболее значимой характеристикой является форма. Форма, т.е. очертания объекта, а не цвет или текстура, несет на себе смысловозначительную функцию. Анализируя форму, как общее графическое понятие, можно выделить геометрические примитивы, или простейшие геометрические объекты, такие как прямые линии, прямоугольники, эллипсы, многоугольники, спирали, окружности. Строгой геометрии этих фигур противопоставлены аморфные формы, состоящие из кривых линий. Различают линии, построенные с помощью компьютерных программ векторной графики в режиме произвольных кривых, и кривые Безье. Кривая линия первого типа повторяет передвижения мыши. Эта процедура практически не отличается от традиционного рисования ручкой. Однако кривые первого типа не обладают математической точностью искривления, что определенным образом сужает возможности дизайнера. Этот недостаток компенсирован в кривых линиях, разработанных Пером Безье на основе математических выкладок по теории кривых линий и названных по имени своего создателя. Каждая кривая Безье характеризуется манипуляторами кривизны, которые определяют степень кривизны кривой в точке (рис. 1).

При изменении направления и размера манипулятора кривизны меняется внешний вид кривой. С помощью кривых Безье можно нарисовать любую фигуру, состоящую из множества различных линий. Контур подобных объектов может быть замкнутым или разомкнутым. Эта простая по своей сути конструкция открывает для дизайнера множество возможностей. Кривая линия может получиться либо плавной и стремительной, либо

изогнутой, образуя петли, резкие изгибы и даже изломы.

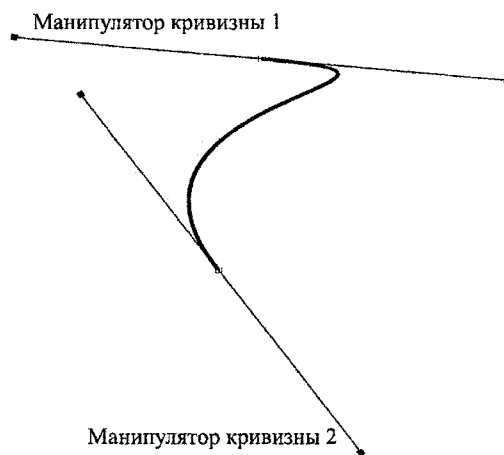

Рис. 1

Объектом данного экспериментального исследования является форма кривой линии Безье, т.е. ее визуальные характеристики. Его предметом – взаимосвязь между особенностями кривой, т.е. модификацией и комбинацией ее характеристик, и изменениями в субъективном семантическом пространстве, которые отражают реакции реципиентов. Гипотеза исследования формулируется следующим образом: форма кривой линии регулирует восприятие реципиентом графического объекта. Эксперимент позволяет определить законы поведения кривых линий, объяснить их выразительные свойства. Основным методом исследования является метод семантического дифференциала Ч. Осгуда, позволяющий выявить семантические связи анализируемых объектов, «зарегистрировать» те сдвиги, которые происходят в индивиду-

альном сознании при изменениях символа-раздражителя»¹.

Будучи визуально бесконечно разнообразными, кривые Безье обладают способностью выражать удивительно широкий диапазон эмоций. Даже вне графического контекста кривая может восприниматься динамичной или вялой, агрессивной или скучной, величественной или нелепой. Кривая линия, внешне достаточно простой объект, может скрывать в себе множество значений и подтекстов, так как при всей своей кажущейся простоте даже разомкнутая кривая с математической точки зрения значительно сложнее любой простой геометрической фигуры, будь то прямоугольник или круг.

Необходимо выделить две важнейшие характеристики кривой линии. Первой является радиус кривизны. Не прибегая к математическому обоснованию, можно утверждать, что этот параметр определяет внешний вид кривой линии, т.е. ее изогнутость. Радиус кривизны – это характеристика не всей кривой в целом, а точки, принадлежащей ей. Различные части кривой могут иметь различные показатели кривизны, от низкой, когда кривая стремится к прямой, до высокой, создающей крутые изгибы. Поэтому более важным с практической точки зрения является понятие амплитуды кривизны. Чем больше разница между наиболее и наименее изогнутыми частями кривой, тем больше является показатель амплитуды кривизны. С этой точки зрения нет принципиального различия между прямой линией и окружностью. В обоих случаях показатель амплитуды кривизны равен нулю. Вполне понятно, что заметная амплитуда кривизны наделяет кривую активным, динамичным характером. Поэтому эллипсы при восприятии кажутся интереснее окружностей, чей радиус кривизны постоянен, что создает невыразительную симметрию.

Проведенный анализ визуального облика кривой Безье привел к выделению другой не менее значимой характеристики кривой линии – ее отношению к двум важнейшим направлениям в любой композиции: горизонтальной и вертикальной осям. Даже в случае отсутствия видимого горизонтального или вертикального направления композиции, что случается крайне редко, наше восприятие, привыкшее к постоянному опыту гравитации, наделяет все, что мы видим, воображаемыми осями координат. Данный аспект наиболее ярко реализуется в прямых линиях. Вертикальное, горизонтальное тяготение подразумевает четкие противопоставления. С этой точки зрения оценивать восприятие прямых линий проще. Однако разнообразие кривых линий также говорит об их зависимости от направлений. Для обозначения этого параметра изменения кривой линии стоит прибегнуть к термину из физики, а именно обозначить его как силу тяжести. Максимально сила тяжести выражена в строго вертикальных и горизонтальных прямых линиях. Любая линия в этом случае, в том числе и кривая, производит впечат-

ление статичности. Тяготение кривой к диагонали, придающее ей динамичность, свидетельствует о минимальном показателе силы тяжести.

Попытка систематизировать все многообразие кривых Безье неизбежно приводит к созданию системы координат с двумя осями: амплитуды кривизны и силы тяжести. С помощью компьютерной программы векторной графики были созданы произвольные объекты, иллюстрирующие различные комбинации вышеупомянутых параметров. На графике 1 можно проследить, что показатели амплитуды кривизны увеличиваются слева направо, а силы тяжести – снизу вверх.

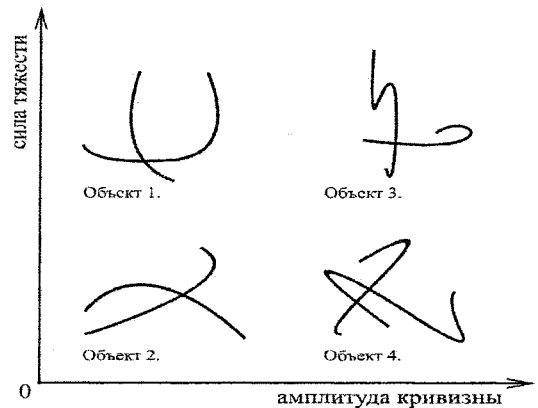

Рис. 2

В объекте 1 сочетаются низкая амплитуда кривизны и высокая сила тяжести. Объект 2 характеризуется низкими показателями амплитуды кривизны и силы тяжести. В объекте 3 явно прослеживается сильная степень искривленности, а также тяготение к горизонтали и вертикали, что отсутствует в объекте 4, где большая амплитуда кривизны сопровождается диагональной направленностью.

Исследованию гипотетического регулирующего воздействия характеристик данных объектов предшествовал этап отбора шкал для ассоциативного эксперимента. Реципиентам предлагалось оценить четыре разработанные композиции с кривыми Безье и давалась установка: записать не менее 20 определений (имен прилагательных), отражающих ассоциации, возникшие при восприятии рисунков. Было опрошено 25 реципиентов. Следующим шагом было составление общего списка прилагательных, определение частоты их упоминания. Всего реципиентами употреблено 246 прилагательных. В результате были отобраны прилагательные, предложенные 2 и более участниками эксперимента. Далее для каждого прилагательного подбирался антоним, представляющий собой либо отсутствие (наличие) признака, указанного в первом члене пары (например, *несвободный* – *свободный*, *неяркий* – *яркий*), или негативную (положительную) характеристику (например, *жесткий* – *мягкий*, *низменный* – *величественный*). В некоторых случаях второй член пары определялся исходя из семантики слова (например, *неуклюжий* – *изящный*, *консервативный*

Зеленые страницы

– либеральный). В результате была получена шкала с 44 парами определений. Первым членом пары становилось прилагательное с негативной или условно негативной характеристикой.

Основной этап экспериментального исследования предполагал выявление эстетического и эмоционального воздействия визуальных характеристик каждого из четырех объектов, представленных на графике 1. В группу респондентов на втором этапе эксперимента вошли лица женского и мужского пола в возрасте от 16 до 57 лет; студенты, люди со средним общим и специальным образованием, с высшим образованием. Всего было опрошено 127 респондентов, профессиональные интересы которых лежат в технической, филологической, психологической, социологической, экономической, юридической, управленческой областях. 20% реципиентов связаны с рекламной, дизайнерской и полиграфической деятельностью. Экспериментальное задание заключалось в сле-

дующем: реципиентам раздавались анкеты, содержащие четыре графических объекта. Реципиенты визуально оценивали их. Анкеты содержали инструкцию: «Оцените рисунок по приведенным ниже признакам, используя шкалу от – 3 до +3 следующим образом: 3 – максимальная выраженность признака, 2 – средняя, 1 – слабая, 0 – невыраженность признака. Обведите кружком одну выбранную вами цифру в каждой строке». Ниже следовали 44 экспериментальные оси (пары антонимов), по которым реципиенты оценивали каждый рисунок. Анкеты с ответами были подвергнуты математической обработке. Для каждой оси высчитывался среднearифметический показатель. Минусовой результат свидетельствует о выраженности признака, представленного первым членом антонимической пары. Положительный показатель свидетельствует о выраженности противоположного признака. Результаты эксперимента представлены в табл. 1.

Таблица 1

№	Биполярные оси	Объект 1	Объект 2	Объект 3	Объект 4
1	2	3	4	5	6
1.	Буйный – спокойный	0,948	-0,431	-1,578	-2,189
2.	Скучный – интересный	-0,638	0,414	1,440	1,491
3.	Онсервативный – либеральный	-0,043	0,431	0,905	1,112
4.	Напряженный – расслабленный	1,371	-0,060	-0,940	-1,026
5.	Несвободный – свободный	0,655	0,397	0,405	0,509
6.	Низменный – величественный	0,017	0,224	0,543	0,534
7.	Медлительный – быстрый	-0,664	0,560	1,603	2,103
8.	Невзрачный – выразительный	-0,302	0,155	1,534	1,543
9.	Слабый – мощный	-0,414	0,224	1,259	1,491
10.	Неуклюжий – изящный	-0,198	0,267	0,922	0,233
11.	Банальный – оригинальный	-0,638	0,190	1,457	1,578
12.	Неудобный – удобный	0,621	0,043	-0,302	-0,664
13.	Небрежный – аккуратный	0,560	0,026	-0,612	-0,948
14.	Безвольный – волевой	-0,034	0,319	0,776	0,828
15.	Узкий – просторный	1,379	-0,328	-0,076	0,483
16.	Апатичный – динамичный	-0,250	0,534	1,534	1,733
17.	Асимметричный – симметричный	-0,758	-0,810	-0,724	1,267
18.	Бескомпромиссный – уступчивый	0,664	-0,164	-0,810	-1,017
19.	Жесткий – мягкий	1,397	-0,078	-0,819	-1,086
20.	Пассивный – активный	-0,371	0,620	1,500	1,897
21.	Земной – божественный	-0,466	-0,560	0,009	0,026
22.	Рыхлый – плотный	-0,121	0,319	0,526	0,491
23.	Недекоративный – декоративный	-0,345	0,026	0,621	0,276
24.	Дикий – домашний	0,879	-0,190	-1,345	-1,293
25.	Некруглый – круглый	0,741	-0,888	-1,207	-1,466
26.	Злой – добрый	1,439	0,120	-0,302	-0,586
27.	Классический – современный	-0,198	0,172	1,216	1,422
28.	Некрасивый – красивый	0,483	0,250	0,698	0,509
29.	Хаотичный – упорядоченный	0,440	-0,216	-0,893	-1,371
30.	Тяжелый – легкий	0,655	0,414	0,060	-0,155
31.	Грубый – нежный	0,905	-0,086	-0,422	-0,707
32.	Неприятный – приятный	0,879	0,379	0,500	0,129
33.	Вялый – бодрый	-0,052	0,612	1,526	1,500
34.	Несовершенный – совершенный	-0,043	-0,052	0,112	0,120
35.	Случайный – преднамеренный	-0,233	-0,241	-0,483	0,690
36.	Грустный – радостный	0,086	0,147	0,845	0,767
37.	Однообразный – разнообразный	-0,673	-0,052	1,345	1,319
38.	Женственный – мужественный	-0,388	0,362	0,405	0,560

1	2	3	4	5	6
39	Холодный – теплый	0,741	-0,302	-0,414	-0,517
40	Обычный – удивительный	-0,733	-0,155	0,983	1,017
41	Нехудожественный – художественный	-0,233	0,207	0,509	0,267
42	Непредсказуемый – предсказуемый	0,819	0,138	-0,871	0,922
43	Неяркий – яркий	-0,466	0,112	1,233	1,431
44	Отталкивающий – привлекательный	0,707	0,362	0,871	0,672

* Цветом выделены числовые показатели, чьи модули выше среднеарифметического, вычисленного для каждого рисунка в отдельности, что позволяет определить доминирующие характеристики.

** Цветом и жирным шрифтом выделены по шесть (для каждого рисунка) числовых показателей, чьи модули максимальны, что свидетельствует о максимальной выраженности признака.

На основании данных, представленных в табл. 1, были определены доминирующие определения для каждого объекта (табл. 2). Определения представлены в порядке убывания количественного показателя их выраженности.

Таблица 2

	Объект 1	Объект 2	Объект 3	Объект 4
Эмоциональные и эстетические характеристики	Добрый	<i>Некруглый</i>	Быстрый	<i>Буйный</i>
	мягкий	<i>асимметричный</i>	буйный	быстрый
	просторный	активный	выразительный	активный
	расслабленный	бодрый	динамичный	динамичный
	спокойный	быстрый	бодрый	оригинальный
	нежный	<i>земной</i>	интересный	выразительный
	домашний	динамичный	оригинальный	бодрый
	приятный	либеральный	интересный	интересный
	предсказуемый	буйный	разнообразный	мощный
	<i>асимметричный</i>	интересный	разный	<i>некруглый</i>
	круглый	легкий	<i>дикий</i>	яркий
	теплый	свободный	мощный	современный
	обычный	приятный	яркий	современный
	привлекательный	мужественный	современный	<i>хаотичный</i>
	<i>однообразный</i>	привлекательный	<i>некруглый</i>	разнообразный
уступчивый	узкий	удивительный	<i>дикий</i>	
<i>медлительный</i>	волевой	<i>напряженный</i>	симметричный	
свободный	плотный	<i>напряженный</i>	либеральный	
легкий	<i>холодный</i>	изящный	либеральный	
скудный		либеральный	<i>жесткий</i>	
банальный		<i>хаотичный</i>	<i>напряженный</i>	
удобный		привлекательный	удивительный	
аккуратный		<i>непредсказуемый</i>	<i>бескомпромиссный</i>	
		радостный		

Примечание. Курсивом представлены отрицательные характеристики. 6 наиболее выраженных характеристик выделены жирным шрифтом.

Можно видеть, что каждый объект, отображенный на графике, наделен особым спектром значений, что подтверждает гипотезу о регулирующем воздействии формы кривых линий Безье, представленной двумя параметрами – амплитудой кривизны и силой тяжести. Однако эти значения пересекаются у объектов, сходных по показателям либо амплитуды кривизны, либо силы тяжести. Так, первая и вторая композиции кривых линий, характеризуемые низкой амплитудой кривизны, обладают следующими общими характеристиками: классический, упорядоченный, предсказуемый, тяжелый, земной, домашний, расслабленный, аккуратный, нежный. Высокая амплитуда кривизны (объекты 3, 4) ассоциируется с такими понятиями, как динамичный, непредсказуемый, оригинальный, выразительный, художественный, радостный, современный, жесткий, напряженный и хаотичный. Разница в восприятии объектов с различной силой тяжести не так очевидна, что закономерно, так как направление композиции не является характеристикой, столь же яркой и очевидной, как изогнутость линии. Однако можно проследить, что кривые линии с низким показателем силы тяжести (объекты 2, 4), т.е. стремящиеся к диагональному направлению, воспринимаются как более мужественные, быстрые, буйные, холодные, менее привлекательные и приятные, скорее как неуклюжие, нежели изящные. Данные выводы позволяют утверждать, что оба параметра кривой линии воздействуют только в комбинации друг с другом.

Результаты эксперимента можно использовать при анализе или создании любого графического объекта или компонента графического оформления печатного текста. Анализ можно подвергнуть живописное полотно, композицию рекламного модуля, иллюстрацию, использованную при создании печатной рекламы, даже знаки той или иной гарнитуры шрифта. При этом необходимо создать лишь композиционный скелет объекта, состоящий из одной или множества кривых Безье. Учет воздействующего потенциала той или иной комбинации упомянутых характеристик при создании художественных объектов неизменно приведет к результату, соответствующему поставленной прагматической цели.

Известно, что реклама ориентирована на оказание регулирующего воздействия, т.е. преследует цель повлиять на поведение реципиента. Из всех источников полиграфической рекламы именно

Зеленые страницы

«периодическая печатная продукция наиболее регулярно и последовательно привлекает внимание большинства потенциальных реципиентов»². Поэтому в соответствии с целью эксперимента для апробации полученных данных был выбран материал, оказывающий наибольшее регулирующее воздействие на его восприятия реципиентом, а именно графически оформленные блоки рекламных текстов в «глянцевых» печатных изданиях: *Cosmopolitan* и *Men's Health*. Отбор материала обусловлен самыми большими тиражами данных изданий в России и высоким (по сравнению с газетным) качеством полиграфического оформления рекламных текстов. Были выбраны два (по одному из каждого журнала) рекламных макета одного и того же товара, а именно обуви, представляющие относительные противоположности с точки зрения их композиционного построения (рис. 3).

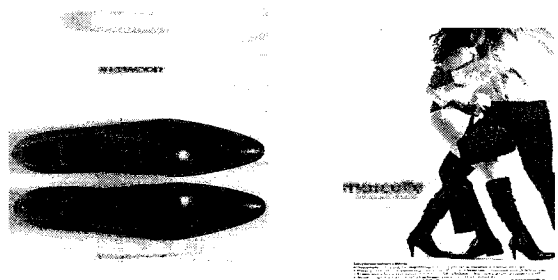

Рис. 3

Далее композиция каждого была подвергнута графическому анализу, в результате чего были получены сложные объекты, состоящие из четырех построенных с помощью компьютерной графической программы кривых линий Безье (рис. 4). Полученные кривые Безье представляют основные композиционные черты графического оформления данных модулей.

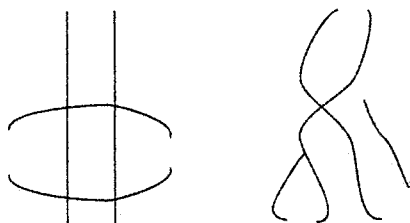

Рис. 4

На рисунке можно заметить, что левая композиция (реклама из мужского журнала) состоит из кривых, чей показатель силы тяжести стремится к максимуму, т.е. в рисунке явно прослеживается тяготение к вертикали и горизонтали. При этом значение амплитуды кривизны невелико, т.е. композиционно реклама схожа с объектом 1. Правая композиция (реклама из женского журнала), наоборот, представлена кривыми с выраженными изгибами, не стремящимися принять ни вертикальное, ни горизонтальное положение, т.е. очевидна аналогия с объектом 4. Обобщая эстетиче-

ские качества объекта 1, можно утверждать, что рекламируемая в мужском журнале обувь производит впечатление респектабельного товара для уверенных в себе мужчин, ассоциируется с отдыхом, ощущением свободы, расслабленности, стабильности в будущем. Второй рекламный сюжет, чья композиция схожа с объектом 4, позиционирует обувь как товар для современных, независимых, ярких женщин, ведущих активный образ жизни.

Таким же образом можно проанализировать воздействующий потенциал четырех шрифтовых гарнитур, часто используемых при создании печатных рекламных текстов: Verdana, Garamond, Courier New, Monotype Corsiva. Шрифт – это упорядоченная графическая форма определенной системы письма, которая является мощным средством эстетического оформления текста, как носителя информации. «Шрифт служит не только для передачи информации, он еще и рождает у читателя зрительные образы»³. Именно эта его функция и представляет интерес с точки зрения воздействующего потенциала графического оформления рекламного текста. Знаки любого шрифта, состоящие из криволинейных объектов, очень показательны в изучении кривых. Действительно, кривые определяют внешний облик каждой отдельной буквы, а, следовательно, и характер шрифта, его восприятие. Шрифт, лишенный цветового и текстурного разнообразия, аккумулирует свой воздействующий потенциал в форме, а именно в характере линий, составляющих его знаки. Стоит отметить, что в большинстве случаев текстовый фрагмент существует в прямоугольной системе координат и поэтому ориентирован строго горизонтально и вертикально. Вследствие этого буква изначально наделена горизонтальной и вертикальной осями. При диагональном размещении текстового модуля, роль направляющих выполняют горизонтальные засечки. Это объясняется необходимостью удержать взгляд читателя на строке. Тем не менее, существуют некоторые знаки, чье начертание значительно варьируется в различных гарнитурах. Например, буква «л». Легко заметить, что в перечисленных гарнитурах ее графический облик соответствует четырем, уже изученным, экспериментальным объектам (рис. 5).

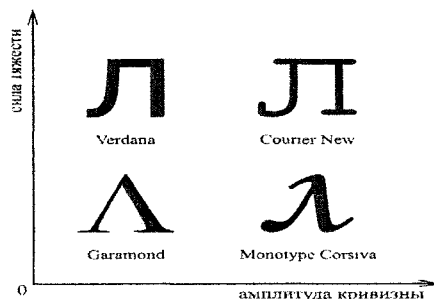

Рис. 5

На основе данных проведенного эксперимента можно сделать выводы, что гарнитура Verdana

производит впечатление спокойной, аккуратной, удобной для восприятия графической формы письма. Garamond ассоциируется с идеей свободы, мужественности, стабильности и процветания. Нестандартный, изящный, активный образ Courier New наводит на приятные мысли. Monotype Corsiva воспринимается как динамичная, оригинальная гарнитура, наделенная ярким характером и большой выразительностью.

Экспериментальное исследование эстетического воздействия кривых линий, составляющих знаки данных гарнитур, позволяет вывести правила успешного их использования. Verdana может успешно рекламировать товары и услуги для семьи, детей: семейный отдых, детскую одежду, продукты питания. Garamond подходит для рекламы товаров для мужчин, например: мужских часов, ароматов, мобильных телефонов. Courier New, ассоциирующийся с радостным ожиданием, рекомендуется использовать для рекламы путешествий, спортивных товаров, здорового питания. Гарнитура Monotype Corsiva оптимальна для рекламы составляющих динамичного образа жизни сильного человека: автомобилей, предметов роскоши, спиртных напитков, развлекательных комплексов. Однако следует отметить, что воздействующим потенциалом обладают не только два исследован-

ных параметра формы кривых линий, составляющих знак той или иной гарнитуры шрифта. Для изучения регулирующего воздействия гарнитуры шрифта в целом необходимо учитывать и другие важные характеристики шрифта: кегль, контрастность, жирность, плотность, закругленность, наличие засечек и подсечек и др. Указанное замечание в равной степени касается и изучения регулирующей функции графического оформления рекламного текста, так как его воздействующий потенциал складывается из множества факторов: цвета, формы, пространственных отношений и др. Выводом на данном этапе исследования является положение о том, что форма кривой линии, как важнейший компонент графического оформления любого объекта, воздействует на его восприятие реципиентом.

¹ Надеина Т.М. Фразовая просодия как фактор речевого воздействия. М., 2003. С. 7.

² Пищальникова В.А., Нестеренко С.П. Экспериментальное исследование гарнитуры шрифта как регулятора восприятия и понимания печатного текста // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 77.

³ Вильберг Г.П., Форсман Ф. Азбука книжного дизайна / Пер. с нем. В.Г. Еременко; В редакции к.т.н. А.В. Иванова. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2002. С. 12.

ЛИНГВО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ИРОНИИ

К.А. Воробьева

Статья посвящена исследованию лингво-культурологических особенностей формирования иронии в филогенезе. На основе сопоставления некоторых явлений культуры Древней Греции и современных народов, оставшихся на примитивном уровне развития, делается вывод о схожести этапов формирования иронии, её первоначальных мотивах и сферы употребления, а также форм реализации иронии в выше названных типах культур.

Иронию традиционно относят к области комического, из-за реакции смеха, которую она часто вызывает. Известно, что смех как физиологическая реакция – это явление надкультурное, характерное для всех наций и культур. При этом иронию в современном её понимании не всегда можно встретить в культурах, оставшихся на примитивном уровне развития, а если и встречаются зачатки иронии, то сфера её употребления имеет свои характерные особенности. Во многом эти особенности напоминают этапы формирования иронии в Античности. И если исходить из положения, что способ мировосприятия в некоторой мере универсален для всех людей, то можно путём сопоставления и реконструкции проследить процесс формирования и развития иронии. С этой целью для исследования филогенеза иронии мы будем обращаться к анализу культурных явлений некоторых народов крайнего Севера России в сопоставлении с подобными явлениями культуры Древней Греции.

Исследователи проблем комизма и смеха подчёркивают, что смех и шутки в примитивных культурах носят «карнавальный» характер, область их применения строго регламентирована, и предназначена в основном для установления контакта с духами. Исследователи также отмечают, что он играет большую роль в ритуалах, чем в повседневной жизни. Например, у якутов смех является обязательной частью промысловых обрядов и представляет собой магический акт, направленный на возрождение убитого зверя ради вторичной его поимки. Цель этого смеха – выразить удовольствие и благодарность духу Баай Байанае (хозяину леса), пославшему зверя. Смехом сопровождается также и обряд рождения (как и зачатия), и является знаком удовлетворения.¹ Схожие ритуалы и их мотивы встречаются практически у всех малых народов, населяющих Сибирь, а так же в племенах американских индейцев. Исследователи также отмечают, что в непосредственном повседневном общении между людьми смех и шутки не приветствуются. Например, «у калмыков, и не только у них, считается, что речь, сопровождаемая смехом, – признак лгуна»². То есть, область комического ограничивается здесь сферой общения с богами.

Интересен факт, что и античную иронию, формально выраженную антифразисом, мы также впервые встречаем в мифах, где беспощадные богини судьбы, обычно предрекающие смерть героев, названы «Парки», т.е. «щадящие»; а яростные и злобные богини мести «Эвмениды» назывались «милостивые», «благосклонные». При этом становится очевидным, что эти притворно-хвalebные имена давались богам не с целью их высмеять, а, вероятно, с целью умиловить их.

Таким образом, на первом этапе своего формирования ирония не имеет ничего общего с насмешкой, и не имеет агрессивного начала. Это подтверждает и факт, что этимологически слово «ирония» означает нейтральное по своей эмоциональной окраске слово «говорю» (греч. εἰρβωια), поэтому иронизировать первоначально означало просто «говорить».

Замечено, что во многих культурах, оставшихся на первобытном уровне развития, существует особое отношение к слову, которое якобы имеет магическую силу. Подобное трепетное отношение к слову имела и христианская традиция, которая наделяла его всеобразующим началом: «В начале было Слово, и Слово было Бог...». Интересно отношение к словам у якутов: они их одушевляли («тыл иччитэ» – «дух – хозяин слова»). Едва успев вылететь из уст человека, каждое слово приобретало собственную жизнь. Якуты делили слова на «добрые» и «опасные»³. Бытовало языковое табу «быһа этимэ» («не срежь словом»), смысл которого заключался в том, что «над головой говорящего словно на тоненькой ниточке висит убийственная, зловредная сила «опасного слова», и говорящий своей неосторожностью, как ножницами, срезает эту роковую нить»⁴. Такое отношение к слову приучало к сдержанности в речах, особенно в самооценке: хвалить себя считалось так же опасно (можно сглазить), как и ругать других. Итак, первоначально основным мотивом употребления иронии как в древнегреческой традиции, так и у народов Севера, был страх перед завистливыми богами. На этом этапе ирония пока не связана с моралью и этикой, а связана с областью сверхъестественного.

С течением времени в Античности слово «εἰρήνεια» из простого «говорить» превращается в синоним слову «лстить», а человека, употребляющего в повседневной жизни приём иронии, стали называть «ироником», то есть «обманщиком», «лицемером», «говорящим одно, а думающим другое». Вероятно, это произошло ещё и потому, что слово «говорить» в древнегреческом означало также «заговаривать», то есть «пользоваться заговором», таким образом, корень этого слова имел и ритуальное значение (которое остается в этимологии русского слова «врач», родственное старославянскому и русскому «вру», «врать»). Возможно, поэтому слова «ирония» и «ироник» стали нести отрицательную эмоциональную окраску. Итак, наступает второй этап становления иронии, когда она становится синонимом слову «лстить» и входит в повседневное употребление; здесь уже появляется связь с этической стороной общения.

Примечательно, что и в Древней Греции, и у некоторых народов Севера ирония, употребляемая в повседневной жизни, первоначально по форме представляла собой только утрированную скромность, самоуничижение. Так, самого Сократа современники часто упрекали за притворно уничижительную манеру поведения. Древнегреческий мыслитель Феофраст полагал, что ирония – это старание *прибедниться в действиях и словах*. Другой античный мыслитель Полемон писал: «Ирониками греки называют людей очень скрытных и людей с неясной мыслью, которые *свое недооценивают и оказывают предпочтение тому, что находится у других*, и лицо у которых не выражает их подлинных чувств, оно притворное, покамест он не выдаст себя известными знаками и проявлениями»⁵. Такую же форму имеет ирония в якутской традиции. К примеру, на упрек в медлительности якут может ответить: «Я, хоть и с неповоротливым умом и речью...». Так, острое копье иронии может быть направлено только на самого себя. Но это ещё не самоирония в современном значении, так как иронизировать по поводу себя в современном понимании означает смеяться над собой, своими недостатками. На данном же этапе это скорее просто «шутовское» поведение.

Тот факт, что ирония имела форму преимущественно самоуничижения, безусловно, связан с этической стороной, с религиозным осмыслением места человека на земле. Практически во всех культурах одной из самых благодетельных черт считается скромность. К примеру, в якутской традиции только дьяволы – абааһы из Нижнего мира, расписывающие свои сомнительные красоту, силу, ловкость и ум, отличаются безмерным хвастовством. Например, тёмный дух Кээлээни (дух сластолюбия, божеество, возбуждающее чувство половой любви), для которого свойственно «шутовское» поведение. «Будучи, по представлениям якутов, хромым на обе ноги, со скошенным на бок лицом и к тому же зайкой, он гордо прохаживается и «строит рожи», при-

говаривая: «Девки девяти родов верхнего места – все мои любовницы, девки среднего места – все мои любовницы, девки нижнего места – все мои любовницы. Да и как в меня не влюбиться? Я и на лицо славный человек, отличный... Посмотрите, какой я высокий, разве я не славный человек? Голені мои длинные, разве я не славный человек?»⁶. Житель же Среднего мира должен быть скромным, обладать смирным, кротким нравом. Эти требования, будучи в сущности общечеловеческими, совпадают с моральными установками, принятыми среди представителей различных конфессий.

Что же касается мотивов употребления иронии на этом этапе её развития, то он схож в сравниваемых культурах: нарочито принижая себя, захваливают собеседника, чтобы обнаружить его намерения или возможности. Притворное самоосмеяние могли использовать также и в корыстных целях. Например, персонаж адыгской сказки «Сатабыллаах Сааба» («Находчивый Савва»), захваливая хозяек, раздаёт им костистые части гуся, а себе оставляет целую тушку. Нарочито принижая самого себя, Савва, сыплет каламбурами, приговаривая: «Бутэй кохсо бутэй акаары киһиэхэ, миэхэ, тиксиэхтээх» («Набитое туловище должно достаться мне, набитому дураку»)⁷. В письменных текстах такая самоирония, комментируется так: «Бэйэм бэйэбиттэн сонньуйдум» («Усмехнулся по поводу самого себя»)⁸. По сути, среди всех мотивов «самоиронии», нередко переплетающихся между собой, в примитивных культурах преобладает все же игровой, при явном отсутствии агрессивных подтекстов. Употребляя иронию, которая выражалась как нарочитое самоуничижение, человек понимает, что, в сущности, он вовсе не достоин унижения.

Говоря об отношении к иронии, употребляемой в повседневной жизни, можно отметить, что и в Античности, и у народов Севера, оно скорее негативное (в качестве исключения можно назвать Аристотеля, который приписывал ей противоположность хвастовству, называл приятной тонкостью мысли и обращения, подчёркивал бескорыстность её смыслового заострения и связь с величавой, свободной и благородной личностью человека). Другие же античные мыслители, такие, как Демосфен, Плутарх, Динарх, Фотий, Гесихий, Феофраст, Аристон и др., подчёркивали в ней лишь лстливость, корысть, скрытность взглядов и намерений; или полагали, что ироник – это вежливое название для лентяев, ненадёжных и беспечных людей. Ирония же, например, в якутском этикете позволительна лишь в адрес менее скромного собеседника, иначе она также будет считаться признаком хвастовства. Существуют также племена, в которых к осмеянию отношение ещё более негативное. Например, у народов, населяющих острова Юго-Восточной Азии и у некоторых племен индейцев Северной Америки, объект насмешки нередко кончает жизнь самоубийством. Так, в племени Ашанти (Западная Африка) самоубийство рассматривается как тяжкий грех.

Зеленые страницы

Однако в двух случаях оно разрешено. Общественное мнение оправдывает самоубийство, причиной которого является боязнь попасть в плен во время войны и стремление избежать осмеяния.⁹

Необходимо заметить, что античная ирония, проходя сквозь века, претерпевала дальнейшие изменения: она изменялась по форме, усложнялись средства её выражения (теперь это не только антифразис), расширялась тематика, она становилась более интеллектуальной, появлялся агрессивный оттенок и т.д. Ирония же у северных народов так и осталась на уровне притворной похвалы, и при этом распространена не так широко, как притворная брань. К примеру, обмен «словами-гумаками» (так называемые «отношения подшучивания») распространён в адыгском этикете (а так же у целого ряда народов). «Отношения подшучивания» – двойное притворство. Люди, которые не терпят друг друга на самом деле, притворяются, будто не терпят друг друга лишь в шутку. Это считается лучшим средством предотвращения конфликта, потому что притворные любезности (в случае иронии) хуже притворной перебранки. В первом случае накапливающаяся враждебность все равно прорвется наружу, а во втором – она находит себе узаконенный выход и потому ослабевает.

Итак, в основе комического в «примитивных» культурах лежит дружелюбно-игровой мотив, который перекрещивается с культурной (магической) мотивировкой, и если и вызывает смех, то по нашему мнению, это скорее юмор, чем ирония. К тому же сама сниженная тематика комического (одним из главных источников комического в выше рас-

смотренном фольклоре является образ человеческого тела, его физиологические функции и нарушение природных норм) не позволяет в полном смысле слова считать его иронией, основной из характеристик которой, по мнению большинства языковедов, является интеллектуальность. Самоуничижение, ныне ставшее юмористической или иронической условностью (как у якутов), некогда служило оберегом от неприятностей со стороны мелочливо-мстительных высших сил, и в прошлом имело магический смысл, ныне забытый. А притворно хвалебные имена, которыми древние греки называли своих богов, и рассматриваются нами теперь как ирония, давались так же с целью умиловить их. Вероятно, таков филогенез иронии.

¹ Иванов С.В. Старинный якутский обряд, связанный с рождением ребёнка // Сборник МАЭ. М., 1971. Т. 27, С. 146.

² Козинцев А.Г. Об истоках антиповедения, смеха и юмора // Смех: истоки и функции. СПб., 2002. С. 217

³ Романова Е.Н. Люди солнечных лучей с поводами за спиной. М., 1997. С. 122.

⁴ Николаев С.И. О происхождении якутских легенд. Якутск, 1961. С. 56.

⁵ Лосев А.Ф. Итоги тысячелетнего развития // www.psylib.org.ua. С. 5.

⁶ Христофорова О.Б. Функции смеха в ритуале: смех и знак // Смех: истоки и функции. СПб., 2002. С. 79.

⁷ Якутские сказки. Якутск, 1994. С. 239.

⁸ Унарокова Р.Б. Зэфэусэ (поэтические прения) в культуре общения адыгов // Формы общения адыгов. Майкоп, 1998. С. 112.

⁹ Дземидок Б. О комическом. М., 1974. С. 113.

МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА НА МАТЕРИАЛЕ ОБРАЗОВАНИЯ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ НЕПРАВИЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

О.В. Евсеева

В статье рассматривается определение ментального лексикона, анализу подвергаются некоторые модели функционирования лексикона при образовании форм прошедшего времени правильных и неправильных глаголов английского языка: модель построения по правилу, извлечения из ассоциативной памяти и синтезирующая эти подходы «модель скачек».

Языковое сознание как объект исследования не является непосредственно данным. Для анализа национально-культурной специфики языкового сознания необходимо рассмотреть его отражение в языке. Исследователь может изучать его опосредованно, через продукты речи. В связи с этим особое значение приобретает проблема организации ментального лексикона и доступа к отдельным его ячейкам, так как это связано со спецификой механизма порождения высказываний в данном языке.

В период доминирования идей порождающей грамматики Н. Хомского лексикон рассматривался как компонент порождающей модели языка, выполняющий подсобную роль по отношению к грамматике¹. В рамках этих представлений синтаксис функционирует в языке на основе алгоритмов, те или иные фонетические процессы также можно объяснить на основе правил, а лексикон является хранилищем той информации, которую невозможно получить из правил с помощью дедукции.

Тем не менее, при описании конкретной культуры лингвисты и антропологи получают важнейшую информацию из исследования лексикона ее носителей. Для психолингвистики и лингвокультурологии незаменимы знания о культуроспецифичных концептах и лакунах, которые выражены или отсутствуют в лексике. В настоящее время с развитием психолингвистики подтвердилась ведущая роль лексикона, который определяется как *система, отражающая в речевой способности знания о словах и эквивалентных им единицах и выполняющей сложные функции, связанные как со словами, так и со стоящими за ними структурами репрезентации энциклопедических знаний*².

При анализе феномена продуцирования форм прошедшего времени неправильных глаголов в английском языке мы рассмотрели теорию генеративной фонологии Н. Хомского и М. Халле³, согласно которой все парадигмы образования прошедшего времени правильных и неправильных глаголов построены по конкретным правилам, и теорию коннекционизма Д. Румельхарта и Дж. МакКлелланда⁴, в которой форма прошедшего

времени извлекается из ассоциативной памяти. С нашей точки зрения, обе теории применимы к процессу образования форм прошедшего времени, но, вслед за Э. Спенсером⁵ мы полагаем, что носители языка используют два вида правил. Это правила, которые позволяют свободно генерализировать материал (в случае с правильными глаголами) и правила лексической избыточности, которые фиксируют сходные модели функционирования слов, хранящихся в ассоциативной памяти (в случае с неправильными глаголами).

В психолингвистике существует гипотеза, согласно которой правильный глагол и его форма прошедшего времени расположены в одной ячейке ментального лексикона, а неправильный глагол и соответствующая ему форма прошедшего времени – в разных, поэтому они более самостоятельны и исторически мобильны⁶. Так, в истории английского языка зафиксирован факт, когда *went* – форма прошедшего времени глагола *wend* – перешла к глаголу *go* в период образования его супплетивной парадигмы *go–went–gone*.

Данная гипотеза была проверена в эксперименте, в котором участники должны были воспроизводить форму прошедшего времени предложенного им глагола в условиях нехватки времени⁷. Глаголы были представлены в парах с одинаковой частотностью форм настоящего времени и различной – прошедшего. Более частотные формы прошедшего времени неправильных глаголов воспроизводились быстрее, чем менее частотные, они были, как и предполагалось, более прочно зафиксированы в памяти вследствие частого употребления. Однако в случае с правильными глаголами подобного эффекта не наблюдалось: менее частотные формы воспроизводились с той же скоростью, что и более частотные, то есть участники эксперимента не воспроизводили их по памяти, а формировали в процессе говорения по правилу.

При произнесении формы прошедшего времени неправильного глагола она не только вычленивается из памяти, но и подавляет действие правила «основа+ed», этот феномен был назван *блокировкой*⁸. Согласно одной из гипотез, в процессе вос-

произведения форм прошедшего времени сначала происходит сканирование списка неправильных глаголов в сознании говорящего, а затем, если формы данного глагола там нет, формирование прошедшего времени суффиксальным способом. Однако в таком случае наименее частотный неправильный глагол должен воспроизводиться быстрее, чем наиболее частотный правильный глагол, что не соответствует результатам опыта. Наиболее вероятно, механизм сверки со списком и механизм формирования по правилу действуют параллельно. В процессе поиска ингибитор, связанный с механизмами памяти, замедляет действие правила и, как только соответствующая форма обнаружена, временно прекращает его действие («модель скачек»). Иногда в действии ингибитора наблюдается сбой, и возникают речевые ошибки: *I choosed that one** (*I chose that one*).

Если доступ к ячейке с нужной формой прошедшего времени нечеток или заблокирован, речевые ошибки принимают характер правила для конкретного говорящего, например, многие носители языка произносят *slayed* вместо *slew* и не считают это ошибкой. При повышении частотности таких вариантов появляются дублиеты *slew/slayed*, *stroke/strived*. По результатам исследования Майкла Уллмана⁹, дублетная форма прошедшего времени появляется у менее частотных глаголов (*dived/dove*), причем с течением времени неправильная форма уступает правильной.

В результате анализа теории генеративной фонологии Н. Хомского и М. Хале, теории коннекционизма Д. Румельхарта и Дж. МакКлелланда

и взглядов Э. Спенсера мы пришли к выводу о том, что в процессе образования форм прошедшего времени неправильных глаголов в английском языке механизмы сверки со списком и формирования по правилу действуют параллельно.

¹ Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 2000. С. 137

² Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

³ Chomsky N., Halle M. The Sound Pattern of English. Cambridge, 1968/1991. P. 54.

⁴ Rumelhart D.E., McClelland J.L. On Learning the Past Tenses of English Verbs// J.L. McClelland, D.E. Rumelhart & the PDP Research Group. Parallel Distributed processing: Explorations on the Microstructure of Cognition. Vol. 2. Psychological and Biological Models. Cambridge, 1986. P. 112.

⁵ Spencer A. Morphological Theory. Cambridge, 1991. P. 98–105.

⁶ Pinker S. Words and Rules: The Ingredients of Language. New York, 1999. P. 145.

⁷ Prasada S., Pinker S., Snyder W. Some Evidence that Irregular Verbs Are Retrieved from Memory but Regular Forms Are Rule Generated. Paper presented at the Thirty-first Annual Meeting of the Psychonomic Society, New Orleans, November 16–18, 1990.

⁸ Pinker S. P. 130.

⁹ Ullman M.T. Acceptability Ratings of Regular and Irregular Past-tense Forms: Evidence for a Dual-system Model of Language from Word Frequency and Phonological Neighbouring Effects // Language and Cognitive Processes. 1999. P. 47–67.

СОБИРАТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ ПРОФЕССИОНАЛА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

Г.Н. Кудрук

Статья посвящена проблеме определения образа профессионала в русской культуре на материале отечественных Интернет-источников. Выявлено четыре основных группы признаков собирательного образа профессионала, из которых наиболее емкой и значимой является группа качественных эмоционально-нейтральных признаков: деловые и личностные качества профессионала, учет профессионалом внешних условий деятельности, материальная прагматика деятельности профессионала и формальные признаки образа профессионала.

Вне зависимости от принадлежности к сфере деятельности, любой профессионал представляет собой полноценный законченный образ, состоящий из более или менее значимых компонентов, набор и структура которых постоянно меняются под воздействием таких внешних факторов, как требования рынка, тенденции экономического развития, государственная политика и др.

Образ профессионала постоянно подвергается трансформации в виду того, что профессионал представляет собой некое ядерное образование в системе деловых отношений и в определенном смысле является их мерой в значении адекватности, продуктивности и качества.

Определение характерных черт образа профессионала является важной задачей для выяснения специфики деловых отношений на каждом отдельном этапе развития общественных отношений, что как никогда важно на современном этапе развития российской экономики, который характеризуется переходом от традиционного восприятия профессионала к современному, т.е. в контексте диалога культур.

В качестве материала для построения образа современного профессионала в данном случае используется выборка из ресурсов сети Интернет. Глобальная электронная сеть является на сегодняшний день самым востребованным средством обмена информацией и передачи данных. Информация, доступная в сети Интернет, постоянно обновляется, отражая все изменения, происходящие в мировом сообществе. Следует учитывать, что из всех доступных ресурсов Интернет, в сознании обывателя закрепляется информация, которая доступна на таком портале, который может быть проще всего найден.

Материалом данного исследования послужили 92 маркера образа профессионала, полученных в результате выборки из 37 Интернет-доменов, которые в свою очередь отмечены как наиболее посещаемые в рейтинге основных российских поисковых систем. Среди использованных Интернет ресурсов выделяются сайты рекрутинговых компа-

ний, форумы профессиональных сообществ, сайты компаний-производителей и продавцов услуг.

Полученные характеристики представляется возможным подразделить на несколько групп, основную из которых (74 характеристики) составляют качественные эмоционально-нейтральные маркеры, непосредственно создающие образ профессионала.

1. Собственно деловые качества профессионала (41): *«профессионал – это не тот человек, который умеет работать хорошо, а тот, который не умеет работать плохо», «ориентирован на работу с реальными проблемами в реальных ситуациях», «учитывает воздействие собственного имиджа на окружающих», «является послом своей профессии», «умеет рисковать при здоровом чувстве самосохранения», «продуктивно работает в компании и повышает ее благосостояние», «незаменим», «тратит свое время прежде всего на целевую аудиторию», «располагает большим набором хорошо работающих методов, удачных шаблонов», «владеет классическими знаниями, умениями, навыками, к которым обязательно должен быть добавлен опыт», «отличается системным мышлением», «ему не все равно, какими средствами достигать цели», «может создать новый метод под конкретную задачу», «не относится к работе как к забаве», «применяет знания на практике», «обладает высокой способностью к самообучению», «совершает минимум ошибок», «совершает минимум энергетических затрат», «делает СВОЕ дело, чувствует себя на СВОЕМ МЕСТЕ», «умеет работать в команде», «не уверен, что он уже все знает и все умеет», «делает свою работу в минимально короткий срок», «занимается своим делом ежедневно», «прагматически ориентирован», «отличается комплексным подходом к рассмотрению ситуации», «легко адаптируется к месту работы», «хорошо знает других профессионалов в своей области и следит за их успехами», «последовательно достигает всё более значимые цели», «действует по плану, умеет управлять временем», «умеет продать свое*

мастерство», «в работе ищет творческий элемент, обладает своим уникальным «почерком», «не станет брать на себя чужую или ненужную ответственность; принимает ответственность не только за себя и свой труд, но и отчасти за работу всей организации», «соревнуется не с коллегами, а с самим собой», «знает и учитывает особенности соприкасающихся областей, сфер деятельности», «не предполагает однозначных ответов «правильно» или «неправильно», «проявляет гражданскую позицию», «оценивает свой труд строже, чем окружающие», «не берется за работу, если она заранее внушает негативное отношение», «не берется выполнять работу в сжатые сроки и на условиях, при которых качество пострадает», «постоянно наращивает теоретические знания и применяет их на практике», «ищет и находит простые решения в сложных ситуациях».

2. Деловые качества, из которых складывается сверхзадача профессионала (4): «разработка новых инструментов», «стремление достичь профессионального мастерства, когда при минимуме операций достигается максимум результата», «умение принести в мир новое, сохранив то, что уже есть», «постоянное стремление к успеху в своем деле».

3. Личностные качества профессионала (26): «профессионал считает частью своей компетентности коммуникативную составляющую, управляет своими словами», «уверен в себе и имеет для этого основания», «опирается на свои сильные стороны и спокойно принимает слабые», «хорошо выглядит», «обладает высокой самооценкой», «верит в доброжелательность», «несет социальную и личную ответственность», «заботится о качестве своего здоровья», «трудолюбив», «креативен», «нацелен на результат», «организован», «старается успеть сделать как можно больше в своей жизни», «хорошо информирован и грамотен», «умеет владеть ситуацией и своими эмоциями», «здрово мыслит», «требователен», «порядочен», «вежлив», «уважает людей, работающих с ним в одной команде», «осознает свою самодостаточность», «даёт ценные советы», «прекрасно разбирается в людях и их классификациях», «обладает хорошей памятью», «человек со стальным внутренним стержнем», «честен».

4. Учет профессионалом внешних условий деятельности (9): «профессионал существует только в случае, если есть цивилизованный рынок с юридическим и полицейским обеспечением конкуренции», «раньше компании играли драму, и требования к сотрудникам были соответствующие. Сейчас компании соревнуются в постановке балетного спектакля. Всем нелегко, одни сотрудники с большим успехом учатся танцевать, другие – с меньшим. Но все прекрасно понимают, что деньги платят именно за балет, поэтому отбор

должен произойти с неизбежностью», «профессионал подстроится под изменчивый мир так, чтобы тот принял новое, сделав его частью сложившейся системы, и уже потом, усвоив это, изменился с учетом нового», «результаты работы профессионала должны понравиться потребителю», «профессионал постоянно соотносит своё внутреннее содержание с требованиями внешнего окружения и стремится к их адекватности», «для профессионала значимо мнение окружающих, он стремится соответствовать ожиданиям людей», «источниками профессионального становления являются противоречия между достигнутым уровнем развития личности и требованиями, которые предъявляет профессиональная деятельность к системе уже сформированных знаний, умений и навыков, а также индивидуально-психологическими свойствами и качествами личности», «при отсутствии роста профессионал перестает быть таковым», «если профессионал будет адекватно оценен коллегами и руководством, то он будет стараться повысить свой профессиональный уровень, и, что называется, вкалывать не на страх, а на совесть».

5. Учет профессионалом материальной стороны деятельности (8): «профессионалам приходится нести немалые расходы», «профессионал зарабатывает своим занятием на жизнь», «профессионал может сделать поставленную задачу быстро и за «маленькие» деньги, получая при этом за работу достаточное для него количество «денег в час», «уровень заработка – показатель профессионализма», «профессионал работает за деньги и знает себе цену», «профессионал делает работу только в том случае, если ему за это заплатят», «недовольство и жалобы на низкую зарплату – это достоверный признак непрофессионального отношения к труду», «во время работы профессионал не думает о том, сколько ему за нее заплатят».

6. Учет и обеспечение формальной стороны деятельности (6): «наличие высшего специального образования», «прохождение трех важнейших этапов: специального профессионально-психологического отбора; обучения и воспитания в специальной сфере; совершение профессиональной деятельности в специальной сфере», «профессионализм сотрудников является залогом признания статуса организации соответствующим профессиональному стандарту», «профессионал это интерфейс; профессионалы делают таковым его бумажки, которые свидетельствуют, что он будет вести себя так, как того от него ожидают другие профессионалы», «наличие опыта, как фиксированного срока совершения профессиональной деятельности», «качественность продукта/результата».

Таким образом, образ профессионала складывается из совокупности личностных и деловых качеств с учетом соблюдения формального и материального компонента деятельности при усло-

вии изменяющихся внешних условий в постоянном непосредственном контакте с окружающей средой.

Следующая группа характеристик представляет собой эмоционально окрашенные отрицательные маркеры образа профессионала (10 характеристик): «ему же деньги сразу нужны», «профессионалы у нас крутые до офигения, высокомерные и надменные как гора Монблан», «думать не хотят, учиться не хотят: цель одна – рвать бабки», «пятнадцать минут поковырялся, и за то ..., которое он тебе всучивает, хочет еще получить как за неделю работы», «страшно далеки они от народа», «профессионалы такие заносчивые», «чем выше продвигается профессионал по служебной лестнице, тем меньше у него остается времени для занятия профессиональной деятельностью, все больше и больше времени у него занимают чисто административные дела», «как можно говорить о профессионализме, если его уровень определяется временем прихода на работу, временем твоего присутствия на рабочем месте? С другой стороны, что можно сказать о профессионале, который формально выполняет все требования начальства, и в порочащих его связях замечен не был, но за десять последних лет ни одной сколько-нибудь серьезной разработки не сделал», «пусть они в совершенстве владеют каким-либо инструментом, но они напрочь отрицают все остальные – такое самоограничение попросту непрофессионально», «это не для профессионалов, это популярный свод правил для тех, кому не нужны лишние сложности и кто не хочет запутаться».

Основными отрицательными чертами образа профессионала являются корысть, надменность, отсутствие гибкости, излишний формализм.

Некоторые черты образа профессионала представлены через сопоставление с образами любителя, дилетанта (5 характеристик): «профессионалы в нашей стране отказываются активно сотрудничать с любителями», «у опытного любителя багаж знаний не особо уступает профессионалу, а иногда даже превосходит его», «профессионал отличается от любителя в любой сфере тем, что это его средство к существованию, а значит корысть со всеми вытекающими», «дилетанты создают мифы и иллюзии и заводят в тупики –

профессионалы разрушают мифы, только они и могут поправить дело», «иной любитель, бывает опытней и умнее профессионала, особенно если последний свою профессию не любит; – по Вашей логике, Лев Толстой – непрофессиональный литератор, а Донцова – наоборот...»

В целом характерна многоаспектность восприятия образа любителя и конфронтация образов любителя и профессионала.

Кроме указанных групп характеристик встречаются также два случая противопоставления образов отечественного и западного профессионала.

1. Сопоставление багажа теоретических и практических знаний: «нашего профессионала от любого западного отличает то, что ему преподавали много и понемногу. А любой западный специалист, как правило, более «узкопрофильный», и в своей «нише», как следствие, более профессиональный».

2. Заимствование образа западного профессионала в отечественные условия, что сопряжено с его отторжением обывателем: «Денег берут столько же, сколько на западе, а дело делают по-советски», «В чем проблема? Не нравятся наши профи, обратитесь к другим – не нашим».

На материале сайтов:

<http://mindmix.ru>, <http://itpg.com.ua>,
<http://www.kariera-barnaul.ru>,
<http://www.astronomy.ru>, <http://www.intant.ru>,
<http://www.improvement.ru>, <http://www.t-i.ru>,
<http://www.caxapa.ru>, <http://www.microchip.ru>,
<http://video.zuz.ru>, <http://ecsocman.edu.ru>,
<http://www.demiart.ru>, <http://kapbgu.na.by>,
<http://www.index3.ru>, <http://www.arm-group.ru>,
<http://www.fsonline.ru>, <http://lj.rossia.org>,
<http://rubanner.ru/>, <http://erpnews.ru>,
<http://www.psytech.ru/profess.htm>,
<http://vladochka.livejournal.com>,
<http://www.chel.ru>, <http://books.offtop.ru>,
<http://unsima.com>, <http://seti-stroy.nsknet.ru>,
<http://exlibris.ng.ru>, <http://www.dancercenter.ru/>,
<http://ps.1september.ru>, <http://www.oim.ru>,
www.addweb.biz, <http://www.uberite.ru>,
<http://www.peski.ru>, <http://gazet.net.ru>,
<http://www.rabota-enisey.ru>, www.karelia.ru,
<http://www.clux.ru>,
<http://ps.1september.ru/1999/71/3-1.htm>.

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ИМЕННОЙ ГРУППЫ В АФРО-АМЕРИКАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ

А.Н. Овешкова

В статье представлено краткое исследование двух основных теорий (креольской и диалектологической) происхождения афро-американского английского социоэтнического диалекта английского языка.

Афро-американский английский (AAVE) – социоэтнический (т.к. его нельзя определить как социальный или территориальный) диалект английского языка. Использование этого термина подчеркивает этнолингвистический статус AAVE. В настоящее время ведутся жаркие споры по поводу его происхождения, развития и отношений с другими диалектами английского языка¹.

Основными теориями происхождения данного диалекта можно считать диалектологическую и теорию креольского происхождения AAVE². Первая теория (anglicist theory)³ базируется на положении о том, что «ранний» AAVE не так сильно отличался от диалектов английского языка, ввезенных на территорию Америки⁴, поэтому все своеобразные черты AAVE могут быть объяснены с позиции этих диалектов⁵. С точки зрения диалектологического подхода⁶, большая часть черт, которые делают AAVE уникальным явлением, – британского происхождения, а роль африканских языков (влияние субстрата) в формировании AAVE невелика⁷.

В соответствии со второй теорией⁸, существовал некий общий протобазилект, от которого и произошли все креольские языки Нового Света⁹. Таким образом, речь идет о контакте африканских языков и языка-лексификатора (английского) и возникновении пиджина, далее развившегося в креольский язык¹⁰. Лингвистическая ситуация в карибских колониях благоприятствовала пиджинизации с дальнейшей креолизацией (малый процент носителей английского)¹¹, однако такой сценарий менее вероятен в североамериканских колониях¹². Дж. Рикфорд считает, что креольский язык мог образоваться в Южной Каролине, т.к. спустя 50 лет после заселения штата негры составляли 60 % населения (ср. с 16 % в штате Нью-Йорк)¹³.

Несомненно, при попытках осветить проблему происхождения AAVE, следует учитывать демографические и социоисторические условия его зарождения и развития (плотность/пропорциональность населения по этническому признаку, динамику межэтнических контактов, стратификацию афро-американской диаспоры, географическое положение, размер плантаций и т.д.). Выделяют три волны импорта рабов на территорию современных Соединенных Штатов Америки¹⁴:

I. 1600 – 1690 гг.

Это период мелких фермерских хозяйств и небольших плантаций (homestead phase). Первые чернокожие ввозились в Массачусетс, Нью-Йорк, Южную Каролину, Вирджинию, Джорджию, Мэриленд из карибских колоний, где уже сложился креольский язык. В американских колониях они работали вместе с европейскими поселенцами, что несомненно свидетельствует о межэтническом контакте. Скорее всего, выходцы из Африки пользовались приближенным вариантом языка-основы (не нормированного языка, а его диалектов). Вольфрам и Томас полагают, что этнолингвистическая ситуация в колониальной Америке этого периода не способствовала развитию креольского языка.

II. 1690 – 1750 гг.

В этот период рабы (90 %) ввозились непосредственно из Африки, т.к. уже возникла потребность в дешевой рабочей силе. Контакты с белым населением ограничены, что приводило к несовершенному изучению лексификатора, и как следствие – массовой креолизации чернокожего населения.

III. 1750 – 1793 гг.

Заработала система надсмотрщиков, что естественным образом привело к еще большему ограничению контактов с белыми.

С 1793 и до Гражданской войны продолжался период стабилизации AAVE.

С демографической точки зрения, по принадлежности рабов к той или иной этнолингвистической группе, период I характеризуется преобладанием выходцев из Западной Африки (особенно носители языков группы ква), периоды II и III (особенно первая половина XVIII в.) – из Центральной Африки (Конго, Ангола) – носители языков банту. Однако несмотря на это в современном AAVE в нормах, не присущих другим диалектам английского языка, преобладают грамматические и фонетические черты ква¹⁵, а не банту¹⁶. Таким образом, рабы, прибывшие уже после того, как креольский язык стабилизировался¹⁷, оказывали лишь периферийное влияние на местный вариант¹⁸, пытались усвоить существующий код¹⁹.

Лексификатор AAVE и основа «белых» американских диалектов (WAEVs) в принципе одно и то же – диалекты, ввезенные с территории Британии в

XVII веке. Объектом вывоза на территорию колоний был разговорная форма литературного языка, которая характеризуется большей степенью вариативности (т.е. в колонии проникали разные по происхождению диалектные элементы)²⁰. Мы полагаем, что AAVE развился в процессе пиджинизации и последующей креолизации (а позже и декреолизации) британских диалектов.

Дивергенция AAVE и WAEV связана с быстрым ростом количества рабов (их замещение) особенно в конце XVII – начале XIX вв. и последствиями сегрегации, т.е. AAVE – более архаичен по сравнению с WAEV²¹. AAVE – одно из средств этнической идентификации с афро-американской диаспорой (strong ethnic association) и эта сила культурных и социальных ограничений препятствует процессу конвергенции AAVE с «белыми» диалектами американского английского. И сам AAVE вариативен в зависимости от разнообразных факторов, ведь все единицы любого языка вариативны, т.к. вариантность – фундаментальное свойство языковой системы.

Однако чрезмерный акцент на влиянии британских диалектов и отрицании влияния африканского субстрата приводит к тому, что афро-американцы лишаются своих корней: «Negro is thus a man without a past»²². С другой стороны, отрицание влияния британских диалектов также нелепо: в XVIII в. около 300 тыс. ирландцев и шотландцев, многие из которых выполняли функции надсмотрщиков, работали на плантациях Юга (наиболее сильное влияние в Джорджии, Южной Каролине, Пенсильвании)²³.

Таким образом, речь «ранних» афро-американцев – постепенное овладение диалектами английского языка (изначально территориальными) или койне, развившемся на базе этих диалектов. Однако некоторые этнолингвистические черты AAVE – результат влияния субстрата времен ранней ситуации контакта между носителями африканских и английского языков²⁴.

Следует принимать во внимание не только качественные, но и количественные различия – черты своеобразно распределяются в каждом отдельно взятом диалекте английского языка (являясь нормой или оставаясь на периферии языковой системы).

С типологической позиции между языками (не принимая во внимание их генетические отношения) имеются сходства, коренящиеся в наиболее общих и важных свойствах человеческого языка. С этой точки зрения рядом лингвистов выдвигается положение о том, что языки-субстраты играли определяющую роль в выборе структурных черт, моделей языколексификатора для закрепления в AAVE²⁵ на основании типологического сходства контактирующих языков и несмотря на различия между ними (например, видовременная система, наличие/отсутствие тонов). Неотмеченные структуры языка-основы проходят отбор (language selectivity) в контактной ситуации и сохраняются в результирующем языке²⁶.

Проблема реконструкции «раннего» AAVE Сведения о происхождении и раннем развитии AAVE ограничены²⁷ и являются предметом жарких дискуссий в лингвистической литературе²⁸.

Важность использования письменных источников для реконструкции «раннего» AAVE отмечалась многими исследователями, например, Виереком²⁹, в работе Т. Эверс³⁰. Роль текстов Хиата нельзя переоценить: пять томов (около 4500 страниц) интервью с 1605 информантами афро-американцами, рожденными во второй половине XIX в. Материал был собран в 30-40 гг. на юге США (штаты Нью-Джерси, Мэриленд, Вирджиния, Вашингтон, Северная Каролина, Южная Каролина, Джорджия, Алабама, Теннесси, Миссисипи, Арканзас, Луизиана, Флорида). Исходя из вышесказанного, можно заключить, что материал репрезентативен со статистической точки зрения для исследования ранней ступени развития AAVE.

Однако есть одно «но». Записи интервью первых четырех томов и первой половины пятого тома были уничтожены, как казалось тогда, за ненадобностью, самим Г.М. Хиатом. Сохранились магнитофонные записи второй части пятого тома и транскрипты всего материала, вошедшие в книгу Hoodoo - conjuration – witchcraft – rootwork.

Г. Бейли, Н. Мэйнон, П. Сукор-Авила полагают, что только аудиозаписи могут считаться валидными и иметь ценность, транскрипты – лишь руководство к содержанию записей, ср. с точкой зрения Дж. Рикфорда³¹. В книге Бейли и др. транскрипты – результат четырехлетней работы и пяти серий прослушиваний с последующей интерпретацией записей и транскриптов рядом лингвистов³². Однако Т. Эверс полагает, что тексты Хиата – достаточно достоверная база для проведения лингвистического исследования.

В данной работе мы попытались выявить сходства и различия структуры именной группы в AAVE и других диалектах английского языка, основываясь на текстах Хиата³³.

Структура именной группы в AAVE

Именная группа (далее ИГ) понимается нами как группа, главным словом (центральным элементом) в которой является существительное. ИГ считаются также отдельные существительные или местоимения (чаще личные). В этом, впрочем, нет ничего удивительного, ибо роль местоимения как раз и заключается в том, чтобы служить заменителем целого выражения. Попытаемся ответить на вопрос, есть ли различия в структуре ИГ, содержащей в качестве главного исчисляемое нарицательное существительное, между AAVE и другими диалектами английского.

В афро-американском английском определитель предшествует главному слову, между ними располагается определение, возможно наличие предложных групп в постпозиции, – точно так же, как и в других диалектах английского. Для изучения структуры ИГ интерес представляют и сложные синтакси-

ческие структуры с определительным компонентом, в которых один компонент выполняет роль определения, занимая при этом постпозитивное положение по отношению к определяемой им ИГ³⁴.

В препозиции к ИГ в AAVE могут находиться:

А) артикль:

Until the paper come aloose.

– В AAVE в отличие от креольских языков на основе английского родовая референция (хотя общепринято, что при генерализации ИГ не реферировать³⁵, т.к. не указывает на конкретный предмет³⁶) осуществляется с помощью ИГ с индивидуализирующим признаком (далее ИП). Индивидуализирующий признак «известен адресату речи и при этом адресат речи знает, что никакой другой объект не обладает этим признаком»³⁷:

All he does is chase women.

– ИГ без ИП, выражающие субстанцию или вид деятельности, осуществляющейся в каком-либо заведении (hospital, church, school, prison, college, university, etc.) в AAVE интерпретируются так же, как в английском и его «белых» диалектах.

Литературный английский язык³⁸:

They say he'll have to stay in hospital for six weeks.

School should to be a place where children are taught to enjoy learning.

Афро-американский английский:

Jes' nachally bo'n dat way – nevah went tuh school nary a minute in mah life.

I told him I belonged to B. Church.

– Однако в AAVE, как и других вариантах английского (шотландском и ирландском), имеются примерно одинаковые противоречия: вместо ИГ без ИП (существительного без артикля и квантификатора) используется ИГ с определенным артиклем для именованного вида деятельности:

This woman she has to be taken to the hospital.

So on Saturday night he comes in – she wusn't dead, she wus in the hospital.

Таким образом, формально используется ИГ с ИП, семантически же ИГ не обладает индивидуализирующим признаком.

– Вещественные существительные, обычно употребляемые без артикля, могут использоваться как существительные с ИП (с неопределенным артиклем, квантификатором – числительным, маркируется множественное число), как и в других диалектах английского. И наоборот, исчисляемые существительные используются как вещественные без ИП или с неопределенными местоимениями *this*, *manu* (Г.А. Вейхман³⁹ говорит о наметившейся тенденции употребления исчисляемых существительных как неисчисляемых):

I've got too much nose and not enough chin.

Афро-американский английский:

It's too much car for me.

– Так же, как и в других диалектах английского, различаются имена существительные собственные и нарицательные, одинаково легки переходы из одной группы в другую (обычно при референции к 3 лицу):

When I went in, this Miss Healer was there.

So she didn't go Monday to Witch's.

Б) указательные местоимения:

After he left, Witch got those hysterical spells.

В указательных местоимениях *this*, *that*, *these*, *those*, *them / dem* [p] и [d] варьируют, хотя [d] используется чаще. Указательное местоимение *them/dem* имеет слабое значение указательности, чаще интерпретируется как маркер определенности – неопределенности и множественного числа определенного существительного, т.е. *them / dem* маркирует определенность и множественность, а {-S} только множественность. Модель ИГ *them / dem* + Ns (мн. ч. существительного) свойственна и другим диалектам английского. Указательное местоимение *them/dem* также используется постпозитивно, с именами нарицательными и собственными, маркируя ассоциативное мн. число (associative plural – термин используется в работах зарубежных авторов) и предавая значение «... и семья», «... и друзья».

The boy nem'an' dem lef already when I got here.

С. Муфвене полагает, что подобное употребление *them / dem* имеет параллели в креольских языках (либерийском, Тринидада, Ямайки и т.п.) и объясняется влиянием субстрата (особенности структуры африканских языков описываются в работе Велмерса⁴⁰), однако Г. Бейли считает, что это явление распространено среди белого населения юга США.

В) притяжательное местоимение или ИГ в притяжательном падеже:

She told Witch's husband she couldn't come.

In a few days mah mother-in-law come to me.

В AAVE личное местоимение (как в именительном, так и объектном падеже) может быть использовано в функции притяжательного (что сближает данный диалект с креольским языком галла):

If a person come tuh me wit a pain in dey laig or dey arm.

В афро-американском английском {-S} часто выпускается в зависимости от фонетического окружения и речевой ситуации⁴¹, что сближает его с креольскими языками. Например, в галла, распространенном в прибрежных районах около Саванны, Чарльстона и на островах штатов Джорджия и Южная Каролина, и некоторых других устойчивых креольских языках, лексификатором которых считается английский, главным средством выражения посевности служит порядок слов, а не морфема. Однако отсутствие морфемного элемента в AAVE позволяет нам говорить лишь о варьировании этих средств ({-S} и скрытой морфемы), сосуществующих как варианты в языковой системе.

Ef ah cain't git a man mind....

Г) наречно-местоименные сочетания в функции определения ИГ:

Dis heah place is de wust fo' hoodoos you find.

Д) неопределенное местоимение:

All of 'em has some legend behind of 'em.

Что касается отсутствия морфемного элемента множественного числа {-S} в AAVE, оно наблюдает-

ся не так часто, как отсутствие морфемного элемента 3 лица ед. числа личной формы глагола {-S}. Этот маркер варьирует с нулем и в некоторых «белых» диалектах английского языка. Если принять во внимание тот факт, что лексификатором AAVE был не литературный английский, а его диалекты, то можно предположить, что именно из них данная черта проникла в AAVE. По сведениям Г.А. Вейхмана, в ирландском английском и диалекте южного Чешира существительные, обозначающие меру, вес, пространство и время с числительным в препозиции, имеют форму единственного числа. Таким образом, множественное число – не факультативная категория в AAVE, {-S} и скрытая морфема варьируют.

В заключение хотелось бы отметить, что в структуре ИГ в AAVE имеется больше сходств с другими диалектами английского, чем с креольскими языками. Во-вторых, с креольскими языками на основе английского AAVE сближает частое отсутствие морфемы притяжательного падежа {-’S} и ассоциативное множественное число. Все примеры на афро-американском диалекте английского языка взяты из книги Г.М. Хиата⁴².

¹ См.: Dillard J.L. Black English: Its history and usage in the United States. New York: Random House, 1972.

² См.: Шустрова Е.В. Изменения семантики слова в афро-американском английском. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2005. С. 10–14.

³ См.: Ewers T. The origin of American Black English: Be-Forms in the HOODOO Texts. Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 1996. P. 74.

⁴ См.: Krapp G.P. The English of the Negro // American Mercury. 1924. № 2. P. 190–195. P. 191.

⁵ См.: Johnson G.B. The Speech of the Negro // Folk-say: a region miscellany / ed. by Botkin B.A., Norman: University of Oklahoma Press, 1930. P. 354.

⁶ См.: McDavid V.G., McDavid R.I.Jr. The relationship of the speech of American Negroes to the speech of whites // American Speech. 1951. № 26.1. P. 12.

⁷ См.: Wolfram W., Thomas E.R. The Development of African American English. Oxford & Malden: Blackwell Publishers Ltd., 2002. P. 12–14.

⁸ См.: Schneider E.W. The diachronic development of the Black English perfective auxiliary phrase // Journal of English Linguistics. 1983. №16. P. 55–64.

⁹ См.: Mufwene S.S. The Ecology of Language Evolution. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 86.

¹⁰ См.: Winford D. On the Origins of African American Vernacular English – a creolist perspective, part I: The sociohistorical background // Diachronica. 1997. № 14. P. 304–344.

¹¹ См.: Schneider E.W. American Earlier Black English: morphological and syntactic variables. Tuscaloosa, Alabama: University of Alabama Press, 1989. P. 35.

¹² См.: Mufwene S.S. The development of American Englishes: Some questions from a creole genesis hypothesis // Focus on the USA. Philadelphia / ed. by Schneider E.W., Amsterdam: John Benjamins, 1996. P. 96–99.

¹³ См.: Rickford J.R. The Creole Origins of African-American vernacular English: Evidence from copula absence // African American English: Structure, History, and Use / ed. by Muf-

wene S., Rickford J.R., Bailey G. and Baugh J., London/New York: Routledge, 1998. P. 158.

¹⁴ См.: Wolfram W., Thomas E.R. The Development of African American English. Oxford & Malden: Blackwell Publishers Ltd., 2002. P. 21–22.

¹⁵ См.: Dalby D. Black through white: patterns of communication in Africa and the New World // Black-white speech relationships / ed. by Wolfram W.A., Clarke N.H., Washington D.C.: Center for Applied Linguistics, 1971. P. 124–125.

¹⁶ См.: Dalby D. The African element in American English // Rappin’ and stylin’ out / ed. by Kochman T., Urbana: University of Illinois Press, 1972. P. 186.

¹⁷ См.: Dunn E.F. The black-southern white dialect controversy: who did what to whom? // Black English: A Seminar / ed. by Harrison D.S., Trabasso T., Hillsdale, New Jersey: Erlbaum, 1976. P. 114.

¹⁸ См.: Fasold R.W. The relationship between black and white speech in the South // American Speech. 1981. № 56. P. 163–189.

¹⁹ См.: Wolfram W., Schilling-Estes N. American English: Dialects and Variation. Malden, MA/Oxford: Blackwell, 1998. P. 171.

²⁰ См.: Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М.: Наука, 1988. С. 193.

²¹ См.: Kurath H. A word geography of the Eastern United States. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1949. P. 6.

²² См.: Herskovits M.J. The myth of the Negro past. New York, London: Harper and Brothers, 1941. P. 2.

²³ См.: Ewers T. The origin of American Black English: Be-Forms in the HOODOO Texts. Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 1996. P. 78.

²⁴ См.: Mufwene S.S. The Ecology of Language Evolution. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 209.

²⁵ См.: Thomason S.G., Kaufman T. Language Contact, Creolization and Genetic Linguistics. Berkeley: University of California Press, 1988.

²⁶ См.: Mufwene S.S. The Ecology of Language Evolution. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

²⁷ См.: Bailey G., Maynor N., Cucor-Avila P. (eds). The emergence of Black English: text and commentary. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1991.

²⁸ См.: Fasold R.W. et al. Are black and white vernaculars diverging? Papers from the N.W.A.V.E. XIV panel discussion // American Speech. 1987. № 62.1. P. 3–80.

²⁹ См.: Viereck. Invariant be in an unnoticed source of American Early Black English // American Speech. 1988. № 64.4. P. 291–303.

³⁰ См.: Ewers T. The origin of American Black English: Be-Forms in the HOODOO Texts. Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 1996. P. 78.

³¹ См.: Rickford J.R. The Creole Origins of African-American vernacular English: Evidence from copula absence // African American English: Structure, History, and Use / ed. by Mufwene S., Rickford J.R., Bailey G. and Baugh J., London/New York: Routledge, 1998. P. 160.

³² См.: Bailey G., Maynor N., Cucor-Avila P. (eds). The emergence of Black English: text and commentary. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1991.

³³ См.: Hyatt H.M. Hoodoo – Conjuraction – Witchcraft – Rootwork. Hannibal, MO: Western Publishing Co., Vol. 1, 1970. P. 19–932.

³⁴ См.: Богуславская Е.Л. Сложные синтаксические структуры с определительным компонентом в афро-американском варианте английского языка в сопоставлении с литературным английским языком и диалектами Великобритании. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2005.

Зеленые страницы

³⁵ См.: Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985. С. 31.

³⁶ См.: Гладров В. Семантика и выражение определенности/неопределенности // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. М.: Наука, 1992. С. 236–237.

³⁷ См.: Шмелев А.Д. Определенность / неопределенность в аспекте теории референции // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. М.: Наука, 1992. С. 267

³⁸ См.: Hewings M. Advanced Grammar in Use. A self-study

reference and practice book for advanced learners of English. Cambridge University Press. New York, 1999. P. 122.

³⁹ См.: Вейхман Г.А. Новое в грамматике современного английского языка: Учеб. пособие для вузов. 2-е изд., дополн. и испр.. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 8.

⁴⁰ См.: Whelmers Wm.E. African Languages Structures. University of California Press. Berkeley and Los Angeles, California, London, England, 1973.

⁴¹ См.: Baugh J. Black Street Speech: Its History, Structure, and Survival. Austin: University of Texas Press, 1983. P. 194–197.

⁴² См.: Hyatt H.M. Hoodoo Conjuraton – Witchcraf – Rootwork. Hannibal, MO: Western Publishing Co., Vol. 1, 1970. P. 19–932.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ «РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» И «РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ»

Ю.Г. Соколова

В статье рассматриваются понятия «речевая деятельность» и «речевое поведение», выступающие формой субъективной активности, в которых личность проявляет свое отношение к окружающему природному и социальному миру, к предметам, явлениям, процессам и событиям, входящим в его структуру.

Общение присутствует во всех видах человеческой деятельности, и в самой речи общающихся можно выделить в два компонента – речевую деятельность и речевое поведение. В этих двух сторонах речи есть черты общие и раздельные.

Прежде чем соотносить понятия «речевая деятельность» и «речевое поведение», рассмотрим понятия «поведение» и «деятельность».

Под поведением принято понимать «совокупность реальных действий, внешних проявлений жизнедеятельности живых существ, в т. ч. человека»¹. Однако в педагогической практике традиционно принята более узкая трактовка поведения как наблюдения человеком «общепринятых правил взаимоотношений и выполнения определённых форм действий (учебных, профессиональных и др.)»².

В педагогическом словаре поведение рассматривается как система «взаимосвязанных рефлекторных и сознательных действий (физических и психических), осуществляемых человеком при достижении определенной цели, реализации определенной функции в процессе его взаимодействия со средой»³.

В словаре-справочнике «Педагогическое речеведение» поведение рассматривается как «превращение внутреннего состояния человека в его поступки по отношению к окружающему миру, людям»⁴.

Итак, поведение есть совокупность действий и поступков индивида. В поведении проявляются личность человека, особенности его характера, темперамента, его потребности, вкусы; обнаруживаются его отношения к предметам и явлениям окружающей действительности.

Поведение человека побуждается потребностью, направленной на оптимальное удовлетворение его интересов. Таким образом, человек, как и животные, приспосабливается к окружающему миру. Однако в отличие от животных, поведение которых направлено на удовлетворение лишь биологических потребностей, человек изменяет, преобразует среду, приспособляет мир к удовлетворению своих нужд, потребностей и интересов. И то, и другое он осуществляет в деятельности как специфически человеческой форме отношения к окружающему.

Под деятельностью традиционно понимается «специфическая форма общественно-исторического бытия людей, целенаправленное преобразование ими природной и социальной действительности...

Деятельность, осуществляемая её субъектом, включает в себя цель, средство, сам процесс преобразования и его результат.

Леонтьев А.Н. отмечает, что деятельность есть совокупность, точнее, система сменяющих друг друга деятельностей. В деятельности и происходит переход объекта в его субъективную форму, в образ; вместе с тем в деятельности совершается также переход деятельности в ее объективные результаты, в ее продукты⁵.

Таким образом, деятельность и поведение выступают как формы субъективной активности, в которых личность проявляет свое отношение к окружающему природному и социальному миру, к предметам, явлениям, процессам и событиям, входящим в его структуру.

В деятельности человек выражает свои сущностные силы, которые концентрируются в его физических способностях и духовном мире. В актах деятельности он удовлетворяет субъективные потребности и интересы, решает свои проблемы и задачи, реализует проекты, планы и программы, которые разрабатывает, достигает целей, которые ставит перед собой. Тем самым деятельность личности выступает как способ ее самореализации. Деятельность представляет собой такую форму активности человека, которая направлена на изменение и преобразование природного и социального мира. Отметим, что и в деятельности, и в поведении человек проявляет активное отношение к миру, поэтому понятия эти близки по своему содержанию. У них много общего, но есть и различие.

Деятельность – это система сознательных действий, направленных на достижение поставленной цели, на перестройку, преобразование природных и социальных условий бытия. Единицей деятельности является действие и определяется не столько ситуацией, внутренними мотивами личности, связанными с этой ситуацией, сколько поставленной целью. Деятельность обычно выводит человека за пределы наличной ситуации, расширяя его отношение к миру.

Поведение же представляет собой непосредственную реакцию личности на ту или иную жизненную ситуацию, благодаря которой она приспособляется к наличным условиям бытия. Единицей поведения является поступок, который всегда

Зеленые страницы

имеет ценностную окраску. В поведении значимы не столько цель, сколько внутренние мотивы, которыми вызывается реакция личности на ту или иную ситуацию.

Реализация личности происходит в различных видах деятельности. Особую роль в жизни людей и общества играет речевая деятельность.

Речевая деятельность характеризуется осознаваемым выбором языковых и речевых единиц, определяемых целями и мотивами говорящего. Единицей обследования речевой деятельности выступает высказывание, которое общепринято считается и единицей речи. Её основным свойством считается законченность выражаемого содержания. Речевое поведение отличает привычный машинный, автоматизированный выбор речевых сигналов.

Речевое поведение, отмечает Н.И. Формановская, это автоматизированное стереотипное и индивидуальное речевое проявление. Оно связано со средой, в которой человек привычно общается, со всеми свойственными ему как личности и как представителю социальной группы, а также национальной общности особенностями⁶.

Существенным различительным признаком речевого поведения и речевой деятельности является уровень мотивации и соответствующая ему мера осознанности мотивов поведения и речевого действия. Поэтому, если речевая деятельность – это осознанно мотивированная целенаправленная человеческая активность, то речевое поведение – это малоосознанная мотивированная целенаправленная человеческая активность, проявляющаяся и речевых клише, с одной стороны, и в сугубо ин-

дивидуальных речевых проявлениях данной личности – с другой. Исследования показывают, даже меняя тембр голоса, пребывая в разном настроении, до 80 % речевого поведения остается постоянным. Иначе говоря, речевое поведение – визитная карточка человека в обществе, отражающая взаимодействие лингвистических и экстралингвистических факторов. Речевое поведение, по мнению Г.М. Андреевой, – это «не столько языковая часть поведения вообще, сколько образ человека, составляющийся из способов использования им языка применительно к реальным обстоятельствам его жизни»⁷.

Таким образом, в общении речевая деятельность является содержанием, а речевое поведение – формой. Обе составляющие речи равноправны и проявляются одновременно.

¹ Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. М.: Большая российская энциклопедия. 1993. Т. 1. С. 156.

² Там же. С. 156.

³ Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Педагогический словарь. М.: Изд. центр «Академия», 2000. С. 114.

⁴ Педагогическое речеведение: Словарь-справочник / Под ред. Т.А. Ладъженской и А.К. Михальской; сост. А.А. Князьков. М. Флинта. Наука, 1998. С. 192.

⁵ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. С. 201.

⁶ Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. М.: Высшая школа, 1989. С. 38.

⁷ Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 3.

ФУНКЦИИ ЭПИГРАФА В РОМАНЕ Д. ЛОДЖА «ХОРОШАЯ РАБОТА»

О.А. Толстых

В статье «Функции эпиграфа в романе Д. Лоджа «Хорошая работа» автор стремится раскрыть глубинные связи, существующие между современным английским романом и викторианской литературой, на примере анализа эпиграфов к роману Д. Лоджа «Хорошая работа», который приравнивается к индустриальным романам XIX века, представляя собой пародийную версию современного «condition of England novel». Метод интертекстуального анализа применяется на паратекстуальном уровне как отношение текста к эпиграфам, выполняющим разнообразные функции: информативную, формоопределяющую, диалогизирующую и др. На основе изложенного делается вывод о том, что эпиграф в романе Д. Лоджа «Хорошая работа» тяготеет к раскрытию не столько содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной, сколько к содержательно-подтекстовой информации, позволяя при этом по-своему расшифровать основные культурные текстовые коды романа.

Эпиграф наряду с заглавием, началом и концом произведения по праву считается сильной позицией текста, во-первых, в силу своей обособленности, отчужденности, во-вторых, благодаря своей коммуникативной завершенности. Вместе с этим эпиграф связан с категориями проспекции и ретроспекции, прогнозируя развитие событий и одновременно отсылая к прошлому, к претексту.

Эпиграф называют «обогащенным заглавием» (С.Д. Кржижановский), «шифром, который автор подбрасывает читателю, полагаясь на его проникаемость», «чрезвычайно мощным энергетическим знаком» (Н.А. Кузьмина), своеобразной маской, за которую прячется автор, подчеркивая при этом невероятную значимость этого внетекстового элемента.

Возникнув в эпоху позднего Возрождения, эпиграф становится весьма популярным в конце XVIII и начале XIX вв. В XX веке использование эпиграфа – это уже литературная традиция, посредством которой, с одной стороны, раскрывается суть авторского замысла, с другой, подчеркивается связь с наследием прошлых эпох и выявляется интертекстуальная природа произведения. Заглавие и эпиграф сравнивают с главным и придаточным предложениями, первое из которых называет явление, а второе стремится его уточнить. Эпиграф зачастую поясняет заглавие, композиционно служит экспозицией, подготавливая читателя к тексту, с которым непременно вступает в эксплицированные или имплицитные диалогические отношения.

Исследователи давно отмечают полифункциональность эпиграфа, выделяя при этом две его основные функции: информативную и формоопределяющую, однако универсальной функцией любого эпиграфа является диалогизирующая. Эпиграф выступает как средство формирования и выявления диалогической модальности текста как соотношения: эпиграф-текст и автор-эпиграф. Поэтому анализ паратекстуального уровня произведения (как отноше-

ния текста к заглавию и эпиграфу) позволяет проникнуть в глубины авторского замысла, расширяя при этом культурное пространство самого текста.

В романе Д. Лоджа «Хорошая работа» (1988), завершающем университетско-филологическую трилогию автора, эпиграф играет особую, значимую роль, связанную с введением в повествование викторианского интертекста. «Хорошая работа» – это взгляд на современную автору разделенную на два лагеря Британию, полярность точек зрения и стиля, современный «condition of England novel», роман-пастиш и социально-бытовой роман в сочетании с романом нравов.

Поскольку роман представляет собой «современную версию индустриального романа 1840-х гг.» (Дж. Эйксон), эпиграфы, взятые автором из индустриальных романов эпохи викторианства, вступают в диалогические отношения с самим текстом, а также между собой.

Интересен выбор романов, к которым в поисках эпиграфа обращается Дэвид Лодж, поскольку это знаковые для эпохи викторианства произведения, а эпиграфы намеренно выстраиваются автором в определенной последовательности: двойной эпиграф из Драйтена и Дизраэли ко всему роману и по одному эпиграфу к каждой из его шести частей, при этом роман окаймляется эпиграфами из романа «Шерли» Ш. Бронте, вторая и четвертая части предваряются эпиграфами из романа «Север и юг» Э. Гаскелл, а третья и пятая – эпиграфами из романа «Тяжелые времена» Ч. Диккенса.

Более того, место действия романа «Хорошая работа» город Раммидж, прототипом которого явился дорогой автору Бирмингем, во многом напоминает Мильтон из романа «Север и юг» Э. Гаскелл (прототипом которого явился Манчестер) и Кокстаун из «Тяжелых времен» Диккенса (собирательный образ рабочего городка XIX века).

Двойной эпитаф перед всем романом – из Дрейтона (из поэмы об Англии «Поли-Альбион» (конец XVI – начало XVII вв.) и Дизраэли («Сибил, или Две нации» (1845)) добавляет помимо отношений эпитаф-текст и автор-эпитаф новый тип отношений эпитаф-эпитаф, при котором уже сами эпитафы вступают в диалог между собой, раскрывая при этом основную идею романа о двух «нациях, между коими нет ни общности, ни симпатии». Кроме того, строки из Дрейтона отсылают к роману Дж. Элиот «Феликс Холт, радикал», еще одному индустриальному роману XIX века, поскольку были выбраны Дж. Элиот эпитафом к роману.

«Самая необязательность присутствия эпитафа делает его особенно информативным, если он есть», заключает И.В. Арнольд². Это замечание полностью подтверждается при анализе паратекстуального уровня романа «Хорошая работа».

Автор делит свое произведение на шесть частей-блоков, с помощью эпитафа определяет основную тональность повествования, узнаваемые мотивы, образы, сюжетные линии. Именно этот «прогнозирующий» эпитаф предопределяет последующее развитие событий и выступает в качестве связующего звена двух эпох, а шире – культуры современной и викторианской.

Первая часть романа предваряется эпитафом из Ш. Бронте – предисловия к роману «Шерли» (1849), где автор, вступая в диалог с читателем, предупреждает:

«Something real, cool and solid lies before you; something unromantic as Monday morning, when all who have work wake with the consciousness that they must rise and betake themselves thereto»³.

Сам роман, являясь наиболее социальным из всех произведений Ш. Бронте, посвящен событиям периода луддитского восстания. Главный герой Роберт Мур – фабрикант, который внедряет новейшие станки на предприятие и вызывает тем самым гнев своих рабочих, пытающихся вначале сломать станки, а впоследствии покушающихся на жизнь хозяина. Дэвид Лодж выбирает эти строки эпитафом по целому ряду причин. Во-первых, «Шерли» – один из индустриальных романов XIX века (condition of England novel) со всеми свойственными этому жанру атрибутами (противопоставлением фабрикантов и рабочих, сценой забастовки, острейшим социальным конфликтом и т.д.). С другой стороны, роман «Шерли» входит в сферу профессиональных интересов главной героини романа «Хорошая работа» Робин Пенроуз, специалиста по индустриальной прозе XIX века. Кроме того, сюжетные линии романов перекликаются, а образы главных героев выстраивают своеобразные параллели: Роберт Мур – Вик Уилкоккс, Каролина Хелстоун и Шерли Килдар – Робин Пенроуз. Но, пожалуй, главной причиной обращения к предисловию из «Шерли» для Лоджа является упоминание «unromantic Monday morning», несущего своеобразную интертекстуальную нагрузку в связи с тем, что сама Ш. Бронте в одном из писем назвала

героев Теккерея «неромантичными, как утро понедельника». Неслучайно и начало романа «Хорошая работа» – понедельник, 13 января 1986 года.

Таким образом, ритм повествования первой части романа, а именно техника параллелизма, контраста и монтажа в изображении главных героев, детальное описание процесса приготовления к работе каждого, задается викторианским романом Ш. Бронте. «And there, for the time being, let us leave Vic Wilcox, while we travel back an hour or two in time, a few miles in space, to meet a very different character»⁴ – совсем по-теккереевски и по-диккенсовски начинает Д. Лодж главу, посвященную Робин Пенроуз, пародируя классическую категорию «всезнающего автора», «всеведущего повествователя» и имплицитно выражая свою эмоционально-оценочную позицию. Ирония и пародия становятся в романе основными приемами создания комического эффекта, чему немало способствуют эпитафы.

Биография Робин Пенроуз перемежается с выкладками о викторианской литературе в целом, отрывками из ее лекций, содержащих революционные взгляды на викторианский индустриальный роман, и доходящими до абсурда выводами ученого-деконструктивиста. При этом автор намеренно представляет некий постмодернистский коллаж идей или пастиш, создаваемый на основе теории постструктурализма и литературы XIX века.

Третья глава первой части романа, выстраиваемая автором с помощью техники монтажа, напоминает при этом сценарное построение сюжета, где выясняется, чем в данный конкретный момент занят каждый из героев. Если первая глава представляет собой индустриальную, а вторая глава – университетскую темы в романе, то завершающая третья сводит воедино эти две основанные на контрасте линии сюжета о «двух нациях». Утро понедельника, упомянутое в звучащем по-современному эпитафе, не сулит никаких радужных событий, обрушивая на главных героев романа неутешительную новость о Теновом проекте, связанном с Годом Промышленности. Вторая часть романа предваряется эпитафом из «Севера и юга» Э. Гаскелл. Параллели между романами «Север и юг» (1855) и «Хорошая работа» (1988) уже давно привлекают внимание исследователей. Соловьева Н.А. утверждает, что «Д. Лодж переписал роман Э. Гаскелл... сохранив основную проблематику, главных героев»⁵. Малколм Брэдбери в книге «Современный британский роман» (1994) писал о том, что «David Lodge went back to the Victorian «Condition of England» novel and the industrial fiction of writers like Mrs Gaskell to look at the divided North-and-South Britain of his own day»⁶. В монографии, посвященной трилогии Лоджа, Ева Бьёрк, подчеркивая, что роман содержит в себе несколько разнообразных интертекстовых включений из произведений XIX века, выделяет роман «Север и юг» как один из доминирующих типов интертекста⁷.

В «Хорошей работе», как и в «Севере и юге» Гаскелл, параллельно развиваются две повествова-

тельные линии – в данном случае линии Вика Уилкокса и Робин Пенроуз. Подобно Э. Гаскелл, внимание Д. Лоджа сосредоточено на том, «как меняются взгляды человека под влиянием убеждений со стороны других людей»⁸. Разделение Британии на два лагеря – северную (промышленную) и южную (аграрную) у Гаскелл – перерастает в романе «Хорошая работа» в спор университета и промышленного производства в целом.

Вопрос Миссис Торнтон к Маргарет Хейл о том, видела ли она фабрики Торнтон, появляясь в эпитафии («Have you seen any of our factories? Our magnificent warehouses?»⁹), модифицируется во второй части романа, перерастая в вопрос Брайана Эверторпа, обращенный к Робин Пенроуз: «Ever been inside a factory before?»¹⁰. Так довершается сходство ситуации, в которой оказалась Робин, с ситуацией главной героини романа Гаскелл. Робин действительно оказывается в роли Маргарет Хейл, которая попадает в незнакомый ей Милтон и противопоставляется этому миру промышленного производства и технократического мышления. Эпитафия, вступая в диалог с текстом романа, вводит своеобразный второй план повествования, имплицитно сопровождающий основную линию развития событий и с ней переплетающийся.

Третью часть романа представляет эпитафия, взятый автором из «Тяжелых времен» (1854) Ч. Диккенса. Строки, выбранные Дэвидом Лоджем в качестве эпитафия, произносятся в романе Диккенса дважды (в начале и конце произведения) одним и тем же второстепенным персонажем – мистером Слири, владельцем цирка, страдающим астмой:

«People must be amuthed. They can't be alwayth a learning, nor yet they can't be alwayth a working. They an't made for it»¹¹.

В обоих случаях Слири адресует свои слова мистеру Грэдграйндлу, главному персонажу «Тяжелых времен», имя которого превратилось в эпоним, обозначающий утилитариста, прагматика, верящего лишь фактам и статистике. Цирк Слири представляет в романе «Тяжелые времена» другую, противопоставленную рационализму и прагматизму жизненную философию. Это иной мир, созданный и функционирующий в атмосфере радости, артистичности, взаимопомощи, верности и любви. Циркачи Диккенса – это мечта о всеобщем благоденствии, надежда на то, что «мир спасется» добротой и любовью. Отчасти Робин Пенроуз «унаследовала» от них свою веру в справедливость, равноправие, всеобщее единение вне социальных или расовых предрассудков. А Вик Уилкокс напоминает самого Томаса Грэдграйнда, «воплощение духа промышленного капитализма» («spirit of industrial capitalism») ¹².

Эпитафия третьей части, повествующей о том, как проводят выходные главные герои романа «Хорошая работа», выполняет разнообразные функции. С одной стороны, это прямая отсылка на один из индустриальных романов викторианской эпохи, находящихся в центре внимания Робин Пенроуз, также

это своеобразная ироническая переключка с романом Диккенса и прогнозирование событий будущей главы одновременно. Кроме того, все эпитафии к различным частям романа можно рассматривать как образ мышления человека, погруженного в литературу XIX века и не мыслящего себя вне ее, что наводит на мысль о главной героине романа Робин Пенроуз. Это особый мир, в котором обитает Робин или любой другой специалист по викторианской литературе, сотканный из цитат, аллюзий и реминисценций. Именно поэтому в пастишированной лекции Робин в конце первой части романа еще раз всплывает цитата из «Тяжелых времен», выбранная Лоджем эпитафией к третьей части, позволяющая главной героине вывести основную мысль романа о том, что «безрадостность труда в условиях промышленного капитализма можно преодолеть добротой, любовью и игрой воображения, носителями которых в романе являются Сесси и цирк»¹³.

Таким образом, помимо своей металитературной функции – отсылки к произведениям эпохи викторианства, а также своеобразного внетекстового комментария, способствующего созданию пародийного модуса повествования, эпитафии в романе «Хорошая работа» подчеркивают связь, существующую между классическими текстами XIX века и романом конца века XX. Современность постоянно вступает в некий диалог со сконцентрированным в эпитафиях викторианством. Неслучайно Энтони Берджесс называет свою рецензию на роман Лоджа «Кокстаун 80-х г.г.».

Четвертая часть романа начинается с эпитафия из «Севера и юга» Э. Гаскелл. Дэвид Лодж вновь возвращается к Маргарет Хейл и Торнтону, беседующим на тему «забастовок, размеров заработной платы, капитале и труде», предвосхищая тем самым беседу Вика Уилкокса и Робин Пенроуз о промышленном производстве:

«If you really want to understand how business works...you should be shadowing somebody who runs his own small company, employing, say, fifty people»¹⁴. Именно четвертая часть романа служит поворотным пунктом в отношениях Вика Уилкокса и Робин Пенроуз. Здесь происходит их сближение, появляется симпатия и неподдельный интерес друг к другу. Как и в романе Гаскелл, взаимоотношения героев проходят несколько стадий – от первоначального противостояния и отчуждения, чувства отдаленности и разобщенности, до появления взаимного интереса к личности и деятельности друг друга. Таким образом, эпитафия лишь усиливает сходство сюжетных линий двух романов, при этом предопределяя развитие отношений главных героев. Пятую часть романа вводит эпитафия из романа «Тяжелые времена» о «мудрости ума» и «мудрости сердца»:

«Some persons hold...that there is a wisdom of the Head, and that there is a wisdom of the Heart...I have supposed the head to be all-sufficient. It may not be all-sufficient; how can I venture this morning to say it is!»¹⁵.

В романе Диккенса эти полные горечи и раскаяния слова мистера Грэдграинда, сломленного судьбой и несостоятельностью своей доктрины, которой он посвятил всю жизнь, обращены к дочери Луизе, пострадавшей прежде всего от его порочной системы взглядов. Ему действительно не хватало этой второй мудрости – способности сострадать, любить, прислушиваться к голосу сердца, а не рассудка...

Своеобразная победа мудрости сердца над мудростью ума в романе «Хорошая работа» происходит во время деловой поездки Вика и Робин во Франкфурт. Задетая поведением Чарльза Робин решает поехать с Виком, прекрасно осознавая последствия этого необдуманного решения. Героиня-интеллектуалка, персонаж университетского романа, и прирожденный бизнесмен из романа индустриального на время перестают руководствоваться рассудком, отдаваясь мимолетному напору чувств после удачно завершенной сделки по покупке нового машинного оборудования.

Этот эпизод становится кульминацией романа, поскольку, отбросив предрассудки, забыв о первоначальной антипатии, уважая и преклоняясь перед делом жизни друг друга – преподаванием и работой на производстве, главные герои романа близки к варианту романтической истории любви, традиционно начинающейся с ненависти.

Однако, роман «Хорошая работа» – это отчасти пародия на индустриальные романы XIX века, сочетание комической, внешне занимательной и одновременно интеллектуальной прозы (a mixture of comic irony and concerned seriousness). Именно этим можно объяснить авторское нежелание следовать по канонам викторианского романа до конца и отсутствие в романе традиционного хэппи-энда, соединяющего «влюбленных» в браке. Поскольку Робин вообще не верит в «индивидуалистическую любовь» и считает ее «всего лишь литературным, рекламным и массмедийным мошенничеством» (a literary, advertising and media con-trick)¹⁶.

Заключительную шестую часть предваряет эпиграф из «Шерли» Ш.Бронте: «The story is told... the judicious reader putting on his spectacles to look for the moral... It would be an insult to his sagacity to offer directions. I only say, God speed him in the quest!»¹⁷.

Финальные строки романа «Шерли» в эпиграфе указывают на скорое завершение романа и возможное разрешение его главного конфликта – противостояния «двух наций», которое можно интерпретировать как вечный конфликт «prose and poetry» (своеобразный спор физиков с лириками), а также как конфликт «town and gown» (мир университета и промышленного производства) и более широко как неразрешимые вечные классовые или расовые противоречия.

В целом роман «Хорошая работа» завершается на довольно оптимистичной ноте (предлагая довольно традиционные для викторианского индустриального романа финалы) – Вик возвращается к жене и семье, Робин получает два предложения по работе, а также неожиданное наследство, помогая при этом

потерявшему место работы (а значит и смысл жизни) Вику, что по-своему символизирует возможность единения двух типов мышления – гуманитарного и технократического.

Однако, последний эпизод романа – наблюдения Робин за студентами в университетском дворе и садовником-негром – ясно свидетельствует о той непреодолимой пропасти, которая разделяет людей, принадлежащих к разным социальным слоям, странам, расам, видам деятельности, профессиям и т.д. Таким образом, переключаясь с Шарлоттой Бронте, лишаяющей читателя традиционного для викторианской эпохи прямого назидания в финале романа «Шерли», Дэвид Лодж также уклоняется от комментария, предлагая читателю самому делать выводы по поводу прочитанного.

Эпиграф не является единственным способом введения викторианского интертекста в романе «Хорошая работа». Эпиграф служит неким фоном, обрамлением, необходимым для создания многоуровневого, металитературного, интеллектуального романа, насыщенного цитатами, аллюзиями и реминисценциями. Именно здесь выражается авторская интенция сделать интертекстуальность не простым украшением текста, а важнейшим фактором его замысла и композиции.

Эпиграф в романе Д. Лоджа «Хорошая работа», выполняя одновременно свои основные функции – информативную и формоопределяющую, тяготеет к раскрытию не столько содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной, сколько к содержательно-подтекстовой информации (термины Н.А.Кузьминой), позволяя при этом по-своему расшифровать основные культурные текстовые коды романа.

¹ Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М., 2004. С. 148.

² Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей/ Науч. ред. П.Е. Бухаркин. СПб., 1999. С. 230.

³ Lodge D. Nice Work. NY: Penguin Group, 1990. P. 59.

⁴ Ibid. P. 21.

⁵ Соловьева Н.А. Литература Великобритании// Зарубежная литература XX века/ Под ред. Л.Г. Андреева. М., 2004. С. 479.

⁶ Bradbury M. The Modern British Novel. London: Secker and Warburg, 1994. P. 405.

⁷ Bjork E.L. Campus Clowns and the Canon. David Lodge's Campus Fiction. Umea: University of Umea, 1993. P. 116.

⁸ Бурова И.И. Элизабет Гаскелл// История западноевропейской литературы. XIX век: Англия// Под ред. Л.В. Сидорченко, И.И. Буровой. СПб., М., 2004. С. 270.

⁹ Lodge. Nice Work. NY: Penguin Group, 1990. P. 59.

¹⁰ Ibid. P. 68.

¹¹ Ibid. P. 103.

¹² Ibid. P. 47.

¹³ Ibid. P. 48.

¹⁴ Ibid. P. 139.

¹⁵ Ibid. P. 189.

¹⁶ Ibid. P. 213.

¹⁷ Ibid. P. 229.

ИМЕННОЕ ПРЕДЛОЖНОЕ СОЧЕТАНИЕ КАК СРЕДСТВО СВЯЗИ В ТЕКСТЕ

А.А. Хацкова

В статье рассматривается текстообразующая функция именных предложных сочетаний на примерах, взятых из работ по лингвистике (предметная область «Психолингвистика»), анализируется переходный характер подобных именных предложных сочетаний.

Своеобразие семантики именного предложного сочетания, выражающееся в контаминации релятивного значения предлога и имени существительного, приводит к совмещению функций, при котором анализируемые сочетания, с одной стороны, используются как союзные средства, а с другой стороны, являются членами одного из соединяемых предложений. Это заставляет рассматривать подобные образования в кругу переходных явлений. Существенную роль в передаче релятивного значения играет косвенный падеж существительного. А.М. Пешковский называл косвенные падежи «категорией несамостоятельной предметности», то есть предметности, поставленной в какое-либо отношение к чему-то другому в речи¹. Косвенная форма падежа имени существительного в сочетании с предлогами выступает как средство передачи релятивного значения. Исследуемые нами именные предложные сочетания, представляющие собой в большинстве случаев отвлеченные, абстрактные словосочетания, характеризуются крепкой смысловой и формальной значимостью и валентностью, и максимальной оторванностью от предметной реальности.

Основное различие между знаменательными (полнозначными) и служебными словами состоит в том, что знаменательные слова, выполняя репрезентативную функцию, способны обозначать окружающую действительность, т.е. служить наименованиями отдельных предметов, фактов, явлений². Служебные слова являются абстрактными по своему значению и нейтральными в экспрессивно-эмоциональном отношении. Они лишены номинативной функции. Служебные слова выполняют функцию преобразования и соединения полнозначных слов в предложении. У служебных слов главным является их грамматическое значение. Грамматические значения создаются в связи с полнозначными словами в общем контексте предложения³.

Знаменательные слова достаточно легко приобретают вторичные значения, новые синтаксические функции. Лингвисты, вслед за Л.В. Щербой, выделяют особый разряд строевых слов, которые не обладают всеми признаками служебных слов, но приближаются к ним. Г.Е. Крейдлин уточняет понятие строевого слова: «мы называем строевы-

ми такие слова, которые либо выступают как служебные хотя бы в одном из своих употреблений, либо выполняют служебную функцию в качестве одной из функций в каждом своем употреблении»⁴. В качестве строевого элемента лексики может выступать слово любой части речи. Многие подобные слова относятся к межфразовым средствам связи в текстах. Строевые слова занимают промежуточное положение между самостоятельными и служебными словами. Некоторые из них, например, *в силу*, прочно вошли в число служебных слов и выполняют функции служебных слов. Другие строевые элементы, например, союзные слова, могут как и знаменательные слова употребляться в качестве членов предложения и одновременно являться средством связи в тексте.

Следует отметить, что семиотическая природа абстрактных и предметных имен различна. Абстрактные имена состоят из означающего в виде цепочки сложных морфем и сложного означаемого, в котором грамматическое значение доминирует над лексическим. Лексическое значение имени отражает наиболее общие категории абстрактных внетекстовых отношений. Общее имя является показателем отношения между ситуациями в тексте и приближается по функции к союзам. Под текстово-грамматическим значением мы понимаем отношение, которое устанавливается между соединяемыми предложениями. Имя как знак обладает и грамматическим, и лексическим значением. В зависимости от степени его использования в качестве средства связи в тексте, имя может превращаться в служебное слово, приобретать функции служебного слова. В означаемом имени, выполняющем служебную функцию, начинает преобладать грамматическое значение, в то время как лексическое значение приобретает подчиненный характер.

Грамматическим признаком слов, выполняющих соединительную функцию, является их категориальное значение – указание на связь между синтаксическими единицами, а также на характер смысловых отношений между ними. Следовательно, имя существительное для приобретения вторичной функции – функции соединительного слова (союзного слова), должно приобрести грамматические признаки, свойственные союзам. При

рассмотрении именных предложных сочетаний необходимо учитывать содержащуюся в означаемом глагола способность присоединять определенные распространители. Понятие обязательной и факультативной сочетаемости лежит в основе разграничения сильной и слабой связи. Эта теория была впервые разработана А.М. Пешковским по отношению к управлению. Сильное управление – это необходимая связь между падежной формой имени и словарной или грамматической формой глагола. Слабое управление – это связь, которая не является необходимой, при которой зависимый косвенный падеж не является обязательным и не прогнозируется лексическими или грамматическими свойствами управляющего слова (глагола)⁵. В вопросе о видах подчинительной связи существует и другой подход, который нашел свое отражение в концепции Н.Ю. Шведовой. Характеристика подчинительной связи здесь дается с учетом трех факторов: формального вида соединения слов, возникающих отношений и степени обязательности связи. В этой концепции среди зависимых падежных форм, традиционно относящихся к управляемому, выделяется три вида подчинительных связей: сильное управление, слабое управление, падежное примыкание. В основе такого разграничения лежит семантический фактор.

Исследователями выделено два основных подкласса знаменательных глаголов, которые сочетаются с именными предложными распространителями: во-первых, косвенно-переходные глаголы, требующие употребления предложного актанта, во-вторых, непереходные глаголы, которые не предполагают наличие обязательного предложного актанта. Обязательным считается актант, отмеченный словарями как регулярный и обязательный при глаголе. Также глаголы могут под воздействием контекста получать новые трактовки и реализовать валентности, не предусмотренные словарями⁶. Текстобразующая функция именной предложной группы зависит от прочности ее связи с предикатной основой предложения и от семантики членов предложного сочетания. Следовательно, непереходные глаголы предполагают употребление актантов, не предусмотренных словарем, которые под воздействием контекста могут получить иное понимание и выйти за рамки предложения, выполняя связующую функцию. Таким образом, мы можем сделать вывод, что именное дополнение или именное обстоятельство может приобрести новую синтаксическую функцию, т.е. выполнять роль соединительного элемента в тексте. Это может произойти в тех случаях, когда актант получает большую автономию и выходит за пределы глагольного узла. Обособленный актант может располагаться как перед, так и после глагольной группы⁷.

Как уже упоминалось выше, именное предложное сочетание может являться членом предложения и одновременно соединять в единое целое

несколько предложений. Подобные языковые единицы мы считаем переходными, так как не всегда понятно относить ли их к предлогам или же к свободным сочетаниям имени с предлогом. Известно, что разряды слов, выделяемые в качестве частей речи, не существуют как неподвижные категории. Д. Н. Шмелёв отмечает, что обособленное употребление отдельной грамматической формы смещает ее значение и передвигает за рамки общих значений данной части речи⁸. Такое движение может происходить в направлении к различным служебным словам. То, почему отдельные именные предложные сочетания приближаются к предлогам, а другие – к союзам, зависит от грамматической характеристики этих отдельных форм. Мы разделяем мнение лингвистов о том, что не всегда можно считать переход слова из одной части речи в другую совершившимся фактом. Например, даже наиболее близкие к предлогам сочетания *в отношении, в рамках, с целью, по причине, за исключением, в смысле, в связи* и другие могут быть разведены некоторыми другими словами: *в этом отношении, за некоторым исключением, в этой связи, в этом смысле, с этой целью, по простой причине* и т.п. Например:

1. Понятие *о целях* наблюдателя формализуется с помощью указания на то, какую из количественных характеристик... желательно максимизировать. Кажется уместным *с этой целью* попытаться представить себе интересующие нас процессы в виде некоторой блок-схемы (Фрумкина, 1974, с. 25–27).

2. *С этой целью* можно было бы обратиться к анализу таких психических состояний (Фрумкина, 1974, с. 36).

3. Особый интерес представляли напряженные и ответственные ситуации... *С этой целью* был избран для анализа обмен речевыми сообщениями между диспетчерами аэропорта и бортами самолетов (Леонтьев, 1968, с. 96).

4. Вся эта критика не конструктивна... *В этой связи* представляет интерес попытка самого Ч. Осгуда, пересмотрев свою модель, противопоставить её модели Хомского – Миллера (Леонтьев, 1968, с. 83).

5. Рассмотрим *в этой связи* два типа экспериментальных методик (Фрумкина, 1974, с. 44).

Аналогичные предложно-именные сочетания, имеющие переходный характер, мы можем встретить и во французском языке. Рассмотрим следующие предложения:

1) *Ce constat peut paraître banal, mais il ne l'est pas dans le sens où l'on a, selon les auteurs...* (Zeilinger-Trier, 2006, www. Wikipédia)

2) *Les Nouvelles Technologies ont beau rendre une organisation plus efficace du savoir avec des hypertextes et des opérateurs de recherché... Dans ce contexte ce sont les savoirs procedural et conditionnel qui comptent et non pas le savoir declarative* (Zeilinger-Trier, 2006, www. Wikipédia)

3) ... *dans ce contexte* l'apprentissage par la découverte joue un rôle important (Zeilinger-Trier, 2006, www. Wikipédia)

4) Les auteurs voient dans la télécommunication un outil de premier ordre dans la réalisation de projets, *en ce sens* qu'elle peut résoudre des problèmes d'organisation... (Zeilinger-Trier, 2006, www. Wikipédia)

5) Parmi les formes d'apprentissage à distance, l'apprentissage en tandem tient une place particulière, *en ce sens* qu'il met en contact direct deux apprenants... (Zeilinger-Trier, 2006, www. Wikipédia)

В приведенных примерах именные предложные сочетания являются свободными, так как существительные, входящие в них, не утратили своего лексического значения и могут сопровождаться, как мы видим, прилагательными (*се-этом*) и детерминативами (*le-определенный артикль мужского рода*). Кроме того, можно также отметить связующую функцию приведенных выше именных предложных сочетаний. Во втором примере предложная группа *dans ce contexte* не связана прочной связью с предикатной основой всего предложения и с глаголом-сказуемым *compter*, в семантике которого не предусматривается употребление предлога *dans* для актуализации именных актантов. Действие этого сочетания не ограничивается предложением 2, а распространяется на окружающие его предложения. Семантика имени *ce contexte* является абстрактно-обобщающей, оно утратило свою предметную референтность и стало выполнять связующую функцию в тексте.

Таким образом, союзная, связующая функция именных предложных сочетаний зависит от семантики членов предложной группы и от прочности связи с предикатной основой предложения.

Список проанализированных текстов

1. Фрумкина Р.М. Прогноз в речевой деятельности. М., 1974.
2. Леонтьев А.А. Теория речевой деятельности (проблемы психолингвистики). М., 1968.
3. Zeilinger-Trier M. L'analyse du livre «Projet TEHNE: vers un apprentissage collaboratif dans une classe virtuelle bilingue». [http:// fr.wikipedia.org/wiki/ Psycholinguistique](http://fr.wikipedia.org/wiki/Psycholinguistique), 2006.

¹ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 94.

² Уфимцева А.А. Языковая номинация. М., 1977. С. 35.

³ Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. Л., 1986. С. 154.

⁴ Крейдлин Г.Е. Служебные слова в русском языке. М., 1979. С. 30.

⁵ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 285.

⁶ Гарипов Р.К. Особенности категоризации именных единиц в пределах сверхфразовых единств. Уфа, 1998. С. 97.

⁷ Теньер Л. Основы структурного синтаксиса: перевод с французского. М., 1988. С. 189.

⁸ Шмелёв Д.Н. Избранные труды. М., 2002. С. 339.

ТЕОРИЯ ФОНЕМЫ В ПРИКЛАДНОМ АСПЕКТЕ

А.А. Хомутова

В статье освещаются вопросы теоретической и практической фонетики современного английского языка: анализируются различные подходы к определению фонемы и ударения, приводится универсальная классификация гласных и согласных фонем английского языка, предлагается использование новых информационно-коммуникационных технологий в обучении фонетике иностранного языка, рассматриваются структура и содержание созданного автором статьи мультимедийного курса по обучению фонетике современного английского языка.

Проблематика языкового выражения времени достаточно обширна, но мы рассмотрим лишь те вопросы, которые связаны непосредственно с функционально-семантическим полем темпоральности, а точнее, его периферией, то есть обстоятельственными наречиями времени.

Современная лингвистика уделяет особое внимание прикладному аспекту фундаментальных исследований, интерес к которым в последнее время возрос с появлением информационно-коммуникационных технологий в обучении иностранному языку.

К прикладному аспекту лингводидактических исследований можно отнести создаваемый нами мультимедийный курс обучения практической фонетике современного английского языка. Базовой единицей такого курса является фонема. Без глубокого проникновения в теорию фонемы невозможно дать полного представления о практической фонетике иностранного языка.

Возникновение теории фонемы связано с деятельностью двух основных лингвистических школ: Пражского Лингвистического Кружка (ПЛК) и Московской Фонетической Школы (МФШ).

Европейские структуралисты ПЛК, в частности Р. Якобсон и Н. Трубецкой, унаследовали от своего предшественника Ф. де Соссюра идею о том, что язык является системой знаков. Они заложили основы изучения звукового строя языка как строго регулируемой системы, в которой знак, или символ, имеет две основные характеристики: форму и значение¹. Звук является символом с определенной формой (звуковой характеристикой, отличающей его от других звуков) и определенной значимостью, т.е. способностью указывать на различие в значении слов. Например, звуки [k] и [g] в английском языке различаются по форме, т.е. звучанию, и имеют смысловозначительную функцию, например, *coat-goat*. Такие звуки в этой теории и называются фонемами или смысловозначительными единицами. Фонемы могут иметь несколько произносительных вариантов – аллофонов, которые находятся в отношении дополнительного распределения, обусловленного законами фонотактики. Например, твердый и мягкий звуки [l] и [l̥] в английском языке являются аллофонами фонемы

[l]. Однако разница в мягкости/твердости в английском языке не всегда используется для смысловоразличения.

Так как отдельные качественные свойства звуков последовательно используются в языках мира для смысловоразличения, Р.Якобсон предложил считать, что не сами отдельные фонемы, а их признаки несут смысловозначительную функцию. Например, [k] и [g] в словах *coat* и *goat* различаются по звонкости, и именно эта разница используется для смысловоразличения. Таким образом, признак звонкость/глухость может нести смысловозначительную нагрузку и входит в число общеязыковых дифференциальных признаков.

По определению Н.Трубецкого фонема есть «пучок дифференциальных признаков» и отдельные фонемы различаются благодаря разным дифференциальным признакам². Например, фонемы [t] и [d] различаются по признаку звонкости/глухости, а фонемы [t] и [z] различаются по признакам звонкости/глухости и смычности/несмычности, так как [t] – смычный, а [z] – щелевой согласный. В таком понимании звуки являются фонемами только в оппозиции с другими звуками, т.е. они должны различаться хотя бы по одному дифференциальному признаку.

Пражскими структуралистами доказана гипотеза о бинарности дифференциальных признаков³. Каждый признак может иметь только два значения (+/-) и отдельный звук обязательно характеризуется тем или иным значением дифференциального признака. Например, если признак звонкости/глухости имеет значение [+ / – звонкий], то фонема [d] характеризуется наличием значения [+ звонкий], а фонема [t] – значением [- звонкий]. Таким образом, отсутствие положительного значения признака у фонемы означает, что у нее имеется отрицательное значение этого признака.

Следствием бинарности является положение о невозможности какой либо градации дифференциальных признаков. Например, согласные звуки не могут различаться по степени звонкости. Если фонетически многие качества звуков различаются по степеням, например разная степень озвончения/оглушения в разных позициях в слове, то фо-

нологически значение звуков более абстрактное и звуки характеризуются только наличием или отсутствием значения определенного признака.

Ученые МФШ исходили из признания того, что фонетика языка представляет собой живое единство противоположностей, а именно единство бесконечного и конечного, где бесконечное количество звуков объединяются в конечное количество элементов. Эти элементы и есть фонемы. Следовательно, задача заключается в том, чтобы найти принцип объединения звуков в фонемы. Фонема, по МФШ, есть фонологическая единица, которая служит для различения смысловых единиц языка (слов и морфем). Фонема представляется в языке как совокупность позиционных вариантов⁴.

Сравнивая две концепции – ПЛК и МФШ – можно сделать вывод, что существенных противоречий между ними нет. Концепция ПЛК исходит из понятия оппозиции и различения всего, что вступает в оппозицию, и потому функциональна. Концепция – МФШ – исходит из понятия позиции и функционального отождествления всех тех различий, которые обусловлены позицией и потому нефункциональна. Это два разных способа описания одной и той же реальности.

Вслед за учеными-лингвистами Н. Трубецким², М.А. Соколовой⁵, Р. Roach⁶ мы определяем фонему как совокупность дифференциальных признаков. Понимание фонемы как совокупности дифференциальных признаков на наш взгляд, является более приемлемым для целей обучения практической фонетике, так как позволяет ясно представить разницу между фонемой как единицей фонологии и аллофоном как практической реализацией фонемы в речи в зависимости от контекста, фонетического и социального. Более того, различение фонем происходит благодаря наличию или отсутствию того или иного дифференциального признака, а классификация звуков основана на дифференциальных признаках фонем.

Одним из фундаментальных открытий в фонологии стала теория ударения, сформулированная М. Либерманом⁷. М. Либерман выдвинул идею о том, что ударение – это не дифференциальный признак отдельных гласных фонем, а фонологический процесс, который объединяет компоненты слов и словосочетаний в самостоятельные группы. В теории метрической фонологии ударение определяет отношение между слабыми и сильными позициями в слове. Такие отношения всегда построены на контрасте. Если один слог сильный (σs в символах метрической фонологии), то смежный с ним слог будет слабым (σw). Таким образом, любое слово с метрической точки зрения представляет собой чередование сильных и слабых слогов, и последовательность такого чередования предсказуема в любом языке. Метрическая стопа ($\Sigma s/\Sigma w$ в символах метрической фонологии), которая состоит из слогов, также имеет сильный и слабый компонент, а ударение всегда падает на самый

сильный слог в слове, т.е. на такой сильный слог, который является компонентом сильной метрической стопы. Сама метрическая стопа может быть как сильной, так и слабой. Например, слово *Alabama* строится в виде метрического дерева следующим образом:

w (word)			
Σw			Σs
σs	σw	σs	σw
a	la	ba	ma

Ударение в этом слове падает на слог /ba/ – сильный слог в сильной метрической стопе.

В современной версии метрической фонологии метрическое дерево было заменено на более абстрактную систему изображения сильных и слабых позиций в слове. Эта система называется метрическая решетка. В метрической решетке каждый слог условно обозначается крестиком, а степень «силы» слога определяется высотой колонки крестиков:

	x			
	x	x		
	x	x	x	x
	a	la	ba	ma

Несмотря на различия в деталях обе картинки основаны на гипотезе о том, что ударение – это система группировки слогов и метрических стоп в фонологическом слове⁸.

Теория ударения и теория фонемы являются обязательными компонентами формирования фонологической компетенции в курсе практической фонетики иностранного языка. Без знания звуков, их сочетаемости, аллофонов, фонетических процессов, правил ударения, интонации и ритма ни один коммуникативно-направленный курс иностранного языка не будет успешным.

Для повышения эффективности обучения современная методика преподавания иностранного языка предлагает новые информационно-коммуникационные технологии. Задачи формирования творческой личности, создания информационной среды, стандартизации образования, развития вторичной языковой личности могут быть эффективно реализованы, на наш взгляд, на основе мультимедийных технологий, которые открывают неограниченные возможности для самообучения и самореализации личности в контексте непрерывного образования. Под мультимедийными технологиями в настоящей работе мы понимаем использование ресурсов, которые предоставляют нам Интернет, мультимедиа, флэш-технологии, электронные учебные пособия.

Нами разработан мультимедийный курс по дисциплине «Практическая фонетика английского языка» для студентов I курса языковых факультетов высших учебных заведений. Данный мультимедийный курс состоит из теоретической и практической части и основан на трех модулях: «Тео-

рия», «Тесты», «Диалоги». Модуль «Теория», где содержится теоретический материал, разделяется на три части: «Согласные звуки», «Гласные звуки», «Слоговая структура и ударение». Часть «Согласные звуки» включает *Введение*, шесть блоков по звукам, и седьмой блок, в который входят фонетические процессы согласных звуков, такие как ассимиляция и элизия. Часть «Гласные звуки» включает *Введение*, пять блоков по звукам, и шестой блок, в который входят фонетические процессы гласных звуков, такие как редукция, сильные и слабые формы, сочетания гласных. Часть «Слоговая структура и ударение» включает образование слогов и их деление, степени и позиции ударения в слове, ударение в сложных словах и ритм.

Курс практической фонетики английского языка начинается с изучения органов речи и их работы, основных понятий и типичных ошибок. Поэтому во введении представлено изображение органов речи в виде рисунка, даются их названия. При нажатии на кнопку определенного органа речи высвечивается его расположение в речевом аппарате. Таким образом студенты могут наглядно ознакомиться с органами речи, выучить их название и запомнить местоположение.

Во введении к согласным и гласным звукам также приводятся классификации согласных и гласных звуков, где фонемы разделяются по признаку дифференциальности.

Универсальная классификация согласных звуков, которую мы принимаем в своей работе, состоит из семи классов, которые делятся:

1) по позиции мягкого неба: *ротовые* [p, b, t, d, k, g, f, v, s, z, θ, ð, ʃ, ʒ, tʃ, dʒ, h, w, r, l, j] и *носовые* [m, n, ŋ];

2) по степени шума: *шумные* [f, v, s, z, h, p, b, t, d, k, g, θ, ð, ʃ, ʒ, tʃ, dʒ] и *сонорные* [m, n, l, w, r, j, ŋ];

3) по типу преграды/способу артикуляции: *смычные* (взрывные [p, b, k, g, t, d]), *сонорные* [m, n, ŋ]; *щелевые* (фрикативные [f, v, s, z, h, θ, ð, ʃ, ʒ], *сонорные* [w, r, l, j]); *аффрикаты* [tʃ, dʒ]; *дрожжащие* (русский [r]);

4) по активному органу речи: *губные* (губно-губные [p, b, m, w], губно-зубные [f, v]); *язычные*: *переднеязычные* (по работе кончика языка: апикулярные [t, d, s, z, n, l, tʃ, dʒ, ʃ, ʒ, θ, ð], дорсальные русские [т, д, с, з, н, ц, ч], какуминальные [г, р]); по месту образования преграды: межзубные [θ, ð], дентальные русские [т, д, с, з, ц, л], альвеолярные [t, d, s, z, n, l], за-альвеолярные [г, р], палатально-альвеолярные [tʃ, dʒ, ʃ, ʒ]); *среднеязычные* (палатальные [j]); *заднеязычные* (велярные [к, г, ŋ]); *глоттальные* [h];

5) по работе голосовых связок: *звонкие* [b, g, d, v, z, ð, ʒ, dʒ, m, n, l, r, j, ŋ, w], *глухие* [p, t, k, f, s, θ, ʃ, tʃ, h];

6) по силе артикуляции: *сильные* [p, t, k, f, s, θ, ʃ, tʃ, h], *слабые* [b, g, d, v, z, ð, ʒ, dʒ, m, n, l, r, j, ŋ, w];

7) по количеству преград: *однофокусные* [m, n, ŋ, r, j, p, b, k, g, t, d, s, ʒ, f, v, h, θ, ð, ʃ, ʒ, tʃ, dʒ], *двуфокусные* [l, w, tʃ, dʒ, ʃ, ʒ]⁹.

Классификация гласных звуков составляет пять классов, которые делятся:

1) по стабильности артикуляции: *монофтонги* [i, e, u, ə, æ, ɒ, ə:, ʌ, ɑ:, ɔ:], *дифтонги* [iə, uə, eə, eɪ, aɪ, aʊ, ʒʊ, ɔɪ], *дифтонгоиды* [i:, u:]

2) по положению языка:

а) горизонтальные: *передние* [i:, e, æ], *передние отодвинутые назад* [ɪ], *центральные* [ʌ, ə:, ə], *задние* [u:, ɔ:, ɑ:, ɒ], *задние продвинутые вперед* [ʊ];

б) вертикальные: *закрытые* [i:, ɪ, u, u:], *средние* [e, ʌ, ə:, ə], *открытые* [ɑ:, ɔ:, æ, ɒ];

3) по положению губ: *округленные* [ʊ, u:, ɔ:, ɒ], *неокругленные* [æ, e, ɪ, ɑ:, i:, ə];

4) по характеру конечной гласной: *открытый слог* (money, before), *закрытый слог* (cart, better);

5) по долготе гласного звука: *долгие* [i:, u:, ɑ:, ɔ:, ə:], *краткие* [e, v, ɪ, æ, ɒ, ə, ʌ]⁹.

По сравнению с другими классификациями¹⁰ принятая нами классификация гласных и согласных звуков является наиболее полной и универсальной. Считаем, что ее использование будет оптимальным для целей преподавания практической фонетики английского языка.

Студенты 1 курса факультета лингвистики Южно-Уральского государственного университета изучают дисциплину «Практическая фонетика английского языка» по учебнику Соколовой М.А. и др.⁵ Данный учебник четко и ясно излагает теоретический материал, поэтому мы рекомендуем его в качестве основного учебника. Тем не менее, нами проведена работа по совершенствованию теоретического материала по звукам, путем представления его в табличной форме: каждый звук характеризуется по 7 параметрам: 1) определение, 2) артикуляция, 3) рекомендации по произнесению 4) аллофоны, 5) фонетические особенности звуков: влияние предыдущих гласных, аспирация, палатализация (для согласных), 6) сравнение с русским звуком, 7) возможные ошибки и их исправление. Таким образом, студенты смогут изучать теорию не только в текстовой форме, как это дано в учебнике, но и по таблице. Мы считаем, что понимание и овладение теоретическим материалом будет более эффективным, если этот материал будет представлен в таблице. Материал, организованный в таблице, запоминается быстрее, так как студенты концентрируют свое внимание не на нескольких страницах учебника, где описан один звук, а на одной строке, где в колонках даны параметры звука.

Более того, так как студенты используют различные виды памяти, в частности визуальную и слуховую, для каждого звука будет сделана аудио-

запись. Таким образом, можно будет прослушать не только сам звук, но и всю касающуюся его информацию. В качестве иллюстрации каждого звука дается несколько слов, которые можно прослушать и повторить. Например, после изучения теоретического материала на звук [p], нажатием кнопки *play* можно прослушать этот звук. Студенту дается возможность прослушивать звук столько раз, сколько необходимо. Затем даются слова с этим звуком в разных позициях, например, *pen, apple, tip*, и указывается, что в начальной позиции звук [p] имеет сильную степень аспирации, в середине слова – среднюю степень, а в конечной позиции – слабую степень аспирации. При нажатии на кнопку *play* можно прослушать, как произносятся данные слова, и повторить их за диктором. После изучения каждого блока теоретического материала студенты выполняют тест.

В Модуле «Тесты» представлены тесты как в форме вопросов, на которые следует ответить, заполнив таблицу, так и вопросов с множественным выбором. Например, тест по теме «**Noise Consonants. Fricatives [s, z, ʃ, ʒ, h]**»:

1. Tick off your advice to a fellow-student who pronounces Russian [ш'] instead of English [ʃ](more than one variant is possible):

1) the contact between the tip of the tongue and the alveolar ridge should be very firm

2) **make your sound apical**

3) **raise the tip of the tongue to the back of the alveolar ridge**

4) raise the front part of the tongue to the hard palate

5) **don't raise the front part of the tongue too high**

6) make the sound rather weak

2. Fill in the definition:

[ʃ, ʒ] are called bicentral because they have (two)... places of (articulation)...

1. The (tip) ... of the tongue is (close)... to the (back)... part of the teeth ridge. 2. The (front) ... part of the tongue is (raised)... towards the (hard palate)...

3. Fill in the blanks (см. таблицу).

На каждый тест отводится 10 минут. После

завершения теста, нажатием на кнопку *Finish test*, выводится результат теста в виде оценки, которая заносится в базу данных. В базе данных хранится номер группы и фамилии студентов, которые занимаются по данному пособию. Результаты всех тестов заносятся в эту базу данных в виде оценок и процентов. Таким образом, преподаватель в любой момент может просмотреть оценки каждого студента за каждый тест. Если студент выполняет тест на «неудовлетворительно», у него есть возможность пройти второй вариант этого теста, но только после того, как материал будет повторен заново. После изучения всех блоков по согласным звукам, студенты выполняют общий тест по согласным, такой же общий тест они выполняют после изучения материала по гласным звукам. После завершения работы с теоретическим материалом, студенты переходят к практической части занятия, которая начинается с работы над диалогами. В модуле «Диалоги» диалоги представлены в виде списка, каждый диалог направлен на отработку определенного звука и интонационного рисунка (материал по интонационным моделям пройден в 1 семестре). Студент выбирает необходимый диалог и нажатием кнопки *play* прослушивает этот диалог. Затем интонирует его по предложениям, то есть расставляет в предложении интонационные значки. Перед каждым словом имеется меню выбора интонационных значков. Слушая диалог, студент выбирает тот значок, который он считает правильным. Если он проинтонировал предложение правильно, то после нажатия кнопки *Next sentence* автоматически появляется следующее предложение. Если же студент проинтонировал предложение неправильно, то после нажатия кнопки *Next sentence* появится фраза *You've made some mistakes. Try again!* Студенту следует еще раз прослушать эту фразу в диалоге и еще раз протонировать предложение. Перед теми словами, где интонация проставлена правильно, интонационные значки высветятся зеленым цветом. А перед теми словами, где имеется ошибка, останется меню выбора интонационных значков. Необходимо поставить интонационные значки к этим словам еще раз. После того, как студент проинтонирует последнее предложение в диалоге и нажмет кноп-

Таблица

According to the place of articulation	<i>Labial</i>	<i>Lingual, Forelingual</i>			<i>Glottal</i>
	Labio-dental	Interdental, apical	Apical alveolar	Apical palato alveolar	
strong, fortis	f	θ	s	ʃ	h
weak, lenis	v	ð	z	ʒ	

*Слова и выражения, выделенные жирным шрифтом, являются правильным ответом.

ку *Next sentence*, весь проинтонированный диалог появится на экране, где все интонационные значки выделены зеленым цветом. Студенту необходимо прослушать этот диалог несколько раз и повторить самому. После того, считаем, что мультимедийный курс практической фонетики английского языка будет способствовать повышению мотивации студентов к изучению иностранного языка, так как, во-первых, в нем представлен новый современный метод подачи и изучения материала, во-вторых, программа рассчитана на индивидуализацию обучения, в-третьих, студентам предоставлена возможность выполнять практическую часть в домашних условиях, в-четвертых, программа предусматривает объективное и быстрое выставление оценок за тестовые задания, а также возможность оперативной работы над ошибками.

Используя данную мультимедийную программу, преподаватели дисциплины «Практическая фонетика английского языка» освобождаются от проверки тестовых заданий, так как проверяет тесты и выставляет объективную оценку сама программа. Кроме того, преподавателю не нужно тратить время на занятия на проверку интонирования диалогов, так как правильный вариант всех диалогов заложен в программу и доступен студентам, следовательно, большая часть времени на занятии отводится практической работе над произношением и интонацией в диалогах.

Таким образом, разработанный нами мультимедийный курс обучения практической фонетике английского языка будет несомненно способствовать более эффективному формированию фонологической компетенции студентов на основе фундаментальных знаний по теории фонемы и ударения.

¹ Якобсон Р. и Халле М. Фонология и ее отношение к фонетике // Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962. С. 231–278. Трубецкой Н.С. Основы фонологии / Пер. с нем. А.А. Холодовича; Под ред. С.Д. Кацнельсона. М.:

Аспект Пресс, 2000. С. 352. Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Секериной. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 169–171.

² Трубецкой Н.С. Основы фонологии / Пер. с нем. А.А. Холодовича; Под ред. С.Д. Кацнельсона. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 352.

³ Jacobson R. and Halle M. Fundamentals of language. The Hague, 1956.

⁴ Камчатнов А.М., Николина Н.А. Введение в языкознание: Учеб. пособие для филологических факультетов университетов и педагогич. вузов. 2-е изд., М.: Флинта: Наука, 2000. С. 232.

⁵ Соколова М.А., Гинтовт К.П., Кантер Л.А. и др. Практическая фонетика английского языка: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. С. 384.

⁶ P.Roach, Phonetics. Oxford University Press, 2001. 116p. P.Roach, English Phonetics and Phonology. Cambridge University Press, 1996.

⁷ Liberman M, Prince A. On Stress and Linguistic Rhythm Linguistic Inquiry, 1977, 249–336.

⁸ Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Секериной. М.: Изд-во МГУ, 1997 С. 169–171.

⁹ Степановичюс А.Ю. Историческая фонология английского языка: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1987. 208 с. На англ. яз. Соколова М.А., Гинтовт К.П., Кантер Л.А. и др. Практическая фонетика английского языка: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. С. 384. Практический курс английского языка. 1 курс. Учеб. для пед. вузов по спец. «Иностр. яз.» / Л.И. Селянина, К.П. Гинтовт, М.А. Соколова и др.; под ред. В.Д. Аракина. 5-е изд., испр. М.: Гуманит.изд.центр ВЛАДОС, 1999. С. 536. P.Roach, Phonetics. Oxford University Press, 2001. 116p. P.Roach, English Phonetics and Phonology. Cambridge University Press, 1996.

¹⁰ Chomsky N. and Halle M. The Sound Pattern of English. New York, London, 1968. Якобсон Р., Фант Г.М., Халле М. Введение в анализ речи // Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962. С. 173–230. Н.С. Трубецкой Основы фонологии. М., 1960.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Балакина Эллина Фаритовна, аспирант кафедры культуры речи и профессионального общения ЮУрГУ. Научный руководитель – д.филол.н., профессор Е.В. Харченко, преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ЮУрГУ.

Биньковская Мария Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общей лингвистики ЮУрГУ. E-mail: vladimir-chel@yandex.ru

Будаев Эдуард Владимирович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. E-mail: aedw@rambler.ru

Воробьева К.А., аспирант Челябинского государственного университета. Научный руководитель – доктор филологических наук Н.Б. Попова.

Евсеева Ольга Владимировна, аспирант, преподаватель кафедры культуры речи и профессионального общения ЮУрГУ. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е.В. Харченко. E-mail: olga_evs@hotmail.com.

Залялеева Алсу Равхатовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Казанского государственного университета. E-mail: alsu.zal@mail.ru.

Кацюба Лариса Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры речи и профессионального общения ЮУрГУ.

Корюкина Наталья Васильевна, аспирант, ассистент кафедры иностранного языка, лингвистики и межкультурной коммуникации Пермского государственного технического университета. E-mail: kornatalia2001@mail.ru

Кудрук Глеб Николаевич, аспирант кафедры культуры речи и профессионального общения ЮУрГУ. Научный руководитель – д.филол.н., профессор Е.В. Харченко. E-mail: kug@susu.ac.ru.

Ларионова Алла Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Уральского государственного технического университета. E-mail: alarionov@bk.ru.

Миньяр-Белоручева Алла Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: ostvera@yandex.ru.

Нестерова Наталья Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранного языка, лингвистики и межкультурной коммуникации Пермского государственного технического университета. E-mail: nest-nat@yandex.ru.

Овешкова Анна Николаевна, ассистент кафедры английской филологии и сопоставительного языкознания Института иностранных языков УрГПУ. Научный руководитель – д.филол.н. профессор В.П. Хабилов.

Плеухова Елена Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-

германской филологии Казанского государственного университета. E-mail: Elena.pleuchova@ksu.ru

Покровская Марина Евгеньевна, преподаватель кафедры иностранных языков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Попова Вера Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры речи и профессионального общения ЮУрГУ. E-mail: popova.vera@mail.ru.

Радченко Елена Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры речи и профессионального общения ЮУрГУ.

Сафина Римма Абельхаеровна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры романо-германской филологии Казанского государственного университета. E-mail: rsafina@mail.ru.

Соколова Юлия Геннадьевна, соискатель кафедры педагогики и психологии Челябинской государственной академии культуры и искусств. Научный руководитель – кандидат педагогических наук О.Г. Усанова.

Сулейманова Диляра Джавдетовна, соискатель кафедры русского языка и литературы в национальной школе Казанского государственного университета. E-mail: dalien@mail.ru.

Суязова Екатерина Александровна, преподаватель кафедры иностранных языков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Толстых Ольга Анатольевна, аспирант кафедры зарубежной литературы Уральского государственного университета, старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ЮУрГУ.

Хацкова Александра Анатольевна, аспирант, преподаватель кафедры общей лингвистики ЮУрГУ. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Р.К. Гарипов.

Хомутова Анастасия Александровна – аспирант, преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ЮУрГУ. Научный руководитель – доктор педагогических наук, профессор, академик И.А. Цатурова. E-mail: anastassia98@rambler.ru.

Хомутова Тамара Николаевна, кандидат филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ЮУрГУ. Декан факультета лингвистики ЮУрГУ. E-mail: tnh@susu.ac.ru.

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Уральского государственного педагогического университета, зав. кафедрой риторики и межкультурной коммуникации. Председатель двух диссертационных советов в УрГПУ. Профессор-совместитель кафедры общей лингвистики ЮУрГУ. E-mail: ap_chudinov@mail.ru.

**ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

№ 1(73) 2007

**Серия
«ЛИНГВИСТИКА»
Выпуск 4**

Издательство Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 21.02.2007. Формат 60×84 1/8. Печать трафаретная.

Усл. печ. л. 11,62. Уч.-изд. л. 12,5. Тираж 100 экз. Заказ 25/10.

Отпечатано в типографии издательства ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76